

Это цифровая копия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие засиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредиринали некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оптического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

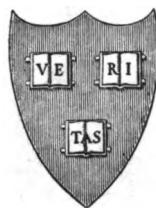
HDI

HL 1Q4E R

A7

Tenishov, V. V.
Проросудие ...

HARVARD LAW SCHOOL
LIBRARY

Received OCT 1 1936

Сибирь въ
жизни и быту

ПРАВОСУДІЕ

въ русскомъ крестьянскомъ быту

Сводъ данныхъ, добытыхъ этнографическими материалами
покойного князя В. Н. Тенишева.

Князя В. В. Тенишева.

БРЯНСКЪ.
Типографія Л. И. Итина и К°.
1907 г.

OCT 1 1936

Подвигається
пам'ята моого отця
Князя В. Н. Потічкев.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Въ 1898 году отецъ автора, покойный князь Вячеславъ Николаевичъ Тенишевъ, предпринялъ этнографическое изслѣдованіе, касающееся всѣхъ сторонъ быта великорусскаго крестьянина. Имъ была издана „программа этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ центральной Россіи“ (Смоленскъ, 1898). Было засимъ организовано этнографическое бюро, въ Петербургѣ, куда присылались всѣми сотрудниками, работавшими, по указанной программѣ, ихъ работы, и гдѣ должна была производиться сводка присланныхъ матеріаловъ. Основаніемъ работы сотрудниковъ было слѣдующее требование: „Сотрудникъ долженъ помнить, что отъ него требуются факты, а не общіе выводы, поэтому къ вопросамъ программы необходимо пріурочить отдѣльные наблюденія, поставивъ себя въ положеніе достовѣрнаго свидѣтеля о видѣнномъ и слышанномъ въ народномъ быту. Общіе же выводы будуть сдѣланы въ центральномъ этнографическомъ бюро въ Петербургѣ“. (Программа ст. 5). Къ сожалѣнію, огромное количество присланного въ бюро цѣннаго этнографического матеріала осталось, благодаря кончинѣ князя В. Н. Тенишева въ 1903 году, неразработаннымъ.

Самое бюро, какъ учрежденіе, не отличалось творческою продуктивностью и за время его дѣятельности были изданы только двѣ монографіи: „Нечистая сила“ С. В. Максимовъ (СПБ. 1899 и 1903 г.) и „Русская Народно-Бытовая Медицина“ д-ра медицины М. Попова (СПБ. 1903), а также „Разсказы изъ Народнаго Быта“ Анны Стеллингъ (СПБ. 1903), принадлежащія перу отдѣльныхъ сотрудниковъ. Все это побудило князя В. Н. Тенишева принять трудъ разработки лично на себя. Подготавливав-

шійся къ печати трудъ его „Быть великорусскихъ крестьянъ землепашцевъ“ не былъ, ввиду кончины автора, законченъ.

Послѣ смерти князя В. Н. Тенишева материалы этнографического бюро были переданы наследницею покойного, княгинею М. К. Тенишевою, въ музей Императора Александра III, въ С.-Петербургѣ, гдѣ они являются въ настоящее время предметомъ пользованія каждого, кто ими интересуется.

Не имѣя возможности произвести разработку всего имѣющагося материала, авторъ настоящаго труда предпринялъ изслѣдованіе лишь о правовомъ бытѣ русскаго крестьянина. Настоящая монографія является посильной попыткой свести воедино всѣ материалы, касающіеся суда въ крестьянскомъ быту.

Авторъ потому выбралъ въ первую очередь отдѣль правосудія, что 1) въ виду предстоящей реформы мѣстнаго суда имѣющіеся цѣнныя материалы утратятъ въ случаѣ промедленія значеніе современности а 2) и главное потому, что эти материалы съ очевидностью доказываютъ полнѣйшую негодность той юстиціи, которая, по отзыву т. с. Стишинскаго, рѣшаетъ 80% всѣхъ дѣлъ 80% всего населенія имперіи и потому должны наглядно выяснить передъ общественнымъ мнѣніемъ необходимость скорѣйшей реформы. Вѣрно, что вопросъ о мѣстномъ судѣ уже находился на разсмотрѣніи второй Государственной Думы, но столь же несомнѣнно, что ему удѣлялось вниманія много меньшее, чѣмъ онъ того заслуживалъ. Замѣнить господствующій нынѣ хаосъ правосудія настоящей мѣстной юстиціей значило бы заложить фундаментъ правового строя въ странѣ, сдѣлать этотъ правовый строй дѣйствительнымъ достояніемъ населенія. Авторъ счѣль бы себя счастливымъ, если предлагаемый читателямъ трудъ укрѣпитъ въ нихъ это убѣжденіе.

Что касается засимъ самой классификаціи разбираемыхъ вопросовъ, то авторъ считаетъ нужнымъ оговорить, что ввиду расположения вопросовъ въ „программѣ этнографическихъ свѣдѣній“ и отвѣтовъ

корреспондентовъ на эти вопросы, система всей работы является выдержанной далеко не вполнѣ и особенно въ главахъ объ „участвующихъ въ процессѣ лицахъ“ и о „судебныхъ доказательствахъ“ приходилось дѣлать отступленія въ другія, соприкасающіяся съ разбираемыми, области. Притомъ эти главы затрагиваютъ не только вопросы производства дѣлъ въ волостныхъ судахъ, но отчасти и при внѣсудебномъ разбирательствѣ.

Настоящій трудъ содержитъ въ себѣ сводъ матеріаловъ, послужившихъ отвѣтами на вопросы программы этнографическихъ свѣдѣній отъ 44 до 90 (Глава „Судъ и расправа“) и 33 (объ административной высылкѣ порочныхъ членовъ по приговору общества), какъ затрагивающей вопросъ, примыкающей къ настоящему изслѣдованию.

Перечень губерній и уѣздовъ, изъ которыхъ были присланы корреспонденціи, послужившія матеріалами настоящаго труда, съ указаніемъ именъ ихъ авторовъ, приложенъ къ предисловію. Кромѣ того, въ текстѣ сдѣланы выборки наиболѣе характерныхъ разсказовъ и отзывовъ, содержащихся въ корреспонденціяхъ, которая и приведены каждый разъ съ указаніемъ ихъ авторовъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ почтить глубокою благодарностью память покойной Лидіи Алексѣевны Гальпертъ, оказавшей мнѣ огромную помощь перепиской находящихся въ Музѣѣ Импѣратора Александра III матеріаловъ, относящихся къ отдѣлу правосудія, что дало мнѣ возможность закончить настоящую работу, не покидая Брянскаго уѣзда.

Приложение къ предисловію корреспонденціи, послужившіа источникомъ для свода.

Губернія.	У Ъ З Д Ъ	Фамилія корреспондентовъ.
Новгородская.	Тихвинскій.	Закатовъ Парихинъ Ивановъ Матвеевъ Шахотскій
	Череповецкій.	Антиповъ Васильевъ Власовъ
Вологодская	Вологодскій.	Чапурскій Соколовъ Сатраповъ
	Кадниковскій.	Дилакторскій Мерцаловъ
	Сольвычегодскій.	Кирилловъ.
	Грязовецкій.	Голубцовъ. Старовѣровъ.
	Тотемскій.	Каменевъ. Жуковъ. Суворовъ.
Олонецкая.	Хмѣлевскій.	Шустъковъ.
	Никольскій.	Ржаницынъ.
	Вытегорскій.	Иванинскій.
	Порховскій.	Сенинъ.
Псковская.	Романо-Борисогл.	Куницынъ.
	Даниловскій.	{ Баловъ.
	Любимовскій.	
	Пошехонскій.	Баловъ. Деруновъ.
Ярославская.	Ростовскій.	Фоминъ.
	Ростов. (Юрьевс.)	Дружининъ.
	Буйскій	Травинъ.
(Владимірск.)		
Костромская		

Вятская.	Бетлужский.	Кузнецовъ.
	Макарьевский.	Костинъ.
Тверская.	Солигаличский.	Колосовъ.
	Село Троицкое-Леденское	Кузнецовъ.
Владимирская.	Котельниковский.	Сазоновъ.
	Орловский.	Мышкинъ.
Орловская.	Яранский.	Мѣшковъ.
	Вышневолоцкий.	Гребеневъ.
Смоленская.	Зубцовский.	Наумовъ.
	Владимирский.	Кор. „Тверского Вѣстника“.
	Александровский.	Страшининъ.
	Меленковский.	Рождественскій.
	Орловский.	Хатунинъ.
	Болховской.	Щегловъ.
	Ст. Хотынецъ.	Азбукинъ.
	Карабинский.	Солнышкинъ.
	Кромской.	Михѣевъ.
	Мценский.	Булгаковъ.
	Дмитровский.	Преображенскій.
	Елоцкий.	М-съ.
	Вяземский.	Костинъ.
	Дорогобужский.	Сахаровъ.
	Сычевский.	Перъковъ.
	Юхновский.	Григорьевъ.
		Морозовъ.
		Римкинъ.
		Козловъ.
		Преображенскій.
		Трубинъ.
		Титовъ.
		Гриневъ.
		Титовъ.
		Гриневъ.
		Яковлевъ.
		Куиннеревъ.
		Сырогоновъ.
		Рыбалкинъ.

Калужская.	Калужский. Козельский. Жиздринский.	Лебедевъ. Лошмановъ. Сурпаковъ. Зоринъ. Лебедевъ.
Тульская.	Одоевскій. Веневскій. Тульскій.	Григорьевъ. Шаталинъ. Садовниковъ.
Рязанская.	Скошинскій. Егорьевскій. Пронскій Зарайскій.	Чепуринъ. Поповъ. Кутеховъ. Кобенинъ. Мендельсонъ.
Нижегородская	Макарьевскій.	Кор. „Биржевыхъ Вѣдомост.“ Корвінь-Круковскій.
Казанская.	Васильсурскій. Спасскій. Лашеевскій.	Корвінь-Круковскій. Ивановъ.
Симбирская.		Арнольдовъ. Куронтевъ. (Сим. Г. Вѣдом.)
Тамбовская.	Алатырскій. Елатомскій. Липецкій.	Роздинъ. Кондрашовъ. Петровъ.
Пензенская.	Пензенскій. Керенскій. Инсарскій. Краснослабодскій.	Квачевскій. Тихомировъ. Глѣбовъ. Муромскій. Архангельскій. Лентовскій. Богомазовъ.
Саратовская.	Саранскій. Городищенскій. Кузнецкій.	Каблуковъ. Филимоновъ. Симоновъ. Смирновъ.
Курская.	Хвалынскій. Обоянскій.	Мироновъ. Соловьевъ.

ГЛАВА I.

Общія понятія крестьянъ о судѣ.

§ 1. Понятіе крестьянъ о судебной власти вообще.

У крестьянъ рѣдко можно встрѣтить примѣры философскаго отношенія къ вопросу о власти судить и наказывать вообще. Такъ существуетъ воззрѣніе, что власть разрѣшенія судебныхъ дѣлъ принадлежитъ „Богу и поставленнымъ отъ Царя властямъ“. (Смол. губ. Дорогобуж. у. Гриневъ). Другою точкой зрењія обосновывается иногда взглядъ, что „власть разрѣшенія судебныхъ дѣлъ принадлежитъ закону: суды являются не самостоятельными разрѣшителями ихъ, а лишь исполнительными органами воли закона; рѣшительно на всякое дѣло должно быть точное и опредѣленное указаніе въ законѣ, всякое дѣло предрѣшено закономъ, а дѣло судей—лишь разспросить про обстоятельства данного дѣла, да посмотрѣть въ законъ, тамъ и рѣшеніе есть“. (Новгород. губ. Черепов. у. Власовъ). Эта послѣдняя точка зрењія, конечно, менѣе касается существа судебнай власти, чѣмъ характера ея: это воззрѣніе выдвигаетъ принципъ подзаконности всякаго суда, подзаконности судебнай дѣятельности. Такая точка зрењія вообще далеко не повсемѣстная, тѣмъ болѣе, что дѣятельность ближайшихъ къ населенію судовъ—волостныхъ, опредѣляется именно не закономъ, а обычаемъ. Иногда высказывается крестьянами даже взглядъ, развиваемый въ нашей литературѣ Л. Н. Толстымъ, о неправомѣрности суда вообще. „Въ селѣ Колягинѣ одинъ изъ вліятельныхъ мужиковъ, считающійся среди

крестьянъ очень умнымъ, высказалъ относительно суда такое мнѣніе: ты на стулѣ виновнаго не сидѣль, его внутренности на себя не бралъ, стало быть ты не можешь его и судить. Грѣха ни своего, ни чужого никто не мѣриль, и чей грѣхъ больше никто не можетъ смигрировать, а грѣшны всѣ люди до одного. При этомъ означенный мужикъ привелъ такой разсказъ, будто-бы случившійся у насъ на Руси: одинъ разъ какой-то докторъ пошелъ супротивъ митрополита: митрополитъ говорилъ, что правильно надѣваютъ на арестантовъ пятифунтовыя кандалы, чтобы, значитъ, они здѣсь на землѣ большие страдали за свои грѣхи и меньше мучились на томъ свѣтѣ. Докторъ же говорилъ, что кандаловъ совсѣмъ не надо, или по крайней мѣрѣ уже трехъ фунт., потому, что никому не дано отъ Бога мучить людей. Митрополитъ: „за грѣхи невиннаго въ арестанты не заберутъ“. Докторъ разсердился и осмѣлился прямо въ глаза сказать митрополиту: „а Христосъ-то развѣ виновонъ былъ? забылъ ты, отче, значитъ о Христѣ“, сказалъ это и хотѣль уходить. Но митрополитъ остановилъ доктора, поклонился ему и сказалъ: прости меня, спасибо, что вразумилъ. Но я забылъ Христа, а Христосъ забылъ меня и отстушился отъ грѣшника. Такъ вотъ даже митрополитъ, высшій служитель Бога, и тотъ забылъ о Христѣ и сдѣлалъ тяжкій грѣхъ—закончилъ разсказъ мужичекъ“ (Романово-Борисоглѣб., Даниловск., Любимовск. у. Баловъ); (Ср. А. Ф. Копио Гаазѣ, прим. автора).

Практическій взглядъ народа на то, кому принадлежить власть разрѣшенія судебныхъ дѣлъ, опредѣляется степенью знанія народомъ законовъ, опредѣляющихъ подсудность. Нѣть сомнѣнія, что народъ повсемѣстно знаетъ всѣ отдѣльныя судебныя инстанціи и составилъ себѣ о нихъ опредѣленное понятіе. Народъ признаетъ кромѣ офиціальныхъ судовъ и не офиціальное, примирительное разбирательство: таковы судъ родителей и старшихъ. (Смол. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ), судъ сосѣдей, судъ сельскаго схода, гдѣ

можно обойтись безъ суда и примирить стороны, напримѣръ: потравы перекосить на чужой полосѣ, заѣздить чужую полосу, мелкое воровство (Новгородск. губ. Черепов. у. Власовъ).

Что же касается вопроса о томъ, насколько народу извѣстны границы подсудности между разными судебными учрежденіями, то здѣсь мы встрѣчаемся, конечно, съ повсемѣстнымъ невѣжествомъ. Не только массамъ, но нерѣдко и волостнымъ судамъ неизвѣстны предѣлы мѣстной и предметной подсудности разныхъ судебныхъ инстанцій. Этотъ фактъ не оспаривается никѣмъ изъ корреспондентовъ этнографического бюро и не представляетъ и для автора сомнѣнія въ виду его личной практики. Такъ, напримѣръ, одинъ крестьянинъ „подаль мировому судью жалобу на другого крестьянина за безчестіе телушки, заключающеся въ томъ, что у телушки, принадлежащей обвинителю, пьяный обвиняемый отрѣзалъ половину хвоста за потраву капусты. „Явите Божескую милость, господинъ судья, совсѣмъ опозорилъ телушку. Хвостъ-то ей Богъ далъ, а онъ, пьяная морда, отпятилъ его ей. Чѣмъ ей, лѣтнѣе лѣло, отъ мухъ, обороняться? Всѣ коровы съ хвостами будутъ, одна моя безхвостая. Отъ людей совѣстно“. Судья объяснилъ жалобщику, что дѣло это подсудно волостному суду, и что безчестія телушки никакого нѣть, такъ какъ безчестіе можно нанести человѣку, но не животному. Жалобщикъ вышелъ отъ судьи недовольнымъ“ (Орлов. Хотынецъ, Сахаровъ).

§ 2. Понятіе крестьянъ о разницѣ между гражданскими и уголовными дѣлами.

Существование разницы между дѣломъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣломъ крестьянинъ, несомнѣнно, знаетъ. „Подъ гражданскими дѣлами народъ разумѣеть такія дѣла, въ которыхъ приходится отвѣтить однимъ денежнымъ или имущественнымъ вознагражденіемъ, а подъ уголовнымъ—когда могутъ подвергнуться и личному взысканію“

(Новгор. губ. Черепов. у. Антиповъ). Точно формулировать гражданское и уголовное дѣло крестьянинъ не можетъ, но чутьемъ оно хорошо знаетъ сущность дѣла того и другого рода (тамъ же). Самое различіе крестьянину, конечно, извѣстно.

Но не то слѣдуетъ сказать относительно терминовъ „гражданскій“ и „уголовный“. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ крестьяне не знаютъ, что термины эти именно относятся къ тому дѣлению, существо котораго мы только что указали. Подъ словомъ „уголовное дѣло“ понимается нерѣдко лишь такое, которое разбирается высшимъ судомъ, напр. дѣло объ убийствѣ, поджогѣ, крупной кражѣ, или дѣло, где грозитъ обвиняемому наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ правъ. Подъ дѣломъ уголовнымъ понимается только важное, ему противопоставляется дѣло не гражданское, а маловажное или „простое“ (Черепов. у. Васильевъ, Власовъ, Елатом. у. Кондрашовъ, Юхнов. у. Кушнеревъ, Кадниковск. у. Мерцаловъ, Каравеевск. у. Морозовъ, Болховск. у. Костинъ, Владимір. губ. Юрьев. у., Яросл. у., Рост. у. Дружининъ и др.) Въ Вятской губ. (Котельн. у. Сазоновъ) существуетъ взглядъ на уголовное дѣло, какъ на возникающее изъ преступленій противъ личности. Терминъ „гражданскій“ вообще не употребителенъ въ крестьянскомъ быту.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ни масса, ни волостные суды во многихъ случаяхъ не знаютъ, когда дѣло подлежитъ производству въ уголовномъ, и когда въ гражданскомъ порядкѣ. Не рѣдки, напримѣръ, случаи присужденія штрафа въ пользу потерпѣвшаго при личныхъ оскорбленияхъ, даже и тогда, когда жалобщикомъ не предъявлено на то требованіе, по закону ему предоставленное, но въ случаѣ предъявленія устраняющее уголовную ответственность (Кандиковск. у. Диляторскій). Нерѣдки примѣры присужденія къ штрафу сторонъ въ гражданскомъ дѣлѣ за неявку въ судъ. Но особенно не ясны понятія крестьянъ по вопросу о составѣ самоуправства. Стоитъ жалобщику написать: „такой-то самовольно увезъ съ моего поля

копчу съна“, какъ волостной судъ привлекаютъ увезшаго въ уголовномъ порядкѣ. Такія дѣла поголовно кассируются уѣзднымъ съѣзdomъ, когда только до него доходятъ, и въ практикѣ автора они весьма нерѣдки.

§ 3. Отношенія крестьянъ къ судебному слѣдователю и къ судамъ волостнымъ и Государственнымъ.

Что касается отношенія народа къ судебному слѣдователю, то необходимо отмѣтить повсемѣстное къ нему уваженіе. Авторитетъ власти слѣдователя высокий. Отношеніе слѣдователей къ народу, за рѣдкими исключеніями, одновременно вѣжливое и твердое. Бываетъ, что народъ боится слѣдователя, многіе отказываются давать показанія и отговариваются невѣдѣніемъ въ дѣлахъ, которыхъ они хорошо знаютъ. У слѣдователя рѣдко даютъ ложныя показанія. „Крестьянинъ Савва Власовъ (сосланный на поселеніе за поджогъ сарая) на допросѣ у станового отказался отъ своего преступленія, а потому у слѣдователя сознался, потому, что его обуялъ страхъ. Сознаніемъ Власова всѣ семейные были поражены, потому, что они дома рѣшили обратное и надѣялись на хороший исходъ, такъ какъ станового уже удалось провести“ (Орлов. у. Михеевъ). Отношеніе слѣдователя къ народу чисто дѣловое, официальное и особенной гуманистичностью не отличается. Такое отношеніе народу нравится, такъ какъ народъ одобряетъ, когда дѣло дѣлается начальствомъ серьезно. При разслѣдованіи преступленій народъ не одобряетъ ни послабленій со стороны слѣдственной власти по отношенію къ виновнымъ, ни гуманной familialности, приписывая иногда первое взятки, а второе слaboхарактерности и незнанію дѣла. Справедливая строгость со стороны начальства народу очень нравится, и такое начальство народомъ цѣнится и уважается: „вотъ настоящій начальникъ: никому поблажки не дастъ и никого не обидитъ“ (Смолен. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ). Вѣжливое отношеніе слѣдователя къ народу также очень цѣнится.

„Кабы у насть веъ начальники были вѣжливы къ намъ, какъ судебній слѣдователь, то у насть и порядки были бы хороши и намъ была бы возможность научиться вѣжливости. А то придешь къ какому нашему иному начальнику, а онъ такъ крикнетъ на тебя, что ты весь затрясешься, не знаешь, что говорить, а все, что знаешь, позабудешь, почему поневолѣ скажешь неправду“ (Кромск. у. Козловъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ понимаетъ все значеніе допроса у слѣдователя. „Ты не гляди, что онъ все вы, да вы. Послѣ только очухаешься, опомнившись, къ чему онъ спрашивалъ то и другое. А допросъ-то станетъ снимать чисто, какъ будто о прошлогоднемъ снѣгѣ спрашиваетъ, или сколько пенъки набралъ. Самъ, этакъ ласково смотрить, усмѣхается, да бороду покусываетъ и все это хорошо-съ, хорошо-съ. Ты, говорить, братецъ, посмѣлъ. Все разспросить, ничего не упустить, и сколько лѣтъ, и женатъ, много ли дѣтей, и гдѣ обучался, былъ ли въ солдатахъ, признаю ли Бога, не раскольникъ ли я. Батька-священникъ, и тотъ исповѣдовать такъ не будетъ. Оказія, удивительно, какъ про посты не спросилъ. А въ концѣ концовъ, кто, говорить, можетъ за вась поручиться, а я сдуру-то, все село меня знаетъ“... подлинный разсказъ одного обвиняемаго. Пріѣздъ судебнаго слѣдователя составляетъ событие. Въ приведенномъ выше разсказѣ отношенія судебнаго слѣдователя къ крестьянамъ обрисованы, какъ нельзя лучше. Вѣжливость,держанность, ровный тонъ и допросъ, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва—вотъ отличительныя свойства почти всѣхъ судебныхъ слѣдователей. Нельзя сказать, чтобы подобное отношеніе нравилось крестьянамъ. Ты, у него, слѣдователя, какъ на исповѣди, муха пролетитъ—слышно. И такъ жутко, страшно, оторопь тебя возметъ. Хотя бы раскричался или обругалъ, все легче бы было. Это много для насть привычнѣе. А то какъ бы отходную надъ тобой читаетъ,—вспомнились мнѣ слова того же крестьянина“ (Орловск. губ. Хотынецъ Сахаровъ. Ср. Чепец. у. Антиповъ, Власовъ, Кадниковск. у. Мерцаловъ, Вятск. губ.

Орловск. у. Гребневъ, Калужск. у. Лебедевъ, Скопин. у. Чепуринъ, Тихвинск. у. Закатовъ).

Общий сводъ данныхъ объ отношеніи крестьянъ къ собственно крестьянскимъ судамъ съ одной стороны и къ судамъ короннымъ, государственнымъ—съ другой, приводить къ несомнѣнному убѣждѣнію, что собственнымъ волостнымъ судамъ крестьяне мало довѣряютъ, къ судамъ же государственнымъ относятся съ большими уваженіемъ. Про волостного судью крестьянинъ говорить, что „судья этотъ только на короткое время, пока на немъ значекъ, а снять этотъ значекъ—и судья обращается въ такого же мужика. При разбирательствѣ ихъ называютъ „господа судьи“, а послѣ разбора—опять Петры и Иваны. Не то судъ государственный. Тамъ судятъ господа, у нихъ не значки приколоты къ груди, а золотыя цѣши на шеѣ. На этомъ судѣ засѣдаютъ не выборные судьи, а назначенные Царемъ-Батюшкой. Такого судью водочкой не угостишь, чайкомъ не попотчуешь. А отсюда отношеніе къ коронному судѣ болѣе почтительное“ (Новгород. губ., Черепов. у. Антиповъ). Существуетъ, однако, въ некоторыхъ мѣстностяхъ, и менѣе лестная для государственного суда мотивировка довѣрія къ нему народа: „государственный судъ, какъ и волостной, тоже беретъ взятки, но большія, и такъ какъ крупную взятку могутъ дать лишь немногіе, то большая часть дѣлъ решается судомъ „правильно“, по закону и только меньшая часть дѣлъ пристрастно, за взятку, тогда какъ волостной судъ большую часть дѣлъ решаетъ неправильно, потому, что волостные судьи и писарь не брезгуютъ мелкими взятками, которая почти всякий въ состояніи дать. Кроме того государственный судъ при разбирательствѣ дѣлъ руководствуется закономъ, и судьи его знаютъ законъ; волостной же судъ рѣдко въ законъ глядитъ, решаетъ дѣла больше по нашему крестьянскому обычаю, а подъ прикрытиемъ мѣстнаго обычая можно творить какія угодно беззаконія“ (Новгород. губ. Череповец. у. Власовъ). Однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ оснований недовѣрія на-

рода къ волостнымъ судамъ слѣдуетъ признать огромное вліяніе писаря на рѣшеніе дѣлъ. „Нѣть, уже въ волостной судъ идти намъ не рука, говорятъ иногда крестьяне: писарь не за насъ, а онъ то вѣдь всеимъ дѣломъ воротить“ (Вологод. губ. Кадник. у. Мерцаловъ). Вотъ другой разсказъ.

„Хочу жалобу подать на свой судъ, говорить мужикъ.—Въ чёмъ дѣло?—А вотъ копія, два раза ходилъ; все писарь не выдавалъ. Изъ копіи разсказовъ недовольной стороны оказывается, что потерпѣвшій лѣтъ 20 тому назадъ раздѣлился съ своими родными дядями и вместо слѣдуемаго ему отъ нихъ движимаго имущества получилъ съ нихъ 200 рублей деньгами. Поживши немного въ деревнѣ послѣ раздѣла, онъ ушелъ съ женой на заработки, а доставшійся ему при раздѣлѣ надѣль земли отдалъ въ аренду своимъ дядямъ. Проживши на сторонѣ 20 лѣтъ, онъ вернулся и потребовалъ отъ дядей обратно свою землю, на что дяди соглашались, но не согласны были отдать лѣсь, выросшій на землѣ племянника въ его отсутствіи, на томъ основаніи, что не онъ его ростилъ и сберегалъ и не онъ платилъ за него подати. При этомъ однако, дяди не отрицали, что пользовались лѣсомъ по своему усмотрѣнію. Потерпѣвшій обратился въ волостной судъ съ проосьбой присудить ему лѣсь, растущій на его землѣ, а въ этомъ искуствѣ судъ ему отказалъ, ссылаясь на вышеприведенныя основанія и на обычное право. Все это писарь поддѣлалъ, сказалъ въ заключеніе потерпѣвшій, онъ и свидѣтелей дощршивалъ, онъ указалъ, какъ и рѣшить дѣло.—Какъ же такъ указалъ?—А какъ идти судьямъ на совѣтъ, онъ и пишетъ на клочкѣ бумажки „откажи“, такими крупными буквами, а предсѣдатель маленько грамотѣ знать и прочиталъ. Какой же это судъ? Смѣхъ одинъ.—Почему же писарь держитъ ихъ руку?—Извѣстно, задарили дяди, онъ съ ними хлѣбъ-солъ ведеть“. (Смол. губ. Юхнов. у. Кушнеревъ).

Суду земского начальника и уездного съезда крестьянинъ довѣряетъ болѣе, чѣмъ своему собственному, но и здѣсь отчасти опасается вліянія письмоводителя и секретаря. Окружные суды не вызываются къ себѣ уже никакого недовѣрія и сомнѣнія въ средѣ крестьянскаго населенія. Особенно серьезное значеніе народъ придастъ приводу къ присягѣ. Присягу не съѣшь, говорить народъ, объясняя этимъ, что присяга — надежная гарантія правдивости показаній на судѣ. „И Боже ты мой, какой судъ. И первое лѣло, сейчасъ всѣ къ присягѣ. Значить, не увильнешь, хошь, не хошь, а правду выкладай; вотъ онъ судъ какой“ (Юхнов. у. Кушнеревъ). Встрѣчаются иногда случаи недовольства крестьянъ слабою репрессіею окружныхъ судовъ по дѣламъ о дѣтоубійствѣ и сокрытии труповъ младенцевъ (Вятск. губ. Орлов. у., Гребеневъ).

Къ прежнимъ мировымъ судьямъ крестьяне относились съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Между тѣмъ, замѣчается иногда странное явленіе: многіе изъ мировыхъ судей стали теперь земскими начальниками, и крестьяне хвалили ихъ, когда они были мировыми судьями, и молчать теперь, когда они стали земскими начальниками. Несмѣнность земскихъ начальниковъ, отсутствіе надѣй ними контроля, сдѣлали то, что по народной поговоркѣ портить коня (воля коня портить) (Орловск. губ. Хотынецъ, Сахаровъ). Встрѣчаются и отдѣльные случаи недовольства решениями уѣздныхъ съѣзовъ, на томъ основаніи, что съѣзы руководствуются однимъ писаннымъ закономъ, идущимъ нерѣдко въ разрѣзъ съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ. „Напримеръ, въ здѣшней мѣстности не имѣется частуховъ и поля отъ потравъ охраняются изгородью. Если случилось, что скотъ сосѣдняго селенія проникъ въ наше поле черезъ нашу же неисправную“ изгородь и сдѣдалъ потраву въ полѣ, то мы по мѣстному обычаю не имѣемъ права взыскивать за потраву поля съ владѣльцевъ скота и волостной судъ въ такомъ искѣ намъ несомнѣнно откажетъ. Но стоитъ перенести дѣло въ уѣздный съѣздъ — тамъ намъ присудятъ

за потраву поля, ибо руководствуются закономъ и таксой за потраву“ (Вятск. губ. Орлов. у. Гребеневъ).

§ 4. Сутяжничество въ крестьянскомъ быту.

Если сводить и обобщать всѣ данные, имѣющіяся въ распоряженіи автора по вопросу о томъ, насколько развито въ народѣ сутяжничество и кляузничество, едва ли возможно будетъ прийти къ какому-либо общему, опредѣленному выводу. Прежде всего указаній точныхъ о количествѣ разбираемыхъ въ волостныхъ судахъ дѣлъ почти не имѣется. Единственный цифровой подсчетъ сдѣланъ однимъ изъ корреспондентовъ, указывающимъ, что сутяжничество въ той мѣстности, где онъ живетъ, развито весьма сильно. (Тихвинск. у., Закатовъ).

Согласно этому подсчету оказывается, что въ данной волости, при населеніи равномъ 5269 наличнымъ душамъ, за семь лѣтъ съ 1891 по 1897 года включительно, было разобрано волостнымъ судомъ 1977 гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, что составляетъ среднимъ числомъ по 282 дѣла въ годъ. Если за симъ принять, что въ каждомъ дѣлѣ участвуютъ среднимъ числомъ два лица, то выходитъ, что ежегодно участвуетъ въ судебныхъ дѣлахъ по 564 человѣка, т. е. приблизительно 10,7% всего населенія волости. Нерѣдки, по указанію того же корреспондента дѣла, вся сумма иска въ коихъ 30 коп. и для такихъ дѣлъ вызываются истецъ, отвѣтчикъ и свидѣтели, нерѣдко живущіе отъ волостного правленія въ 20—30 верстахъ. Есть, однако, много другихъ материаловъ, указывающихъ на сравнительно малое стремленіе народа къ сутяжничеству. Необходимо, однако отмѣтить, что всѣ эти указанія не сопровождаются никакими точными подсчетами, такъ что, если даже согласиться съ тѣмъ, что стремленіе народа къ сутяжничеству въ разныхъ мѣстностяхъ не одинаково, то нельзя отрицать и того, что при всѣхъ имѣющихся данныхъ надо учитывать неточность, являю-

щуюся результатомъ субъективной оцѣнки лицъ, представившихъ материалы.

Можно указать характерные примѣры того, какъ народъ идетъ въ судъ изъ-за всякихъ пустяковъ. „Въ 1888 году 21 августа за № 23 въ книжѣ суда записана жалоба: пришелъ ко мнѣ въ домъ въ пьяномъ видѣ Игнатій Степановъ, сидѣлъ питетайаго заведенія, при селѣ Покровѣ, вышелъ въ сѣни наспалъ въ кадку съ водой, изъ которой не зная этого, налили въ самоваръ и лили все семейство, черезъ что все семейство опоганилось. Прошу привлечь Степанова къ законной ответственности“. (Новгородск. губ. Череповецк. у. Власовъ).

Или другой примѣръ: „Около села Перевѣсъя, въ 1894 году былъ построенъ г. Буманомъ на купленной землѣ постоянный дворъ и кабакъ. Онъ выстроилъ постоянный дворъ и занялъ имъ около трехъ квадратныхъ саженей чужой земли. Мужики, вообразивъ, что эта земля принадлежитъ имъ, стали просить съ него каждый годъ по три ведра вина на общество бесплатно за эту землю. Одинъ годъ онъ выставилъ имъ требуемое количество, а на другой годъ отказалъ. Обиженные этимъ, они подали на него жалобу на захватъ чужой земли въ волостное правлѣніе. Здѣсь дѣло чередомъ не разобрали, но благодаря знакомству помѣщика Бумана съ предсѣдателемъ суда и судьями, дѣло кончили въ его пользу. Они подали прошеніе земскому начальнику. Но и земской начальникъ отказалъ, не изслѣдовавъ дѣло. Что, говорять, ожидать отъ земскаго доброго, потому, что вмѣстѣ съ нимъ — и подали жалобу въ уѣздный съѣздъ. Здѣсь, обстоятельно разсмотрѣвъ дѣло, и въ просьбѣ отказали, такъ какъ земля эта принадлежитъ не имъ, а церковному причту и они никакого отношенія къ ней не имѣютъ. Получивъ отказъ, они побудили священника хлопотать объ отборѣ земли. Тотъ, конечно, сразу выхлопоталъ. Протягали около 55 рублей, а земля то стоитъ около 50 коп. (Вологодск. у. Соколовъ).

Можно, конечно, указать, на много местностей, где сутяжничество въ общемъ мало развито. Народъ нерѣдко относится къ суду съ недовѣріемъ и сутяжничество порицаєтъ. „Судъ—яма, стой прямо: упадешь—попадешь, уцѣлѣшь—оголѣшь“; или о расходахъ, сопряженныхъ съ судомъ: „маленький судокъ, безъ соли годокъ, а большой судокъ—безъ хлѣба годокъ и присудили полтину, а высудили кулакъ въ спину“—таковы народныя пословицы.

Въ каждой мѣстности есть несомнѣнно специалисты—деревенскіе сутяги, но нельзя сказать, чтобы они пользовались вообще народнымъ уваженіемъ. „Ему только судиться да рядиться, а дѣла некогда дѣлать. Какой это человѣкъ, когда изъ суда не выходитъ?“—говорятъ крестьяне о такихъ сутягахъ. Но для характеристики психологіи подобныхъ деревенскихъ сутягъ интересно привести и собственныя ихъ слова: „какъ нѣть дѣла въ судѣ, деньги не копятся, а какъ заведу дѣло, деньги пойдутъ со всѣхъ сторонъ валиться“, говорить одинъ. Другой откровенно сознается: „хлѣба и сна лишаюсь, какъ не сужусь, все лумаю, съ кѣмъ бы какое дѣлишко затѣять“ (Новгородск. губ. Черепов. у. Власовъ).

Если говорить о побудительныхъ причинахъ, развивающихъ въ крестьянскомъ населеніи сутяжничество, то и здѣсь трудно прилти къ сколько нибудь общимъ выводамъ. Имѣются указанія на то, что сутяжничество меныше развито среди крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, больше среди однодворцевъ, любящихъ отстаивать личное право, въ какой бы малой суммѣ оно ни выражалось (Орловск. губ. Кромск. у. Козловъ и Болховск. у. Костинъ). Указанія эти однако, слишкомъ единичны, чтобы дать автору право дѣлать изъ нихъ выводы. Существенное значеніе имѣетъ, конечно, степень гордости и стремленія отстаивать свою честь, иногда сильнѣе развитыя у крестьянъ, чѣмъ бережливость въ средствахъ.

Но важнѣе, чѣмъ эти общія черты, вліяющія на развитіе сутяжничества,—указать на прямые факторы, ого порождающіе.

Эти прямые факторы—вліяніе писарей и подпольныхъ адвокатовъ. Это—тѣ люди, для которыхъ сутяжничество является прямымъ источникомъ дохода. Привожу характерные примѣры:

„Сутяжничество и кляузничество очень сильно развито среди крестьянъ благодаря облокатамъ, которыми кишать трактиры въ Нижнемъ-Новгородѣ. Этотъ элементъ состоять изъ уволенныхъ и опившихся съ кругу волостныхъ писарей, урядниковъ и другихъ мелкихъ чиновниковъ, за бутылку водки готовыхъ написать безграмотному человѣку, что угодно, наобѣщать что угодно. Въ Нижнемъ или въ Лысковѣ пишущіе прошенія называются иногда „адвокатъ изъ Сената“, или кавалерами. Про себя говорять, что пострадали за правду и оттого находятся въ бѣдности, больно ужъ хорошо знаютъ законы, всѣхъ говорить засужу, до Синода дойду. Бываютъ и такие случаи, что крестьянинъ исполнительный листъ поручить такому облокату, дабы взыскать деньги, а тотъ продастъ его за гроши отвѣтчику и деньги пропьетъ. Этимъ пьяницамъ, однако, крестьяне вѣрятъ и толпами идутъ къ нимъ“ (Нижегород. губ. Макарьевск.-у. Корвинъ-Круковскій).

Вотъ другое характерное описаніе. „Сутяжничество или кляузничество среди крестьянъ происходитъ или отъ нежеланія уступить своему противнику, хотя и законное имущество, но разстаться съ которымъ убыточно, или отъ упрямства извѣстнаго лица, разсуджающаго такъ: не поддамся, адвоката найду, въ конецъ разорюсь, а не дамъ тебѣ и понюхать того, что ты ишещь. Не разсудятъ тутъ въ Болховѣ, въ Орель. Въ Орль не разсудятъ, въ Харьковѣ (Судебная Палата). Въ Харьковѣ не разсудятъ въ Питерѣ, въ Синодѣ (крестьяне почти всегда смѣшиваютъ Синодѣ и Сенатъ), къ Царю подамъ. Конечно обратись крестьянинъ къ настоящему адвокату, хотя бы къ частному повѣренному, тотъ бы ему отсовѣтывалъ продолжать дѣло, выиграть которое нѣть никакихъ шансовъ, забывая пословицу, дорого да мало, дешено, да

гнило—крестьянинъ ввѣряется первому попавшемуся написать требуемую жалобу, которая пишется въ большинствѣ случаевъ за бутылкою вина, какимъ нибудь прошившимся и давно выгнаннымъ со службы чиновникомъ, увѣрившимъ крестьянина, что дѣло его правое и что стоитъ только написать со смысломъ прошеніе, какъ судъ обязательно рѣшилъ въ пользу его. За написаніе берется отъ 20 коп. до 1 рубля, смотря по важности просьбы, чѣмъ выше инстанція, куда предназначена жалоба, тѣмъ выше и цѣна. Кромѣ того магарычъ для вдохновенія и распихивается вмѣстѣ съ клиентомъ. Бываютъ случаи, что въ жалобахъ этихъ нельзя уловить чего именно домогается проситель. Подобныя жалобы или возвращаются безъ разсмотрѣнія, или разсматриваются и оставляются безъ послѣдствій. Простодушный же крестьянинъ объясняетъ это пристрастіемъ суда, что еще болѣе укрѣпляется въ немъ, если онъ случайно встрѣтится съ писавшимъ ему жалобу, который на укоры крестьянина не сморгнувъ, отвѣтитъ: „жалоба была написана по настоящему, такую тебѣ никто и нигдѣ не составилъ бы, спроси хоть у хозяина трактира, который полушутя, полусерьезно кивнетъ головой, говоря неопредѣленное еще бы.—Противникъ вѣрно силенъ, задарилъ судъ“ (Орловск. губ. ет. Хотынецъ, Сахаровъ).

§ 5. Предразсудки, существующіе у крестьянъ относительно суда.

Предразсудки и суевѣрія, существующія у крестьянъ относительно суда, весьма разнообразны. Судя по имѣющимся данными, наиболѣе распространенными являются повѣрія о необходимости поститься въ пятницу передъ днемъ святого Космы и Даміана, для удачнаго исхода судебныхъ дѣлъ, а также о ношении на себѣ при приходѣ въ судъ такъ называемой сорочки, т. е., тонкой плевы въ которой иногда рождаются дѣти. Впрочемъ необходимо признать, что указать на повѣрія имѣющія повсемѣстное распространеніе, не

возможно. Нѣкоторые материалы указываютъ на полное отсутствіе въ данныхъ мѣстностяхъ предразсудковъ относительно суда (напр. Вологодск. губ. Грязовецк. у. Старовѣровъ, Тихвинск. у. Закатовъ, Калужск. губ. Козельск. у. Лошмановъ).

Остальные имѣющися материалы, о существующихъ въ народѣ суевѣріяхъ относительно суда, въ виду выдающагося ихъ бытowego интереса, привожу полностью.

„Чтобы выиграть дѣло въ окружномъ судѣ, нѣкоторые обращаются къ ворожеямъ, но далеко не каждая ворожея можетъ помочь выиграть больше, въ смыслѣ избавленія отъ отвѣтственности по дѣлу. Въ деревнѣ Островѣ славится знахарка, умѣющая своими наговорами обставить такъ, что виновный въ уголовномъ преступлѣніи не будетъ наказанъ. Изъ этой же деревни одинъ парень въ прошломъ году судился окружнымъ судомъ за поджогъ. Отправляясь на судъ, онъ зашелъ къ этой ворожеѣ и купилъ у неї наговоренный корешокъ какой-то травы за три рубля; что она наворожила, парень не знаетъ, только ворожея велѣла держать корешокъ во времѣ разбирательства за пазухой. При первыхъ же допросахъ потерпѣвшаго такъ затрясло, и онъ почувствовалъ такъ худо, что отказался отъ обвиненія и самъ сталъ оправдывать подсудимаго“ (Черепов. у. Антиповъ).

„Относительно суда у крестьянъ существуютъ слѣдующіе предразсудки: тотъ, кто желаетъ, чтобы выиграть (высудить) въ судѣ всякое дѣло, всякаго богача осилить, долженъ имѣть и брать съ собой на судъ либо рубашку съ новорожденного ребенка (эта рубашка состоитъ, кромѣ женскаго мѣста, изъ чистой и тонкой отопки или плевы, въ которой дѣти рождаются очень рѣдко, которыхъ народъ считаетъ счастливцами) или рубашку (шкурку) съ ужа или змѣи, которыхъ они мѣняютъ ежегодно въ лѣтнее время, изъ нихъ рубашки съ ужей чаще всего попадаются въ ручьяхъ, прудахъ и болотистыхъ рѣкахъ и

ихъ много у крестьянъ. Вотъ ихъ то нѣкоторые крестьяне и таскаютъ при себѣ на судъ. Кромѣ того иные крестьяне, передъ тѣмъ, какъ идти къ суду въ качествѣ стороны, молятся со всею семьей передъ иконой святого Николая Чудотворца и просить его помощи высудить дѣло. Въ это время всѣ члены семьи должны отойти отъ печки на средину избы, а буде кто либо изъ нихъ случайно останется въ то время у печки, то такое обстоятельство составляеть полный признакъ проигрыша въ судѣ дѣла, а если около печки никто не останется, то служить признакомъ выигрыша дѣла“ (Кром. у. Козловъ).

„Когда идти на судъ, то, чтобы выиграть дѣло, крестьяне вѣшаютъ себѣ на шею тетрадку, въ которой написано: Сонъ Богородицы и сказаніе о Двѣнадцати Пятницахъ. При этомъ, чтобы узнать, окончится ли дѣло въ его пользу, отправляющійся на судъ завязываетъ себѣ глаза платкомъ. Когда выйдетъ на улицу, то, перекружившись на правой ногѣ до трехъ разъ, открываетъ правый глазъ и смотрить, что ему первое попадается увидѣть. Если ему попадается увидать бабу въ красной юбкѣ, то онъ на судѣ горить отъ стыда; если дѣло будетъ проиграно, если увидить мужика, несущаго что нибудь—значить, что присудятъ въ его пользу; если увидить собаку, то надо ему постараться снести судьямъ угощеніе. Тоже самое означаетъ увидѣть какую либо птицу; если увидить свинью, суды окажутся свиньями. Послѣ этого крестьянинъ идетъ въ хату и разсказываетъ, что онъ увидѣлъ на улицѣ. Также швыряютъ вверхъ мѣдный пятакъ до девяти разъ и если при этомъ онъ ляжетъ орломъ большую половину, то его дѣло выйдетъ. Наканунѣ суда, ложась спать, крестьянинъ крестится и говоритъ: „Госифъ Прекрасный, покажи во снѣ дѣло мое ясно“. Если ему при этомъ приснится, что ему кто-нибудь даетъ что либо, или онъ что нибудь нашелъ, то это хороший признакъ окончанія дѣла; а если увидитъ, что у него что нибудь взяли, или онъ потерялъ какую

ибудь вещь, то это означаетъ, что его дѣло на судѣ будетъ плохо. Когда обуваются—идти на судъ, то подъ пятку кладутъ землицы изъ подполья въ знакъ того, что ему своя земля-матушка помогаетъ. Крестьяне почитаютъ пятницу передъ днемъ Космы и Даміана въ надеждѣ быть всегда оправданнымъ. Также, когда христосуются съ попомъ на первый день Пасхи въ церкви, послѣ утрени, то стараются у попа выпросить яйцо, иногда давая ему за это вмѣсто одного три. Это яйцо, когда идти на судъ, нужно положить съ молитвой въ карманъ и во время дачи отвѣтовъ на судѣ постоянно катать его въ карманѣ. Такія яйца крестьяне тщательно берегутъ на божницѣ святыхъ иконъ. Но самымъ главнымъ средствомъ считается сорочка, въ которой иногда рождаются дѣти. Такую сорочку тщательно берегутъ, завернувъ ее въ платокъ. Сорочку каждый годъ носятъ съ собою въ церковь въ карманѣ для освященія. Это дѣлаютъ на свѣчки подъ Крещеніе. Сорочка помогаетъ на судѣ только тому семейству, въ которомъ она родилась и большою частью тому, кто въ ней родился. По народному повѣрю, кто служить молебенъ Ивану Воину въ день его праздника и въ этотъ праздникъ не работаетъ, за того человека въ судѣ воюетъ Иванъ Воинъ, т. е. хлопочеть и направляеть дѣла въ его пользу. Впрочемъ Иванъ Воинъ тогда будетъ хлопотать въ судѣ за почитающаго его праздникъ, когда тотъ мало-мальски судится по правому дѣлу, а не мошенничаетъ. Если кто судится по правому дѣлу и попросить похолатайствовать за него Ивана Воина, то Иванъ Воинъ иногда является во снѣ судьямъ и призываетъ ихъ судить такъ, какъ это нужно по закону, угрожая въ случаѣ неисполненія наказать ихъ своимъ правдивымъ гнѣвомъ, а именно: или ихъ поля будутъ побиты градомъ, или замыты слишкомъ сильнымъ дождемъ, или разносутъ уже готовые снопы бурей и т. п. Кромѣ этого служить молебны иконѣ Божьей Матери „Утоли Моя Печали“ и Казанской, Заступницѣ Усердной. Вообще въ нашей мѣстности очень много

предразсудковъ и примѣтъ относительно суда (Болховск. у. Костинъ).

Для смягченія судей, полезны по народному мнѣнію нѣкоторыя травы.

Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ народныхъ цвѣтниковъ и травниковъ, имѣвшихся подъ руками:

Трава царскіе очи для женитьбы и въ брань, и въ пиръ, и въ судль. Рвать эту траву іюня 24 поутру.

Трава гзаяктель, мала ростомъ, въ стрѣлу, видомъ синя, а по сторонамъ по девяти листковъ, на верху четыре листка: червлень, зеленъ, багрянь и синь. И та трава весьма добра; аще, кто береть ее на Ивановъ день въ Купальницу сквозь гривну златую или серебряную и носить на себѣ, тотъ человѣкъ не боится ни кого, аще на судъ пойдетъ одолѣть супротивника своего и всѣ люди его любить будутъ. А растетъ при рѣкахъ и при болотнахъ.

Подходя къ дверямъ суда и вообще всякаго начальства, слѣдуетъ читать: „Помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость его“. Или же прочесть молитву Пресвятой Богородицѣ (Богородицѣ Дѣво, Радуйся). Входя въ судъ полезно подсыпать подъ порогъ соли! Для той же цѣли полезно носить при себѣ барсучью шерсть или же наконецъ „вихарево гнѣздо“, т. е. свитая вѣтромъ сучья березы.

Для того, чтобы одолѣть своего супротивника на судѣ существуютъ и заговоры. Напримѣръ:

1. Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, Помилуй насть. Аминь.

Помолюся я, рабъ Божій, Господу Іисусу Христу и животворящему Кресту Твоему и Пречистой Богородицѣ Матери Господа моего, Спаса нашего Іисуса Христа и святымъ ангеламъ и архангеламъ, апостоламъ Петру и Павлу, Святителю Николаю Чудотворцу, святымъ безсрбренникамъ Кузьмѣ и Даміану, Кири и Іоанну, Михаилу архангелу грозному воеводѣ небесныхъ силъ и

всѣмъ святымъ мученикамъ и пророкамъ, помолитесь о силѣ Божіей. Какъ роса утренняя заря бѣлому свѣту, а свѣтъ красному солнцу, такъ бы всякия власти градскія и общественные: начальники, суды мировые, старшины и старосты, слѣдователи и становые, губернаторы и приказные засѣдатели, полицеймейстеры и выборные и всѣ приказные православные христіане мужской полъ и женскій были бы рады мнѣ рабу Божію всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Какъ странодневникъ писатель божественныхъ книгъ по писанію святыхъ отцевъ сказано, что на семъ свѣтѣ и будущемъ ничто не можетъ переворотить Божіей колесницы, такъ бы не могли преворотить раба Божія передъ всякия власти градскія и мировые суды, слѣдователи и старшины, писаря и присяжные засѣдатели и вси православные христіане всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Будь словомъ моимъ небо—ключъ, земля—замокъ. Аминь, аминь, аминь. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа отъ нынѣ и до вѣку. Аминь, аминь, аминь.

2. Помяни, Господи, Кирику и Улиту и цара Давида и всю кротость его. Какъ мертвѣцъ изъ гроба не возстанетъ, такъ бы рабы Божіи рады были и смирны вси начальники, мирскіе суды, мировые, слѣдователи, губернаторы и становые, старшины и старосты и вси православные христіане мужской полъ и женскій и на меня раба Божія не возставали и сердце бы ихъ упало и руки не поднимались, уста бы ихъ не растворялись отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

3. Господи благослови. Какъ весь миръ возрадуется красному солнышку, какъ отпирается и отмыкается всякая заря и взойдетъ обрадованное красное солнышко, такъ бы мнѣ многогрѣшному рабу Божію возрадовались и возвеселились окомъ благоутробнымъ, сердцемъ пріятнымъ градскіе и вотчинные начальники, губернаторы,

прокуроры, мировые судьи, следователи, исправники, становые предсъдатели и все православные христіане, мужскій полъ и женскій и дай имъ, Господи, Боже мой, аягельскія очи и утробу материну. Мать Пресвятая Богородице, прикрой своей нетлѣнной ризой раба Божія отъ всякаго врага и супостата. Аминь, аминь, аминь.

Лягу я, рабъ Божій, благословясь, и встану перекрестясь, помолясь Іисусу Христу, сыну Божію и выйду въ чистое поле на востокъ краснаго солнышка подъ младъ чистый мѣсяцъ, подъ чистыя мечтанныя звѣзды и облажусь, я, рабъ Божій, тѣми облаками и наложу я на главу красное солнышко и опаявшись я, рабъ Божій, мечтаннымъ чистымъ звѣздамъ, яко бисеромъ отъ всякаго лихого человѣка.

Какъ рѣки быстро покорились океану-морю, такъ и мнѣ рабу Божію были бы покорны и возлюбили паче всѣхъ на свѣтѣ; когда я пойду къ нимъ, то у нихъ сердце бы трепетало и радовалось бы мнѣ рабу Божію во всѣ концы моего вѣка отнынѣ и до вѣка. Аминь.

Преподобный Логинъ вошелъ въ царскую палату, а палата Августова затреслась и все люди отъ страха того и трепета не могли на Логина очами зрести, тако бы супостаты мои не могли на меня зла подумать и лиха помыслить и дай имъ, Господи Боже мой, супостатамъ моимъ и лихимъ людямъ уста бы ихъ заковались, чтобы ихъ обвинили, а мнѣ никакого противнаго слова не сказали.

Тѣмъ моимъ словамъ буде небо — ключъ, море — замокъ, евангельская печать самъ Господь праведный Іисусъ Христосъ. Аминь, аминь, аминь.

5. Пресвятая Божія Матерь, спаси и помилуй раба Божія отъ бѣль, начастей, напраслинъ и отъ лихого человѣка на всю жизнь. Аминь. На Аминь свѣтъ стоять, на моихъ словахъ крестъ лежить, на крестѣ самъ Іисусъ Христосъ опочиваетъ. Аминь, аминь, аминь.

Помяни Господи отца нашего Адама и мать нашу Еву, царя Давида и всю кротость его, помяни Господи царя Соломона и всю мудрость его, помяни Господи тѣхъ имѧ рѣковъ, къ которымъ я иду, помяни Господи Кирика младенца и мать его Улиту, царя Константина, Варвару великомученицу, христолюбивое воинство, вселенскихъ учителей. Аминь.

7. Мать Пресвятая Богородица, Марія, Богу помолись, встала перекрестись, мылась Божьей росой, утералась Христовой пеленою, пошла она въ путь дороженьку въ Іерусалимъ градъ. Въ Іерусалимѣ градѣ стоять апостольская церковь, а въ апостольской церкви стоять престоль Господень, за престоломъ Господнemъ сама Мать Пресвятая Марія. Предстоить Самъ Господь Богъ и рѣчеть своей Матери:

„Мать ты моя, Пресвятая Марія, что ты спиши или на меня зришь?“

„Сыне мой возлюбленный, я сплю и на тебя зрю, я вижу передъ тобой пропятіе при Понтійскомъ Пилатѣ. Руце и нозе гвоздями приковаше, ребра Твои копіемъ прободоша, кровь Твоя какъ вода протекоша, терновый вѣнецъ на главу накладоша, хотять тебя на тріехъ древахъ распинати: первое древо пилево, второе илево, а третье кипарисъ древо“.

Кто этотъ сонъ прочтеть по трижды въ день, тотъ избавлень будеть отъ ужасти, отъ страсти, отъ бѣды и отъ напасти, отъ меча и огня, и отъ полымя, отъ звѣря бѣгучаго и отъ змѣя ползучаго, и отъ лихого человѣка. Аминь.

На аминѣ свѣтъ стоять, на моихъ словахъ крестъ лежить, на крестѣ Самъ Иисусъ Христосъ опочиваетъ (Пошех. у. Бановъ).

Для того, чтобы на судѣ сильнымъ быть—надо въ ночь подъ Новый Годъ въ курятникъ сходить. Поймать черную курицу, отсѣчь ей тамъ же голову, выбрать неущиппанной печенку, чтобы не разорвать и не раздавить ее. Самую же курицу швырнуть подъ нашесть—на утро ея не будетъ—дворовой ее подберетъ, а если пе-

ченка у цѣлости ея—нужно засушить и зашить въ кожу. На Новый Годъ на полночь тогда за нея домовой и придетъ выкупать это ее. Будеть сулить много: и рубли неразмѣнныи и спорину во дворъ, а ты проси одно: на судѣ счастье имѣть. Онъ долго будетъ торговаться, а ты усе на свое мѣсто стой, тогда онъ и дастъ тебѣ желаемый орѣхъ. Заставь раскусить его. Онъ опять будетъ упираться—тебя заставлять, а ты усе на свое мѣсто стой. Наконецъ онъ раскусить, оттуда зерно вывалется, что кровь красное каленое. Коли ты его возьми—истолки у кожичку, а всего лучше у рыбій пузырь зашей, да и береги. Какъ на судѣ илти, съ собой его за скну бери. Откуда рѣчи будутъ братиться, что самъ себѣ дивомъ лаваться будешь. Своего супротивника на кажемъ словѣ побѣждать будешь, иу судѣ у твою пользу усегда будетъ. Только мало такихъ людей, кои бы этими грѣхами обладали—достать ихъ трудно, оторопь беретъ. Самъ посуди: съ нечистымъ глазъ на глазъ быть. Съ нимъ же не пеняй, коли у разговорѣ имя Божіе помянешь, али правой рукой отъ него орѣхъ примать станешь, разомъ кажутъ на мѣстѣ положать. Вотъ, кажутъ кумъ Т. енъ, балакаютъ, такимъ дѣломъ занимался, захотѣлъ было этотъ орѣхъ у черта выложить. Ну и пошелъ это онъ, усе честь честью облѣгалъ и ждетъ черта на новый на печи легъ. Слышишь передъ первымъ пѣтухомъ у трубу, какъ завоетъ, онъ себѣ на умѣ, понимаетъ—ходи гыть сюда, сквозь трубу прямо и вотъ съ самъ небольшой, голова, что у барана, только обликъ человѣчій, да когти на пальцахъ крюками загнуты ну и началь значить торгъ вести. Торговался, торговался, покончилъ и при послѣднихъ словахъ цѣлѣзъ правой рукой въ карманъ, да и кажеть: на гыть пусто тебѣ будь. Онъ его какъ звездыляхнетъ—коли съ печи долой. Подняли, у него рука и нога не дѣйствуютъ—правые—отшибъ значить. Да такъ уже значить послѣ и здоровья не имѣль. Да это что: дни три не балакаль ничего значить съ перепугу. Такъ вотъ до самой смерти на кости—

лъ и ходилъ. Руку съ ногой не потерялъ, а орѣха не получилъ. Не каждый это можетъ обдѣлать. Съ чертомъ знакомство вести— тоже мудреное дѣло: говори, да не проговоривайся—закончилъ дѣль Акимъ. Нѣкоторые старики тоже поддерживаютъ этотъ разсказъ. Съ своей стороны могу добавить только то, что Т. послѣднее время дѣйствительно былъ парализованъ и по селу слыть за знахаря.

Ходить повѣrie о томъ, кто Косьмо-Деміанскую пятницу чтить: не работаетъ, постится, вина не пьеть, тотъ тоже на судахъ лѣла выигрываетъ. При чёмъ присовокупляютъ слѣдующее: кто хотеть судиться, то прежде надо свѣчу Косьмѣ-Демьяну поставить. Енъ батюшка безъ серебра дѣла судилъ и за всякия ходатайства денегъ не бралъ, за то енъ батюшка безсеребренникомъ зовется. (Карабачевск. у. Морозовъ).

,Чтобы выиграть въ судѣ дѣло, по словамъ одного старика, идя въ судъ, нужно три раза проговорить слѣдующія слова: „иду пѣшкомъ, дорога пескомъ, я вамъ не подчиняюсь, я вамъ не покоряюсь; вы будето овцы, я вамъ волкъ, васъ не боюсь“. Чтобы убѣдить въ дѣйствительности заговора, старики прибавиль: „мой сватъ Григорій Шаверя любилъ выпить, любилъ пьяный драться, много разъ за драку бывалъ на судѣ, а не разу не осужденъ былъ, потому что зналъ онъ эти слова, да и меня вотъ научилъ“. Хорошо, говорять, когда идешь на судъ, надѣвать на шею эту ладонку, которая „не даетъ не въ огнь горѣть, не въ водѣ тонуть“. (Черепов. у. Власовъ).

Кто постить послѣднюю пятницу передъ днемъ святыхъ безсеребренниковъ Косьмы и Даміана, по мнѣнию крестьянъ, будетъ пользоваться отъ этихъ святыхъ. Затѣмъ, еще повѣrie: есть трава доленъ. Растетъ она по болотнымъ мѣстамъ, имѣть корень она въ родѣ луковицы. Нужно вырвать траву доленъ съ корнемъ, зашущить корень и когда идти на судъ, то имѣть за пазухой, тогда

Никто тебя не оолѣсть на судѣ, будь онъ богатъ, знатенъ, чиновенъ. (Смол. губ. Вязем. у. Титовъ).

Кто каждый день читаетъ по три раза 90-й псаломъ и 108-й, или Евангелие утромъ и вечеромъ, тотъ высудить всякий судъ,— говорять мужики. (Орлов. губ. Михеевъ).

Между крестьянами существуетъ такое повѣрье: всякий, кто желаетъ выиграть судебнное дѣло, идя на судъ, долженъ прочитать три раза псаломъ Давида „Живая помощи“, а еще лучше имѣть списанный этотъ псаломъ или вырѣзанную печатную страничку изъ псалтиря и привязать на шею къ кресту. Никогда не надо начинать судебное дѣло въ понедѣльникъ, день этотъ несчастный и судебное дѣло будетъ обязательно проиграно. Если же кто привлекается къ ответственности за кражу, буйство и тому подобное, то надо также поступать, только замѣнить псаломъ „Живая помощи“ 50 псалтомъ „Помилуй мя Боже“. Впрочемъ это относится къ крестьянамъ Богобоязненнымъ, въ большинствѣ же случаевъ прибегаютъ къ колдунамъ. (Пензен. губ. Саранск. у. Каблуковъ).

ГЛАВА II.

Суррогаты правосудія въ крестьянскомъ быту**§ 6. Самосудъ и виды его.**

Поль самосудомъ слѣдуетъ разумѣть такое осуществленіе судебнай власти, которое не предусмотрѣно закономъ и произволится самовольно, при чмъ и рѣшенія, постановленныя самовольно, приводятся въ исполненіе порядкомъ, непредусмотрѣннымъ закономъ, въ большинствѣ случаевъ насильственно. Этимъ признакамъ—насильственнымъ приведеніемъ рѣшеній въ исполненіе—самосудъ отличается отъ народныхъ судовъ, непредусмотрѣнныхъ законовъ, но признаваемыхъ добровольно самими тяжущимися.

Трудно, конечно, перечислить всѣ виды самосуда, встрѣчающагося въ русскомъ крестьянскомъ быту. Случаи самосуда весьма разнообразны и по послѣдствіямъ своимъ далеко не одинаковы. Трудно, при томъ, говорить о какомъ бы то ни было обычномъ правѣ, касающемся самосуда. Есть случаи самосуда, вытекающіе изъ чисто психологическихъ причинъ, и представляющихъ довольно распространенное явленіе—какъ, напримѣръ, расправы съ конокрадами, но никто, полагаю, не рѣшится признавать здѣсь существованіе какого либо юридического обычая.

Большая часть крестьянскихъ самосудовъ имѣеть, конечно уголовный характеръ, т. е. сводящійся къ насильственному наказанію виновныхъ въ чмъ либо крестьянъ. Но возможно указать и самосуды, съ характеромъ гражданско-правовымъ и самосуды дисциплинарные.

Вотъ примѣръ взысканія убытка самовольнымъ порядкомъ: при задержаніи скота за потраву, при перекосахъ мірскихъ луговъ самосудъ крестьянъ выражается въ томъ, что съ виновныхъ тутъ же беруть деньги, а если ихъ нѣтъ, то вещи, которыя и закладываются, а деньги прошиваются“. (Рязанск. губ. Скопин. у. Чепуринъ). Еще примѣръ: „Чужой скотъ, зашедший на крестьянское поле, владѣльцы поля берутъ въ хлѣвъ и требуютъ съ владѣльцевъ скота положенную миромъ сумму, и сумма эта въ большинствѣ случаевъ вносится безропотно, такъ какъ она всегда бываетъ гораздо ниже той, которая полагается по таксѣ. У неисправныхъ плательщиковъ арендныхъ денегъ за угодья, арендуемыхъ всѣмъ обществомъ, міръ иногда отбираетъ нужная въ хозяйствѣ вещи и держитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока неисправный плательщикъ внесетъ слѣдующую съ него сумму“. (Смол. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ).

Другой видъ самосуда имѣть характеръ скорѣе дисциплинарный. Подъ эту категорію подходитъ обычай, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ корреспонденты сѣверныхъ губерній. Въ сѣверныхъ губерніяхъ единственной гарантіей безопасности полей отъ потравъ служатъ хорошия изгороди у каждого домохозяина, препятствующія проходу скота на поля. Пастуховъ тамъ одинаково не держать. Поэтому ради охраны полей отъ потравъ каждый обязанъ свою изгородь содержать въ исправности. Нарушеніе этой обязанности влечетъ за собой взысканіе, и притомъ въ большинствѣ случаевъ, безъ всякаго формального суда. „Если у какого-либо домохозяина неисправная изгородь между полями и черезъ нее будетъ слѣдана потрава поля, то вся деревня собирается на потравленное поле и виновнаго въ неисправномъ содержаніи своей изгороди тутъ же бьютъ палкой: такое наказаніе по народному обычаю считается законнымъ“. (Вятск. губ. Орловск. у. Гребеневъ). Или другой примѣръ: „въ деревнѣ Задушевѣ существовалъ обычай наказывать безъ всякаго суда лицъ, у коихъ окажется при общемъ осмотрѣ

плохая изгородь около поля. Для исполненія сего ежегодно избирался изгородній староста. Послѣдній приказывалъ крестьянамъ своего селенія исправлять плохія изгороди и въ случаѣ неисполненія кѣмъ либо его приказанія онъ просилъ десятскаго собрать всѣхъ крестьянъ домохозяевъ и вмѣстѣ съ ними отправлялся осматривать замѣченную плохую изгородь, призывая къ этому осмотру и владѣльца изгороди. При общемъ осмотрѣ изгороди, староста, въ присутствіи всѣхъ однодеревенцевъ, ударялъ нѣсколько разъ изгородной вязкой по плечамъ хозяина плохой изгороди, каковое наказаніе виновный сносилъ безапелляціонно, не доводя до свѣдѣнія никому изъ начальства. Обычай вышелся изъ употребленія, когда о немъ было доведено до свѣдѣнія, однажды, мѣстнаго земскаго начальника“.

(Тихвинск. у. Закатовъ. Ср. также съ Череповец. у. Васильевъ).

Далѣе, крестьянскимъ обычаемъ, въ большинствѣ случаевъ признается допустимымъ наказывать безъ суда провинившихся несовершеннолѣтнихъ. „Болѣе разумные родители никогда не обижаются на такую расправу съ ихъ дѣтьми, конечно, если эта расправа не имѣеть характера истязанія или жестокости (а это бываетъ нерѣдко). Напротивъ, они еще благодарятъ, что поучили ихъ сорванцовъ.—, Тетка Арина, я седни твоего Ванютку крапивой отстегнать, все огурцы у меня на огородѣ помялъ“.—И спасибо на этомъ. Вотъ онъ ужо придетъ такъ я ему еще прибавлю. Ахъ онъ мерзавецъ, накось, еще что выдумалъ“. И мерзавцу въ большинствѣ случаевъ прибавляется еще домашнее вразумленіе, чтобы впредь былъ умнѣе. (Ярославск. губ. Даниловскій, Любимск.—Романово-борисоглѣбск. у. Баловъ).

Наконецъ, наиболѣе распространенный видъ самосуда заключается въ самовольномъ наказаніи провинившихся лицъ. Такое самовольное наказаніе или расправа производится нерѣдко непосредственно потерпѣвшими. Это или месть виновному, или мѣры, принимаемыя ради обезспеченія отъ продолженія дѣятельности виновнаго.

Нерѣдки случаи побоевъ, наносимыхъ потерпѣвшими пойманнымъ на мѣстѣ преступленія, или съ подличнымъ, ворамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ практикуется отбираніе топоровъ, у пойманныхъ на лѣсной порубкѣ. Самосудъ практикуется также при поимкѣ грибовиковъ и ягодниковъ, въ тѣхъ рощахъ, где собираніе ихъ воспрещено. Поймавъ такихъ грибовниковъ, отнимаютъ у нихъ грибы и ягоды, возвращая лишь лукошки. При этомъ нерѣдко бываются и злоупотребленія. Если у грибовицъ не набрано еще грибовъ и ягодъ, иная хозяева самовольно снимаютъ съ нихъ головные платки. Былъ случай, когда хозяинъ снялъ съ одной ягодницы сарафанъ (Яросл. губ. Баловъ). Нерѣдки также случаи самовольного наказанія мужьями провинившихся женъ. Вотъ другой характерный случай личной расправы: „парень, переходя въ праздничное время изъ деревни въ деревню заснуль на логогъ. Въ это время гурьба другихъ парней проходила мимо и въ насмѣшку кто-то снялъ брюки съ спящаго. Когда послѣдній проснулся и замѣтилъ впереди идущаго человѣка, догналъ его и полагая, что это сдѣлалъ онъ, ткнулъ въ бокъ перочиннымъ ножемъ такъ, что у послѣдняго кишки вылезли“ (Грязовецкій у. Голубцовъ). Привожу еще характерные случаи личной расправы съ ворами. „Одна женщина долго вертѣлась около торговца съ рыбой, расположившагося на возу на базарной площади, и когда торговецъ отвернулся въ сторону, похитила съ воза кусокъ бѣлуги и спрятала его подъ полу. Торговецъ не показалъ и виду, что замѣтилъ покражу, далъ женщинѣ отойти на нѣсколько шаговъ, быстро догналъ ее, выхватилъ украденную рыбу и началъ бить ею по головѣ и по лицу. Вокругъ столпилось много любопытныхъ, которые со смѣхомъ глядѣли на эту сцену и криками поощряли расходившагося торговца. „Бей ее, жарь крѣпче... По дѣломъ вору и мука. Луши... ее, луши... Что, тетка, каковы рыбки? Небось постовато? раздавались возгласы. Другой разъ мнѣ пришлось видѣть, какъ одинъ мальчикъ утащилъ съ воза

кнутъ. Хозяинъ кнута замѣтилъ это и, выхвативъ изъ рукъ воришки кнутъ, отхлесталъ его этимъ же самymъ кнутомъ“ (Ярославск. губ. Баловъ).

Гораздо большее значеніе, чѣмъ личная расправа потерпѣвшихъ съ провинившимися, имѣть въ крестьянскомъ быту, конечно, самосудъ, совершаемый цѣлымъ сходомъ, собирающимъ, или толлою. Чаще всего такие самосуды примираются въ видѣ наказанія за воровство. Можно, однако, указать, и на случаи самосуда по другимъ поводамъ. „Одинъ изъ крестьянъ подрался съ сельскимъ пастухомъ, при чёмъ ударомъ ножа поранилъ послѣднему руку. Пастухъ пожаловался селенному сходу на обидчика и хотѣлъ привлечь его къ суду. Но виноватый въ преступленіи сталъ просить прощенія у обиженнаго и мірянъ. Міряне, конечно, поддержали его просьбу, но пастухъ не сдавался. Наконецъ виновникъ заявилъ, что онъ лучше понесетъ наказаніе отъ своихъ сосѣдей, чѣмъ подвергнется преслѣдованію суда, при чёмъ просилъ выпороть его при всемъ сходѣ. Такая просьба была встрѣчена веселымъ смѣхомъ мірянъ и тотчасъ же было принято ими и пастухомъ. Виновнаго раздѣли, положили на землю и дали ему двадцать пять розогъ при оглушительномъ хохотѣ и крикѣ исполнявшихъ приговоръ“. (Новгородск. губ. Тихв. у. Ивановъ).

Вотъ другой характерный случай: „крестьянинъ выпивши чедромъ водки въ праздникъ, искасалъ тестя и другого крестьянина. Собрались мужики, связали буяна, а искусанный взялъ камень и вышибъ три зѣба, приговаривая: покажи-ка чѣмъ ты кусаешься? (Грязовецк. у. Голубцовъ). Наказываютъ самосудомъ и сторожей при недобросовѣстномъ исполненіи обязанностей. „Если при потравѣ хлѣба найдутъ сторожа спящимъ тамъ же, а лошади ходятъ по хлѣбу, или по лугу, то бьютъ сторожа тѣмъ, что есть въ рукахъ, пока онъ проснется; мальчишку же приподнимаютъ за волосы, за уши къ верху и бросаютъ на землю“. (Орловск. губ. Михеевъ).

Самосудомъ наказываютъ и за прелюбодѣяніе. „Повадится нахаль парень ходить къ лѣвкѣ подружкѣ: озорничаетъ, позорить семью, его подстегнуть, наконецъ и прикончать“. (Вологодск. губ. Колняковск. у. Мерцаловъ).

Самосудомъ толпы исполняются надъ виновными въ разнаго рода кражахъ всевозможныя наказанія. Важно однако отмѣтить, что наказываютъ, обыкновенно, лишь за кражу въ своей деревнѣ. Хотя указанія на это въ корреспонденціяхъ и немногочисленны, но по самому укладу крестьянской жизни эти указанія подлежать самому широкому обобщенію. „Если крестьянинъ укралъ что нибудь не у своихъ деревенскихъ, а где нибудь на сторонѣ, то относятся снисходительно“. (Орлов. губ. Болхов. у. Костинъ).

Изъ наказаній, примѣняемыхъ крестьянами при самосудахъ, особенно замѣчательны: принудительно прошпитѣе всею толпою принаследжащаго вору имущества, веденіе вора по всей деревни съ привязываніемъ на него краденаго имущества, публичная порка, истязаніе, а иногда и убийство виновнаго.

„Въ полѣ, если поймаютъ на чужихъ картошкахъ, тоже по своему судятъ: всыпять сколько влѣзеть или магарычъ сорвутъ“. (Карабчевск. у. Морозовъ). Относительно виновной въ кражѣ овцы женщины, толпа закричала: „такую чертовку, да прощать. Она исще захочетъ баанины. Какое же ей дать наказаніе? — спросилъ староста у мужиковъ.— А вотъ, какое, закричалъ весь сходъ: корову пропитъ. Она будетъ знать, какъ чужихъ баановъ рѣзать“. (Орлов. губ. Костинъ). Въ другомъ случаѣ всѣ до единаго закричали: „наказать вора своимъ судомъ: прошпитъ его тельгу, провестъ самого по деревнѣ и надавать ему въ шею тумаковъ“ (Болхов. у. Костинъ).

Приводимъ характерный случай самовольнаго прошпитія имущества въ видѣ наказанія за кражу. Когда староста сталъ допрашивать уличеннаго въ кражѣ овса крестьянина, тотъ путался въ объясненіяхъ и сбивался.

Тогда староста сказалъ: „Признайся, мы лучча тебя простимъ.“ Михайла всталъ на колѣни и сталъ просить прощенія: „Простите, братцы. Мой грѣхъ. Дьяволъ меня смутилъ на это, не самъ я. Вы знаете про меня, что я человѣкъ невредный. Простите меня, я винъ за это винца полведерочка поднесу“.—„Хорошо. Поехжай за водкой“. Скоро привезли водки. Собрались мужики со всей деревни. Скоро полведра вышли. Тогда Михайла сталъ просить міръ, чтобы они его простили. Мужики сказали ему на это: „Пошелъ, вези еще полведра, тогда простимъ, а то не простимъ“. Михайло еще привезъ полведра. Одинъ изъ мужиковъ, обращаясь къ Михайлѣ, сказалъ: „Стыдно табѣ тахъ-та дѣлать“. „Э-э-э-стыдно. Енъ ешче маленькимъ стыдъ свой съ кашей съѣль. Ямуть ничего, по дѣламъ вору и мука, никто яму виноватъ, што енъ овса укралъ, а намъ-то, намъ-то, нашей деревни черезъ нягѣ не хорошо, потому што усякой скажеть, што Радимскіе овсянники невѣянный овесъ другъ у друга крадуть да у рыгахъ прячутъ“.—„А за то, што енъ такую хорошую славу положилъ на нашу деревню“,—говорить крестьянинъ по прозванию Попокъ,—„то вотъ тебѣ Миша“. Быть его въ ухо. Михайло бросился бѣжать изъ хаты къ себѣ домой, за нимъ убѣжали и его сыновья. Крестьяне почти всѣ опьянѣли отъ выпитой водки. Когда водку вышли и осмотрѣлись, что Михайлы нѣть, ушель отъ нихъ изъ хаты, пошли всѣ къ его избѣ. Староста подошелъ къ воротамъ и хотѣлъ ихъ отворить, но ворота оказались заперты. Тогда всѣ стали стучать въ дверь и кричать имъ, чтобы они отперли. Но они не отпирались. Мужики подошли къ воротамъ и подсадили одного изъ крестьянъ на крышу, тотъ перелѣзъ черезъ крышу и спустился на дворъ, отперъ ворота. Мужики кинулись всѣ на дворъ. Михайло вышелъ къ нимъ и сталъ просить помилованія. Съ него стали еще требовать полведра водки. Онъ отказался неимѣніемъ денегъ и при этомъ стала ругать мужиковъ, называя ихъ разбойниками и пьяницами.

Тогда мужики разсерчали, скинули съ стоявшей на дворѣ телѣги передокъ колесь и прошли ихъ за полведра водки. Когда водку вышли, то закричали на Михайлу: „Какъ ты смѣешь нашу деревню страмить. Овсянникъ. Ворюга окаянный. Ишь захотѣль легкой работы. Не разстался съ невѣяннымъ овсомъ, а такъ-та хорошую штуку увидитъ, ды енъ выторпить, что бы не унести. Ишь просить прощенія, что не будетъ больше воровать не только самъ, но дѣтимъ, внукамъ, говорить, закажу. Да нѣть. Насъ не воть скоро обманешь. Мы хорошо знаемъ, что дегтяная бочка никогда не гожается на квасъ. Проучить яго хорошенько. Провестъ по деревнѣ его надо съ овсомъ. Чаго на яго глядѣть. Бери яго. Не давайте ворамъ потачки“. Михайлу сейчасъ же схватили, насыпали мѣшокъ несѣянного овса, положили ему на горбъ и повели по деревнѣ съ мѣшкомъ на спинѣ. Нѣкоторые изъ крестьянъ били въ заслонки, косы, кричали, надсмѣхались надъ Михайломъ: „чаго тахта согнулся подъ мѣшкомъ? Ай животъ болить? Должно быть онъ, братцы, надорвалъ его, когда косилъ овесь въ свою ригу. Но, не притворяйся. Эй ты, Васька, подгони яго, чтобы онъ козельчикомъ прянуль. Ишь лодырь. Прибавь шагу-то. Молодецъ, народу сколько собралъ, со всей деревни, усѣ тутъ и старый и малый. Положимъ, яму идить-то весело, потому съ музыкой яго превожаютъ, какъ усе равно какого енерала“. Когда, обошедши всю деревню пришли назадъ къ его хатѣ, то стали съ него просить водки. Михайло опять отказалъ имъ, говоря, что у него денегъ нѣть. Мужики стали угрожать ему, если онъ не поднесеть имъ водки, то его свяжутъ и поведутъ къ Земскому Начальнику; если онъ имъ поднесеть водки, то они его до свѣдѣнія начальства не доведутъ. Михайло, испугавшись ихъ угрозы, въ кабакѣ заложилъ свою свиту и привезъ мужикамъ четверть водки, только чтобы они на него не подавали прошенія. Мужики согласились на это, но строго приказали ему, чтобы въ другой разъ не было, заставили его сѣсть

комокъ земли. Михайло взялъ комокъ земли и сказалъ: „если я въ другой разъ стану воровать, то почернѣй я, какъ эта земля-матушка“. Мужики остались довольны его клятвою, и выпивъ, привезенную Михайлой четверть водки, разошлись по своимъ домамъ. На другой день была сходка и староста объявилъ на сходкѣ: „если, кто будетъ изъ нашего общества воровать у своей деревни, то не проси милости, а съ нимъ поступать въ двадцать разъ строже, чѣмъ учерась съ Михайлой Бухариной. Поняли это или нѣть?“. Согласны, согласны, закричали крестьяне.

А вотъ еще случай самосуда надъ крестьянкой д. Мѣшковой Анной Акуличевой за учиненную кражу холста и за доносъ начальству.

Когда крестьяне убѣдились, что холсты дѣйствительно укра-дены Анною, то рѣшили провести ее по деревни съ холстами на спинѣ и пропить ея собственные холсты, чтобы и другимъ была наука. По случаю праздника, Анна была въ хорошей рубашкѣ; рубашку ея выпачкали дегтемъ и скинули съ Анны платокъ; потомъ распустили одинъ изъ ея холстовъ и собравъ его, кое-какъ завязали на спинѣ; руки у Анны также были связаны сзади, потомъ перевязали ее поперекъ возжами и въ такомъ видѣ повели по деревнѣ. Впереди два крестьянина шли съ заслонками и били въ нихъ палками, а за ними вели Анну за возжи, также два крестьянина. Народъ сбѣжался смотрѣть на это дѣло со всей деревни. Всѣ поднимали на смѣхъ Анну, а нѣкоторые изъ ребятишекъ швыряли въ нее комками. Анна шла по деревнѣ гордо, высоко поднявъ голову и на насмѣшки не обращала вниманія. Крестьяне и крестьянки удивлялись, глядя, что она еще усмѣхается, а не голоситъ, какъ это обыкновенно бываетъ, когда ведутъ въ такомъ видѣ женщину. Такъ провели ее по всей деревнѣ. Потомъ подвели ее къ рѣчкѣ и стали ее мочить, говоря, что надо обмыть деготъ съ рубашки. Вымочивъ всю дочиста водою, крестьяне привели ее

къ двору и развязали руки. На пропой взяли только тотъ холстъ, который былъ привязанъ ей на спину. Освободившись, Анна побѣжала въ сѣнцы, ухватила висѣвшій на крюку цѣпь и, выбѣжавъ съ цѣпомъ, начала имъ бить попадавшихся ей на глаза крестьянъ и крестьянокъ. Увида это, староста приказалъ ее схватить и посадить въ общественный амбаръ на сутки подъ арестъ. Три крестьянина бѣжали за Анной, чтобы ее поймать и посадить въ амбаръ. Увидѣвъ это, Анна бросила цѣпь и побѣжала въ конопляники, гдѣ и спряталась. Нѣкоторые чужедеревенскіе крестьяне научили Анну, чтобы она сходила къ земскому начальнику и пожаловалась ему, что ее крестьяне ограбили. Анна такъ и сдѣЛАЛА. Земской начальникъ призвалъ къ себѣ старосту и спросилъ у него, что правда ли это или нѣть. Староста все ему рассказалъ подробнѣ, прибавивъ при этомъ, что такъ они поступаютъ съ провинившимися крестьянами своего общества еще испоконъ вѣку. Земской начальникъ запретилъ ему впередъ дѣлать подобное и, въ наказаніе, приказалъ ему отсидѣть въ волости два дня подъ арестомъ. Староста пришелъ ко двору, собралъ сходку и объявилъ всѣмъ на сходкѣ, что на нихъ донесла Аношка Акуличева земскому начальнику въ томъ, что ее наказали самосудомъ, и что земской начальникъ запретилъ это впередъ дѣлать, а его посадилъ на два дня подъ арестъ. Тогда на сходку потребовали ея мужа Сергія и деверя Семена и порѣшили наказать Анну такъ: прежде всего мужъ долженъ ее высѣчь кнутомъ при всѣхъ, потому общество прощеть нѣкоторое ея имущество, она же будетъ подвергаться всевозможнымъ насмѣшкамъ и притѣсненіямъ. Придя къ Акуличевымъ, общество приказало Сергію вывести свою жену на сходку. Анна вышла. Ее спросили зачѣмъ она жаловалась на нихъ земскому начальнику, развѣ ее наказали невиноватую. Анна стала просить прощенія. Тогда староста приказалъ Сергею научить свою жену, какъ надо повиноваться общественному суду. Сергею дали кнутъ—хорошій ременникъ, чтобы

онъ далъ своей женѣ тридцать ударовъ безъ всякой пощады, а если общество замѣтить, что онъ щадить свою жену, то ему достанется отъ нихъ. Сергій приказалъ своей женѣ ложиться на землю. Анна стояла молча, ничего ему не отвѣчая и не слушая его. Тогда Сергій подошелъ къ женѣ и хотѣлъ было повалить ее на землю. Анна сѣѣшила его за волосы и начала волтушить. Крестьяне отняли Сергія, повалили Анну и одинъ сталъ ее держать за ноги, а другой за голову и за руки. Сергій началъ свою жену сѣѣть кнутомъ, что ни есть силы. Послѣ тридцати ударовъ староста остановилъ Сергія и отнялъ у него кнутъ. Когда мужъ пошелъ было за женинымъ нарядомъ, чтобы отдать его обществу на пропой, наряда въ сундукѣ не оказалось; Анна снесла его къ своимъ роднымъ въ Балашеву. Съ этихъ порь на Анну нацали семейные за ея поступокъ, потому что она съ сердца начала открыто распутничать. Съ мужемъ Анна дралась каждый день. Такъ какъ по сужденію общества ее всѣ презирали и надсмѣхались наль ней, а ребятишки нерѣдко въ нее комками швыряли съ крикомъ: „ура“, то она рѣшилась уйти изъ Мѣшковой. Получивъ паспортъ отъ мужа, ушла въ городъ Орелъ, а потомъ въ Одессу, гдѣ и живетъ до сего времени. (Волховск. у. Костинъ).

„Веденіе на показъ, вдоль по деревнѣ, пары, застигнутой въ моментъ прелюбодѣянія съ одеждой женской на мужчинѣ и наоборотъ, нынѣ практикуются рѣдко. Наказаніе подобного рода производится не по суду и не на судѣ“. (Вологодск. губ. Кадниковск. у. Дилакторскій).

„Одного человѣка у насъ за воровство водили нагишомъ, онъ у женщины рубашку укралъ и въ гущу въ квасъ ее и залихалъ. Наши таки эту рубашку на шестѣ повѣсили, раздѣли его и по всему селу повели и въ ведро били—его срамили. А въ старые годы, этихъ бабъ, что къ чужимъ мужикамъ-то ходили, розгами пороли, да какъ обрѣжутъ половину рубашки, да такъ по селу и

водять, а нынче-то ужъ не то пошло: ужъ при женѣ на шею вѣшаются". (Пензенская губ. и уѣздъ Квачевскій).

Въ Трубчевскѣ слушалось дѣло по обвиненію крестьянъ деревни Новоселокъ, Трубчевскаго уѣзда, въ самосудѣ. Одинъ бѣдный крестьянинъ накопалъ въ чужомъ огородѣ полмѣры картофеля, былъ при этомъ замѣченъ, схваченъ и съ полиціальнымъ пропровожденіемъ къ старостѣ, который вмѣстѣ съ другими крестьянами тутъ же произвелъ обычную расправу: сняли съ вора нижнее бѣлье (порты), завязали концы, насыпали туда краденый картофель и надѣли на шею вора, затѣмъ одѣли что-то въ родѣ барабана и съ оглушительнымъ крикомъ и барабаннымъ боемъ повели вора по деревнѣ изъ конца въ конецъ". („Орловск. Вѣстникъ").

,Крестьяне иногда судятъ за воровство самосудомъ. У насъ въ селѣ Козинкахъ случаи самосуда были такого рода: одна крестьянка нашего села у своего односельчанина взяла барана и зарѣзала его, ее поймали и по случаю этого событія собрали сходъ. Сходъ присудилъ ее къ воженію по улицѣ съ бараномъ. Послѣ этого рѣшенія собрались всѣ женщины села, взяли кто косы, кто заслонки, трещетки и проч. вещи той женщины, которая украла барана, на шею привязали голову зарѣзанного ею барана и съ пѣснями, стукомъ и пляскою повели ее по селу. Обойдя такъ село три раза, виновную отпустили на волю". (Орловск. у. Булгаковъ).

,За растрату общественныхъ суммъ въ Ястребенкѣ полагается такое позорящее общее наказаніе (этому подвергается большею частью общественные сборщики податей и повинностей). Узнавъ, что сборщикъ затратилъ общественные деньги, крестьяне даютъ ему три дня срока, чтобы онъ доставилъ затраченную сумму. Если сборщикъ за это время не достанетъ денегъ, то его привязываютъ къ столбу лицомъ, а къ народу задомъ въ одной рубашкѣ. Около него кладутъ березовую хворостину. Когда соберется народъ, то староста спрашиваетъ у виновнаго: скоро заплатишь деньги или нѣть. Тотъ

отвѣчасть: тогда то отдамъ. Староста опять говорить: ты зналъ, что за растрату общественныхъ денегъ бываетъ?— „зналъ и знаю“— отвѣчаетъ виновный. А если зналъ, то за нарушеніе вотъ тебѣ.— Съ этими словами староста береть хворосту и бьеть виновнаго по спинѣ два раза, а потомъ отходитъ въ сторону. За старостой подходятъ и остальные и тоже самое бьуть ого хворостиной по спинѣ, но уже по одному разу. И такъ ударяютъ его всѣ крестьяне. Послѣ позорнаго наказанія, староста приказываетъ виновному черезъ недѣлю представить деньги, иначе наказаніе будетъ вдвое строже. Послѣ этого виновнаго отвязываютъ. Если виновный черезъ недѣлю не отдастъ денегъ, то его опять привязываютъ къ столбу, какъ и прежде и уже староста бьеть розгой четыре раза, а крестьяне всѣ по два. Если виновный не заплатить еще денегъ черезъ недѣлю, то его привязываютъ къ столбу въ третій разъ и уже староста бьеть его розгой до шести разъ, а крестьяне по три раза. Послѣ этого ведутъ виновнаго по деревнѣ съ крикомъ, гамомъ и пѣснями, а потомъ даютъ ему сроку недѣлю и если очь не заплатить опять, то доносятъ начальству, а начальство дѣлаетъ у виновнаго продажу имущества. Привязываніе къ столбу и публичное наказаніе розгой за растрату общественныхъ денегъ, считается за величайшій позоръ. А потому въ Ястребенкѣ растрата общественныхъ денегъ случается очень рѣдко. Такое же позорящее наказаніе за растрату общественныхъ денегъ бываетъ въ деревняхъ Суворовкѣ и Воробьевкѣ. За частный долгъ въ деревнѣ Мошковой, въ Ястребенкѣ, Суворовкѣ, Лабынцевой подвергаютъ виновнаго слѣдующему позорному наказанію: собираютъ сходку и на сходку обязательно десятскіе, подъ руки приводятъ виновнаго и ставятъ посерединѣ толпы. Крестьянинъ давшій въ долгъ, спрашивается, будеть онъ платить или нѣтъ. Послѣ этого плюетъ должнику въ глаза и говорить: у тебя безсовѣстные глаза, а па нихъ плюютъ. Потомъ снимаетъ съ него шапку и надѣваетъ на шесть и несетъ по деревнѣ, а за

нимъ десятскіе ведуть подъ руки должника. Такъ проведутъ по всей деревнѣ. А послѣ этого должникову шапку на шесту староста ставить на крышу своего дома и она стоять тамъ двѣ недѣли. Если должникъ за это время не отдастъ, то давшій береть у старости шапку, гадить въ нее и при всемъ народѣ бросаеть ему ее въ лицо, сказавъ: подавись ты моими деньгами.—Протухни ты также, какъ и твоя шапка, висѣвшіи двѣ недѣли на шесту, на позоръ твоей головы. Всѣ крестьяне кричатъ на должника: ура, ура. Должникъ долженъ взять свою шапку и бѣжать къ двору съ глазъ народа, иначе его затолкаютъ. Это наказаніе бываетъ самое позорное и такому крестьянину послѣ этого никто уже не дастъ одной кошѣйки въ долгъ. Кромѣ этого за нимъ всякий имѣеть право крикнуть: эй, ты пошелъ прочь съ сходки. Отъ тебя воняетъ, пошелъ обмойся, очисти свою голову и оботри шапку.—Такъ будутъ за нимъ кричать и срамить его до тѣхъ поръ, пока онъ при всѣхъ отдастъ свой долгъ. Послѣ отдачи долга, за нимъ хотя такъ и не будутъ кричать, но позоръ остается съ нимъ навсегда. Такъ поступаютъ тогда, когда онъ бралъ деньги или еще что безъ залога, но при свидѣтеляхъ.

Въ деревнѣ Шиховцахъ за воровство вѣшаютъ за ноги къ ракиткѣ и пллюютъ на вора, потомъ его отвязываютъ, пачкаютъ лицо лѣгтемъ и въ такомъ видѣ проводятъ по деревнѣ, кладутъ на землю внизъ лицомъ и бьютъ ладонями по голой задницѣ. Въ нашей мѣстности провинившихся дѣвушекъ наказываютъ тѣмъ за потерю чести, что отрѣзаютъ ей косу, пачкаютъ всю рубашку лѣгтемъ и безъ юбки проводятъ по деревнѣ. Послѣ такого сраму ужъ никто не береть замужъ, и она остается въ дѣвушкахъ. Нужно замѣтить, что провинившуюся дѣвушку тогда подвергаютъ такимъ „насмѣшнымъ“ наказаніямъ, когда на это будетъ согласие ея родителей и родныхъ. Нѣкоторые родители не желаютъ срамить своей дочери, а потому и не позволяютъ ее такъ наказывать, а нѣкото-

рые сами приходятъ на сходку и предлагаютъ обществу наказать виновную, чтобы снять позоръ съ своего семейства и чтобы виновата была одна дочь. (Орловск. у. Костинъ).

Но бываютъ случаи гораздо болѣе жестокой расправы. „Съ воромъ такъ поступили: забили ему кнутовище въ задній проходъ и все тамъ взболтали. Мужикъ послѣ того зачахъ и померъ. Въ Пыщепской волости въ деревнѣ Кривовѣ парня, страшнаго ухаживателя за бабами, мужики поймали и убили, подстрекаемые однимъ только что женившимся молодцомъ. Самосудъ кончился довольно трагично. Молодецъ, начавшій бить изъ ревности, изъ подъ вѣнца пошелъ сразу же на каторгу“. (Костромск. губ. Ветлужск. у. Кузнецова).

Самый жестокій и сильный еще распространенный видъ самосуда расправы съ конокрадами. Крестьяне научены горькимъ опытомъ, насколько разорительно конокрадство и насколько трудно найти украденную лошадь. „Въ деревнѣ украдена лошадь, хозяинъ ея разоренъ въ конецъ. Пріѣхалъ урядникъ, произвелъ дознаніе, передаль его своему становому, передавшему его, въ свою очередь, земскому начальнику, прекратившему дѣло за ненахожденіемъ обвиняемаго. Всѣ спокойны. Все сдѣлано правильно и законно, но не спокоенъ и неудовлетворенъ крестьянинъ. Въ глубинѣ его души десятками лѣтъ тлѣтъ неудовлетворенная злоба, разжигаемая воспоминаніями о тѣхъ тяжело пережитыхъ минутахъ, когда онъ былъ безъ лошади. У сосѣда на мѣстѣ преступленія захваченъ конокрадъ. Вотъ когда тлѣвшая у него злоба загорѣлась въ неудержимый пожаръ, потушить который не въ состояніи даже перспектива Сибири, если только онъ способенъ въ данную минуту отдать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ“. (Орловск. губ. Хотынецъ, Сахаровъ).

Однажды для производства дознанія по дѣлу о расправѣ съ конокрадомъ, о которой было известно только по слухамъ, мѣстному уряднику пришлось переодѣться гуртовщикомъ, и подъ видомъ

покупки крестьянского скота, пробраться на сходъ той деревни, гдѣ былъ совершенъ самосудъ, и опоить крестьянъ водкой, дабы они сами рассказали подробности совершенного злодѣянія. И черезъ небольшой промежутокъ времени подвыпившіе мужики уже безъ стѣсненія рассказали гуртовщику про убийство Сидорки. Убили его, какъ оказалось, чутъ ли не всѣмъ селомъ.

Только на утро, когда явился приставъ съ урядникомъ и судебнымъ слѣдователемъ, пьяная вогата поняла, что попалась въ ловушку, начались аресты, допросы, но добиться путного ничего не могли; всѣ запирались, говоря, что болтали спьяна. Однако, когда арестовали болѣе трусливыхъ, то добились того, что они объяснили, когда убили Сидора, и гдѣ спрятанъ былъ его трупъ. Добрая половина села (около 300 человѣкъ) была привлечена къ ответственности.

Вотъ какъ обѣ этомъ рассказываютъ очевидцы: Сидоръ, зная, что народъ на роботѣ (былъ сѣнокосъ) забрался въ село обѣ обѣдъ и увидавъ на дворѣ лошадь, поймалъ ее, оброталъ, сѣль-верхомъ и хотѣлъ уже удирать, но его увидали ребятишки, полнили крикъ, „лошадь угнали“. Кое-какіе бывшіе дома мужики по-выскакали и бросились логонять. Сидоръ хлесталъ лошадь, колотилъ ногами, но лошадь ни съ мѣста, оказалось, что лошадь Сидору попалась съ норовомъ и подъ верхомъ не ходившая. Видя бѣгущихъ мужиковъ, Сидоръ соскочилъ съ лошади и ударился въ поле. За нимъ бѣжала мало по малу увеличивающаяся толпа, но едвали бы удалось настигнуть конокрада, если бы не догадались двое мужиковъ сѣсть на лошадей. По несчастью конокрадъ бѣжалъ именно въ тотъ оврагъ, и лѣсочекъ, гдѣ мужики косили сѣно. Увидавъ бѣгущую толпу, которая кричала и махала руками, косари бросились къ конокраду на встрѣчу, вооруженные косами. Конокрадъ повернулся берегомъ въ ржаное поле, но его нагнали двое верховыхъ, смяли, оглушивъ палками, а подбѣжившая толпа докон-

чила, напавъ съ остервененiemъ на конокрада. Убивъ, смяли его въ трясину оврага и завалили хворостомъ. Когда трупъ былъ вырытъ, не было возможности сосчитать всѣхъ ранъ какиe ему нанесли, это скорѣе былъ не трупъ, а кусокъ безформенного мяса.

При разбирательствѣ дѣла, при спроcѣ обвиняемыхъ: кто билъ Сидора? всѣ въ унисонъ отвѣчали: всѣмъ міромъ. Въ правотѣ своей крестьяне глубоко убѣждены; при такихъ расправахъ они не считаются убийство даже грѣховнымъ.

Приведу еще одно характерное дѣло самосуда, много надѣлавшее шуму. Это было въ селѣ Долгоруковѣ въ 1887 году. Долгоруковскій народъ—проходимцы: всѣ они промышляютъ торговлей дамскихъ волосъ, для чего отправляются глубокою осенью по деревнямъ, покупаютъ у бабъ косы на головахъ, подчасъ обстригая продавшую; съ этими волосами отправляются они на окраины Руси — Одессу и т. д., а не рѣдко перебираются и за границу. Ни одного года не проходило, чтобы долгоруковцевъ не высыпали откуда нибудь изъ за границы черезъ консульство, какъ неимѣющихъ заграничныхъ паспортовъ. Многіе изъ жителей владѣли нѣмецкимъ, французскимъ и турецкимъ языками. Соприкасаясь со всякими людьми, долгоруковцы всѣ почти превратились въ нравственныхъ уродовъ. Земледѣліе у нихъ было плохо развито. Всѣ славились своею грубостью, плутовствомъ и воровствомъ.

Плохо жилось въ этомъ селѣ двумъ вдовамъ—сестрамъ, помѣщицамъ Сатиной и Тучковой, съ буйнымъ народомъ ладу не было, на глазахъ ихъ тащили все, что можно: лѣсъ, дрова, сѣно, даже снопы съ поля. Отъ бывшаго когда то прекраснаго сахарного завода осталась одна развалина. Каждый годъ, каждая жестянка была утащена долгоруковцами. Управляющіе не могли жить на барскомъ дворѣ, или онъ долженъ былъ быть мошенникомъ и обирать вмѣстѣ съ мужиками, или его колотили до полусмерти, поймавъ гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ.

Разорившись въ конецъ несмотря на прекрасное имѣніе, помѣщицы хотѣли уже оставить усадьбу: думали сдать кому нибудь въ аренду, охотниковъ находилось много, которые, узнавъ сущность положенія дѣла, не рѣшились арендовать.

Но въ мартѣ злополучного года помѣщицамъ попался надежный человѣкъ, согласившійся стать во главѣ управлениія, обѣщаю возстановить порядокъ. Это былъ опытный агрономъ, польскій дворянинъ Станиславскій. Обладая недюжиннымъ здоровьемъ (для него ни по чемъ было снести за сотню сажень 25 пудовую чугунную бабку) геркулесъ по виду, ростомъ 2 аршина 14 вершковъ и вѣсомъ $9\frac{1}{2}$ пудовъ, онъ сразу обратилъ на себя вниманіе долгоруковцевъ. Всѣ поняли, что шутить этой управляющей не будетъ.

Да Станиславскій самъ заявилъ имъ о себѣ черезъ двѣ недѣли послѣ поступленія на службу, онъ явился на сельскій сходъ, вооруженный револьверомъ и двухстволкой (обычная его манера была ходить вооруженнымъ) и заявилъ: „я знаю, что вы всѣ воры и мошенники, разграбившіе барское имѣніе. Съ поступленіемъ меня въ управляющіе пришелъ конецъ вашему грабежу. Живите лучше по доброй волѣ честно—не воруйте, что надо, лучше спрашивайте и во всемъ въ чемъ можно, отказа не получите. А сами, кто изъ васъ попадется, такъ и знайте, что расправа у меня коротка будеть,—сверну шею, какъ утенку, или пристрѣлю, какъ собаку.

Рѣчь Станиславскаго произвела громкое впечатлѣніе, мужики увидали, что не только одному, но даже двоимъ-трое ему не попадайся—перевертиТЬ какъ курятъ. Долго они шумѣли послѣ ухода управляющаго, дѣлая всевозможные планы, какъ извести его. И вотъ на чемъ порѣшили: если приказчикъ (управляющій) вздумаетъ кого обидѣть изъ крестьянъ, то ударить врасплохъ и всѣмъ міромъ покончить съ нимъ. Такъ и заявили всѣмъ:—если моль, въ церкви ударять сплохъ, то значитъ надо бѣжать на барскій дворъ и всѣмъ міромъ расправиться съ приказчикомъ. На сходахъ присут-

ствовали всѣ сельскія и волостныя власти, которыя главнымъ образомъ и руководили заговоромъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, на слѣдующій день крестьяне рѣшили гнать свое стадо пастьись на барскія озими, начинающіяся позади барскаго двора. Для этой цѣли отрядили человѣкъ восемь народу. Съ утра пасли на барскомъ „пару“, находящемся на границѣ озимей, безъ разрѣшенія на то съ барскаго двора. Когда проснулся утромъ Станиславскій, ему сказали, что крестьяне безъ разрѣшенія пасутъ скотъ на барскомъ пару; онъ послалъ сказать пастухамъ, чтобы скотъ убрали, иначе обѣщался загнать скотъ къ себѣ на дворъ и взыскать за потраву. На такое требованіе пастухи (крестьяне) отвѣчали грубой руганью и посланный едва спасся отъ побоевъ. Вместо исполненія законныхъ требованій крестьяне перегнали свое стадо на барскія озими.

Получивши такое сообщеніе, Станиславскій страшно былъ возмущенъ, онъ много ожидалъ, но никакъ не могъ ожидать явнаго возмущенія. Не справляясь, много ли народа пасеть скотъ, онъ вышелъ на дворъ и направился къ пастухамъ, и въ то же время велѣлъ своимъ рабочимъ сѣсть верхами и загонять скотъ на барскій дворъ. Въ полѣ началась перебранка, крестьяне не давали скотъ, но верховые и пѣшие барскіе рабочіе погнали скотъ на барскій дворъ. Станиславскій остался среди мужиковъ и старался разъяснить имъ, но орава не внимала и плотнѣе обхватывала его кольцомъ. Въ особенности назойливо лѣзъ одинъ плугавенькій старичишка, осыпая его руганью. Станиславскій вышелъ изъ себя и схвативъ за бороду старика, такъ его дернулъ, что часть бороды осталась въ рукахъ. Старикъ повалился на землю, крича: караулъ, убиль. Только и ждали этого. Поднялся шумъ: кто-то крикнулъ одному изъ парней: „Николка, бѣги жарь сполохъ“. Церковь была не далеко. Николка со всѣхъ ногъ ударился туда и черезъ минуту послышался набатъ.

Крестьяне бросились изъ села на барскій дворъ, вооружившись, кто чѣмъ попало. Станиславскому приходилось шагъ за шагомъ отвоевывать себѣ дорогу. Наконецъ увеличивающаяся толпа человѣкъ въ 200—300 сомкнула его плотнымъ кольцомъ, идти далѣе не представлялось возможнымъ: кругомъ ревѣли мужики. Видя невозможность пробраться, Станиславскій взвель курки у двустрѣлки, угрожая, что первый, кто загородитъ ему дорогу, будетъ убитъ. Мужики замялись и дали дорогу. Станиславскій медленно сталъ приближаться, оставалось не болѣе 100—150 сажень. Толпа все прибывала и прибывала. Наступившее на минуту замѣшательство, благодаря оговсюду раздающемуся подстрекательству, снова миновало и мужики начали осаждать управителя, заграждая дорогу. Минута была опасная.

Вдругъ одинъ смѣльчакъ бросился сзади на Станиславскаго и схватилъ за стволъ ружья, къ нему на помощь бросились другие и началась борьба. Станиславскій, вырывая ружье, задѣваетъ за собачку, раздается выстрѣлъ и одинъ изъ мужиковъ съ пристрѣленнымъ животомъ повалился на землю.

Народъ отступилъ. На мѣстѣ остался пристрѣленный и Станиславскій, который, растерявшись, выронилъ изъ рукъ ружье. Замѣшательство толпы продолжалось не долго, какъ бы по сигналу всѣ озвѣрѣли и набросились на Станиславскаго, ударяя кто чѣмъ попало. Окровавленный управитель свалился, но черезъ моментъ вскочилъ и бросился бѣжать, сокрушая все на дорогѣ кулаками. Преслѣдователи не отставали, нанося побои, кто чѣмъ попало.

Видя невозможность добѣжать прямо до барскаго двора, Станиславскій бросился въ рядомъ находившійся крутой оврагъ, надѣясь透过 него добраться въ безопасное мѣсто. Но струившаяся изъ ранъ головы по лицу кровь не давала ему возможности видѣть какъ слѣдуетъ. Между тѣмъ, за деревомъ въ оврагѣ притаился мужикъ съ желѣзными вилами. Едва Станиславскій поровнялся съ

нимъ, какъ мужикъ воткнулъ ему вилы въ грудь. Голіафъ упалъ на колъ и простирая впередъ руки сталъ умолять пощадить его жизнь ради его семьи. (Разсказъ очевидца на военномъ судѣ, где разбиралось это дѣло). Но толпа въ это время была кровожаднѣе звѣря. Станиславскій былъ растерзанъ въ оврагѣ. По словамъ очевидца, его били очень долго даже и мертваго. Когда я приѣхалъ, какъ медикъ, на мѣсто бойни, что было часа черезъ 4—6 послѣ убийства, то засталъ на барскомъ дворѣ толпу крестьянъ со всего села, они все гадѣли, разбившись на кучки возлѣ раненаго, но еще живого и въ полной памяти мужика, котораго перенесли на барскій дворѣ, где его напутствовалъ священникъ. Помочь раненому было невозможно. Черезъ 10 часовъ онъ умеръ. Станиславскаго я нашелъ на лнѣ оврага, вмятаго въ трясину, на немъ было наброшено сверху оружіе палачей (колья изъ плотней, хворостины, палки и камни). Возлѣ убитаго не было ни одного человѣка.

Судебно-медицинское слѣдствіе показало, что трупъ Станиславскаго представлялъ изъ себя рубленое мясо, сосчитать число ранъ и переломовъ костей не представлялось возможнымъ. На утро наступила паника, въ страхѣ передъ ответственностью все спрятались.

Любопытно было приглашеніе меня сотникомъ, прискакавшимъ извѣстить о происшествії.

— „Пожалуйте, говорить, скорый на барскій дворѣ, управляющій убилъ мужика—чуть живъ, кишкі наружи“.

— „А управляющій где?“ спросилъ я сотника.

— „Не знаю, говорить, за нимъ побѣжали, онъ бросился въ оврагъ, я на лошадь, да за вами“.

Потомъ оказалось, что сотникъ-то главнымъ образомъ и былъ подстрекателемъ толпы (его приговорили къ смертной казни) и побѣжалъ тогда, когда Станиславскій былъ приконченъ.

Во время катастрофы все начальство, во главѣ съ волостными старшиной и старостой были на мѣстѣ преступленія и дѣйствовали

за одно съ толпой. Дѣло было передано военному суду, который приговорилъ 34 человѣка къ смертной казни черезъ повѣшеніе и около ста къ ссылкѣ, каторгѣ и тюремному заключенію. Слѣдствіе было не легкое и тянулось очень долго; всѣ виновные отвѣчали одно и тоже, что онъ не бывалъ и не трогалъ приказчика, или ударили только хворостиной, а бывалъ весь міръ, но кто бывалъ онъ въ толпѣ разобрать не могъ. (Сарат. губ. Хвалын. у. Мироновъ).

§ 7. Ссылка порочныхъ членовъ по приговорамъ обществъ.

Ссылка сельскими обществами членовъ, признанныхъ порочными, въ административномъ порядкѣ, допускается, согласно закону, по приговорамъ, постановленнымъ ^{2/3} присутствовавшихъ домохозяевъ, и утверждаемымъ, по заключенію земского начальника и уѣзднаго предводителя дворянства, Губернскимъ Присутствіемъ. Для подобной ссылки—составляющей, конечно жалкій суррогатъ настоящаго правосудія, не требуется никакого формального судебнаго производства. По отзыву наблюдателей, ссылка эта на практикѣ примѣняется очень рѣдко, а есть мѣстности, где она за послѣдніе десятки лѣтъ вовсе не примѣнялась. Есть даже случаи, что крестьяне вовсе не знаютъ о своемъ правѣ (Череповецк. у. Власовъ). Тѣмъ не менѣе, судя по отзыву большинства наблюдателей, по мнѣнію крестьянъ мѣра эта считается справедливой и необходимой. Тотъ фактъ, что она примѣняется рѣдко, объясняется отчасти тѣмъ, что крестьяне понимаютъ всю ея исключительность; но важную роль играетъ и то, что для ссылки порочного члена общества должно возмѣстить казнѣ расходы по его отправкѣ въ Сибирь, иногда съ семействомъ; наконецъ и принятіе постановленія на сельскомъ сходѣ возможно лишь при предварительномъ уговорѣ крестьянъ и лишь тогда, когда они заручились согласіемъ на ссылку земского начальника: иначе неудавшаяся попытка ссылки поведеть лишь къ мести со-

стороны подлежащаго ссылкѣ лица. (Саратовск. губ. Куз. у. Смирновъ, Смоленск. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ, Орловск. губ. Хотынецъ, Сахаровъ, Нижегородск. губ. Васильсурск. у. Корвинъ-Круковскій и др.).

Что касается имущества ссылаемаго, то движимость онъ можетъ пролатъ по своему усмотрѣнію; надѣль же его остается въ пользу его жены и дѣтей, когда они не изъявили желанія послѣдовать за нимъ въ ссылку; въ противномъ случаѣ онъ поступаетъ въ пользу общества. На возрастъ ссылаемаго иногда общество обращаетъ вниманіе и стариakovъ ссылаетъ менѣе охотно. Зажиточность, семейное положеніе и другія условія обыкновенно въ разсчетъ не принимаются. Случаевъ ссылки женщинъ не наблюдалось.

Что же касается основаній для ссылки, то здѣсь прежде всего надо указать на постоянную наклонность къ воровству, затѣмъ на конокрадство, подозрѣніе въ поджогѣ. Большею частью ссылаютъ или приговоренныхъ уже судомъ рецидивистовъ, или такихъ, которые по своей ловкости всегда сумѣли избѣгать осужденія по суду, но про дѣла которыхъ среди односельчанъ существуетъ твердоѣ единодушное убѣжденіе. Впрочемъ нерѣдко бываютъ и злоупотребленія со стороны сельскихъ сходовъ своими правами и ссылки въ Сибирь крестьянъ безъ всякаго разумнаго основанія. Наиболѣе характерные разсказы привожу цѣликомъ.

,Случай ссылки по приговорамъ обществъ не часты въ нашей мѣстности. Одинъ случай на волость приходится въ 15 лѣтъ. Ссылаютъ людей крайне порочныхъ, на исправленіе которыхъ нѣть надежды и которые такъ ловко умѣютъ прикрывать свои преступленія, что избѣгаютъ наказанія отъ суда или подвергаются наказаніямъ легкимъ, которыя только усиливаютъ ненависть между обществомъ и преступникомъ. Лѣтъ 20 тому назадъ крестьянинъ Большой Геры по фамиліи Травниковъ, былъ сосланъ по приговору общества. Травниковъ своимъ дурнымъ поведеніемъ крайне надоели

обществу, которое просто не знало, какъ отъ него избавиться. Много онъ сдѣлалъ преступленій, но какъ то все увертывался отъ руки правосудія. Осенью въ праздничный день, темнымъ вечеромъ въ Горѣ случился пожаръ: загорѣлся заборъ у одного богатаго крестьянина. Время передъ этимъ было дождливое, постройка намокла и потому пламя распространялось медленно. Крестьяне скоро сбѣжались, амбаръ раскидали и пожаръ потушили. Нашлись свидѣтели, которые видѣли, какъ Травниковъ бѣжалъ передъ самымъ пожаромъ отъ сгорѣвшаго амбара. Не успѣли мужики розойтись по ломамъ, какъ въ другомъ концѣ деревни загорѣлся хлѣбъ. Однако и на этотъ разъ огонь дальше не пустили. Троє крестьянъ съ того конца деревни, где загорѣлось во второй разъ, спѣшили на пожаръ и видѣли, какъ Травниковъ бѣжалъ изъ хлѣба, который черезъ нѣсколько минутъ вспыхнулъ. Травникова сейчасъ же заперли подъ крѣпкій караулъ и послали за слѣдователемъ. Когда слѣдователь приѣхалъ, то всѣ поголовно стали доказывать, что поджигатель въ обоихъ случаяхъ былъ Травниковъ. Но слѣдователю для привлече-
нія къ уголовной отвѣтственности по обвиненію въ такомъ важномъ преступленіи этихъ уликъ оказалось не достаточно. Всѣ въ одинъ голосъ твердятъ, что Травниковъ поджогъ, а какъ слѣдователь начинаетъ спрашивать, что не видаль ли кто, какъ онъ огонь подкладывалъ, или спички вычеркивалъ — никто доказать не могъ. Видѣть крестьяне, что не избавиться имъ отъ Травникова и на этотъ разъ, а такъ оставить нельзя, потому что знаютъ, что Травниковъ имъ этого не простить и сдѣластъ новый поджогъ, а деревня Большая Гора болѣе ста домовъ, постройки очень крушныя. Составили приговоръ крестьяне, собрали денегъ на дорогу, и отправили его въ Сибирь.

Въ деревнѣ Коротовѣ былъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ отчаянnyй воръ и убийца, парень лѣтъ 27. Онъ нѣсколько разъ сиживалъ въ острогѣ, но каждый разъ возвращался оттуда еще бо-

лѣе испорченнымъ. У Сереги, такъ звали парня, былъ товарищъ, съ которымъ онъ совершилъ свои преступленія, они были замѣшаны въ двухъ убийствахъ, совершили нѣсколько поджоговъ, а кражъ и не перечесть. Мѣстные ребята рѣшили съ ними покончить въ нарочно устроенной для того дракѣ. Товарища Сереги дѣйствительно покончили, а самъ онъ ускользнулъ и похвалился выжечь деревню. Тогда крестьяне составили приговоръ, собрали денегъ на дорогу и отправили его въ Сибирь. Пять лѣтъ тому назадъ были еще два такихъ случая. Ссылка такихъ крестьянъ является, по мнѣнію остальныхъ, единственной мѣрой избавиться отъ такихъ преступниковъ, которые каждую минуту могутъ угрожать или воровствомъ или поджогомъ, а то и убийствомъ. Такого преступника, съ которымъ надѣются совладѣть домашними средствами—мѣстью, отдачею въ руки правосудія или надѣются на его исправленіе, не будуть ссылать по приговору. Кромѣ того, что они должны собрать отправляемому довольно значительную сумму денегъ на дорогу, они долго еще находятся подъ страхомъ, что преступникъ можетъ уѣхать изъ острога, съ дороги изъ самой Сибири и жестоко отомстить имъ. Лѣта при подобной ссылкѣ большого значенія не имѣютъ, а руководствуются единственно нравственнымъ обликомъ ссылаемаго и суммой и качествомъ его преступленій, какъ имъ совершенныхъ, такъ и ожидаемыхъ отъ него. Особенное значеніе придается поджогамъ, отъ которыхъ нерѣдко страдаетъ цѣлое общество. Въ селѣ Большая Гора былъ сосланъ хозяинъ и отецъ семейства. Земля, домъ и все его имущество остались наследникамъ. Сосланный изъ деревни Коротова имѣлъ только одну мать. Земля была отобрана въ общество, плохая изба и другое кое-какое имущество осталось у матери. Въ Горской волости былъ сосланъ бездомный бобыль и по профессіи нищий. Изъ деревни Острова былъ сосланъ крестьянинъ донохозяинъ. Хозяйство и все его имущество осталось женѣ и дѣтямъ". (Новгородск. губ. Череповецк. у. Антиповъ).

Лѣтъ около 15 назадъ крестьянамъ деревни Кузнецовой было предложено начальствомъ выслать административнымъ порядкомъ двухъ односельцевъ, только что отбывшихъ тюремное заключеніе за конокрадство. Собралось сельское общество, туда же явились и конокрады, которые между прочимъ вели себя по отношенію къ обществу дерзко и надменно. Приговоръ о высылкѣ ихъ уже составили, но жены конокрадовъ съ дѣтьми валились, такъ сказать, въ ногахъ общества, умоляя не давать такого приговора. Жалѣя ихъ семьи, общество требовало отъ конокрадовъ покорности, смиренія, обѣщанія бросить преступное ремесло, но тѣ, какъ говорится, и ухомъ не вели; почему—неизвѣстно. Надо полагать, они во время пребыванія въ тюрьмѣ наслушались отъ бывалыхъ арестантовъ рассказовъ о хорошемъ житьѣ въ Сибири.

Общество между тѣмъ ждало отъ нихъ просьбы и прощенія. Жены умоляли своихъ мужей поклониться обществу. Кричали и родственники: поклонитесь миру „Михайла да Яковъ“.

— „Мнѣ нельзя кланяться, отвѣчаетъ Михайла, у меня чирій на спинѣ-то“.

— „У меня тоже чирій, вотъ нельзя и згибаться то, отвѣчалъ и другой конокрадъ Яковъ“.

Такая необыкновенная дерзость окончательно взорвала членовъ сельского общества и приговоръ былъ окончательно постановленъ и подписанъ.

— „Ну, коли у васъ чиры на спинѣ, такъ и лѣчите ихъ въ Сибири“, отвѣчали однообщественники.

Русское поселеніе с. Ути. (Великорѣченской волости) въ 1893 году выслало троихъ черемисъ по общественному приговору. Высылка этихъ черемисъ вызывалась слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ концѣ 70 годовъ, между здѣшними черемисами стала распространяться религіозная секта „Кучу-Сарти“, представляющая странную смѣсь христіанства, магометанства и язычества. Въ качествѣ

языческаго вѣроисповѣданія она была настолько вредной и опасной, что въ концѣ 80 годовъ противъ нея были приняты весьма крутыя мѣры. По рѣшенію Вятскаго Окружного Суда сектанты с. Ути исосѣдней деревни были отданы въ опеку односельцамъ крестьянамъ съ отвѣтственностью за эту опеку всего общества. Опека надъ имуществомъ состоятельныхъ хозяевъ представляеть, конечно, дѣло высшей степени сложное, сопряженное съ массой различныхъ непріятностей болѣе касающихся опекуновъ, чѣмъ опекаемыхъ. Секта между тѣмъ продолжала распространяться. Затрудненія между опекунами и обществомъ съ одной стороны и опекаемыми съ другой усиливались: начался цѣлый рядъ раздоровъ между тѣми и другими, взаимныя отношенія крайне обострились. Такимъ настроениемъ, исполненнымъ взаимной вражды и недовѣрія, воспользовалось мѣстное духовенство: при содѣйствіи земскаго начальника сравнительно легко было получить приговоръ объ удаленіи въ Сибирь главарей инородческихъ сектантовъ и послѣдніе были высланы. Впослѣдствіи крестьяне сильно раскаивались за этотъ приговоръ, который они дали въ моментъ раздраженія и подъ вліяніемъ духовенства и начальства.

Въ селѣ Сметанинѣ съ 74 по 99 годъ было опустошительныхъ пожаровъ шесть, причину, которыхъ искали, какъ водится въ поджогѣ. Подозрѣніе пало на трехъ крестьянъ, ведшихъ довольно безалаберную жизнь. Послѣ пожара 83 года, уничтожившаго три села (11 домовъ) крестьяне такъ были взволнованы и раздражены, что по собственной инициативѣ составили приговоръ объ удаленіи изъ своей среды трехъ вышеупомянутыхъ крестьянъ и о высылкѣ ихъ въ Сибирь. Мужики были сосланы. Черезъ 6 лѣтъ, въ 1889 году, въ Сметанинѣ произошелъ новый, еще болѣе опустошительный пожаръ; здѣсь было доказана и установлена офиціально причина пожара—неосторожное обращеніе съ огнемъ: просто-на-просто одинъ молодой крестьянинъ бросилъ непогашенную папиросу въ сухіе щепы и стружки. Крестьяне стали задумываться: „ужъ не

напрасно ли мы сослали и тѣхъ-то ребятъ въ Сибирь, говорили многіе; на грѣхъ мастера нѣть. Табакуровъ-то нынче развелось видимо-не-видимо“. Сомнѣнія эти въ ближайшемъ времени не замедлили оправдаться. Одинъ молодой мужичекъ, умирая отъ чахотки, заявилъ своимъ сосѣдямъ, что въ пожарѣ 1883 года виноватъ онъ, „заронившій“ плохо заплеванную сигарку во дворѣ того дома, съ котораго начался пожаръ. Узнавъ объ этой исповѣди, уже черезъ шесть лѣтъ послѣ пожара, но подъ живымъ впечатлѣніемъ пожара 1889 года, крестьяне села Сметанина составили пріемный приговоръ относительно сосланныхъ крестьянъ. Но изъ нихъ вернулись на родину только двое, третій добровольно остался въ Сибири навсегда“ (Вятск. губ. Яранск. у. Наумовъ).

Въ моей практикѣ было три приговора обществъ о ссылкѣ въ административномъ порядке порочныхъ членовъ: два изъ нихъ оказались постановленными единогласно; передъ повѣркой приговоровъ мною была подробно объяснена обществу важность принимаемой мѣры и нравственная ответственность, которую каждый членъ принималъ на себя, но въ двухъ обществахъ, где въ одномъ (село Стрѣлець) на сходѣ было до трехъ сотъ человѣкъ, послѣдовало единогласное полтвержденіе согласія схода на удаленіе порочныхъ членовъ. Отсюда нельзя не заключить, что въ обществѣ есть сознаніе о необходимости указанной мѣры, когда улики противъ преступниковъ бываютъ не достаточны, чтобы судить его. Когда на Стрѣлецкомъ сельскомъ сходѣ я обратилъ вниманіе крестьянъ на трехъ рыдающихъ на колѣняхъ съ грудными ребятами женъ удалаемыхъ, я услышалъ суровый отвѣтъ: „отъ нихъ больше голосятъ“. „Зря не стали цѣплиться бы“. Однако къ этой мѣрѣ общество прибѣгаѣтъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Домъ, пажитокъ и земельный надѣль ссылываемыхъ поступаетъ въ пользованіе членовъ семьи, или двора, остающагося въ обществѣ.

Главное вліяніе на волю схода по вопросу о ссылкѣ членовъ общества оказываетъ обязанность общества возмѣщать расходы каз-

ны, сопряженные съ ссылкой передаваемыхъ въ распоряженіе правительства лицъ. Эти расходы довольно значительны и, обременяя общество, нерѣдко удерживаютъ его отъ примѣненія названной мѣры,—къ такимъ крестьянамъ, которые безусловно заслуживаютъ ея". (Орловск. губ. Елецк. у. Турбинъ).

Три года тому назадъ былъ случай ссылки въ Сибирь по приговору сельского общества. Дѣло было такъ. Нѣкто крестьянинъ Мухинъ по лѣтамъ пасъ стада коровъ, а дѣти его обрабатывали свой надѣль. Мухинъ любилъ въ пьяномъ видѣ хвалиться познаніями всего, что дѣлается не только въ Елшанкѣ, но и въ цѣломъ обществѣ. Разъ или два въ кабакѣ Мухинъ нагрубилъ волостному старшинѣ, послѣдній обиду пастуха снести не пожелалъ и началъ подговаривать сначала родню, а потомъ и знакомыхъ, обѣ удаленіи Мухина не только, какъ вора, но и какъ разбойника, изъ общества. Хотя явныхъ уликъ въ этомъ не было, а были лишь одни подозрѣнія, но за нихъ то и ухватился старшина. Дѣло обѣ удаленія изъ общества Мухина и товарища Кобалова тянулось около года, наконецъ, общество поддалось вліянію старшины, былъ составленъ на сельскомъ сходѣ приговоръ, по которому Мухинъ и Кобаловъ удалились изъ села Елшанка на житѣе въ Сибирь. Бѣднымъ пастухамъ и во снѣ не снилось, что имъ придется когда либо покинуть родину, да не однимъ, а съ женами и дѣтьми, которые пожелали разделить изгнаніе своихъ родителей. Вышеприведенную мѣру народъ считаетъ крайне жестокой и суровой и не видитъ въ ней большой необходимости; по мнѣнію его, дурныхъ людей можно и другимъ, болѣе легкимъ путемъ заставить исправиться. Надѣль ссылочныхъ остался въ пользу общества. (Саратовская губ. Хвостинск. у. Мироновъ).

Ссылки по приговорамъ обществъ, хотя и бываютъ, но очень рѣдко и иногда не имѣютъ значительныхъ основаній. Такъ въ 1898 году Сугоновское сельское общество составило сходъ, на которомъ

быть предложенъ на обсужденіе вопросъ объ односельчанинѣ Егорѣ Егорченокѣ, котораго общество желало исключить изъ своей среды, мотивируя свое желаніе лишь тѣмъ, что онъ, Егоръ Огорченый, поведенія не трезваго, плохой работникъ, а потому неисправный плательщикъ всѣхъ повинностей и въ домѣ буянъ, и что оно, Сугоновское общество, недоимки, числящіеся за Егоромъ Огорченымъ, платить не намѣreno. Такъ какъ Сугоновское сельское общество не достигаетъ количества на 300 человѣкъ, то тотъ же самый вопросъ о высылкѣ Егора Огорченаго былъ предложенъ на сходѣ волостномъ, который и рѣшилъ его въ утвердительномъ смыслѣ. И бѣдный Егоръ Огорченый былъ дѣйствительно такъ огорченъ, что спустя два дня скончался, оставивъ сиротами трехъ дѣтей и вдову жену. Надѣль земельный переходить по высылкѣ хозяина во владѣніе дѣтей мальчиковъ, надъ которыми учреждаютъ опеку (Калужск. у. Лебедевъ).

„Въ Юхновскомъ уѣздѣ ссылкѣ подлежать исключительно цыгане, приписанные къ обществамъ, не имѣющіе, по обыкновенію, осѣдлости и полевого хозяйства. Причина ссылки — конокрадство и вообще воровство во всѣхъ его видахъ, отъ чего претерпѣвается ущербъ весь округъ“. (Смол. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ).

Кромѣ приговоровъ и ссылки порочныхъ членовъ возможны приговоры объ отказѣ въ обратномъ пріемѣ въ общество крестьянъ, отбывшихъ наказаніе въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, что влечетъ за собою для нихъ ссылку въ Сибирь на вдовореніе. Существуютъ указанія на то, что крестьяне охотно принимаютъ обратно такихъ наказанныхъ, которые преступленіями своими не причиняютъ вреда обществу и односельчанамъ. Наоборотъ конокрадовъ и профессиональныхъ воровъ опасныхъ для своего общества, крестьяне обратно не принимаютъ. (Ср. Вятск. губ. Яранск. у. Наумовъ, Орловск. губ. Хотынецъ, Сахаровъ).

§ 8. Неофициальные народные суды, ихъ составъ, предметъ вѣдомства и порядокъ разбирательства ими дѣлъ.

Помимо волостного суда существуетъ еще на практикѣ цѣлый рядъ неофициальныхъ судовъ, не имѣющихъ, разумѣется, никакого обязательнаго для тяжущихся значенія и не подчиняющихся какимъ бы то ни было точнымъ формамъ производства. Значеніе такихъ судовъ, въ большинствѣ случаевъ, чисто примирительное. Таковы семейные суды, суды стариковъ и сосѣдей, третейскіе суды, судъ сельскаго старосты и сельскаго схода.

Семейные суды рассматриваютъ проступки членовъ своего семейства, совершенные, какъ въ семейной жизни, такъ и на сторонѣ (Новгородск. губ. Черепов. у. Власовъ). Но въ семейныхъ судахъ нерѣдко производится дѣйствія прямо произвольныя, граничащія съ жестокимъ самосудомъ. Вотъ примѣры семейныхъ судовъ, описанные тѣмъ же авторомъ.

На одномъ семейномъ судѣ пришлось быть самому, про другой рассказывали сосѣди. 17-го августа, послѣ усценского пивного праздника въ селѣ Покровскомъ, къ крестьянину этого села Никифору Трифонову, пришелъ крестьянинъ деревни Шуклина Дмитрій Григорьевъ съ жалобой на сына Никифора, Михаила, который поколотилъ въ праздникъ сына Дмитрія Григорьева. Дмитрій сказалъ Никифору „я что судамъ ходить не люблю, ты самъ Никифоръ накажи сына, а то я въ судъ пойду“. Послали за дѣломъ, отцомъ Никифора, который живеть съ другимъ сыномъ. Дѣлъ явился. Никифоръ рассказалъ ему дѣло и спросилъ: „что съ нимъ, подлецомъ дѣлать, тятька?“ — „А вотъ что:“ и старикъ вскочилъ съ лавки съ не свойственной его лѣтамъ послѣшностью, подбѣжалъ къ драчуну внуку, сначала далъ ему двѣ плюхи, потомъ принялъся трепать за волосы. Внукъ не сопротивлялся: всѣ присутствующіе хранили молчаніе. „Фу, окаянный, усталъ, не могу больше, больше не будешь“,

сказалъ дѣлъ, опускаясь опять на лавку. Дмитрій Григорьевъ былъ удовлетворенъ за обиду сына и суду уже не жаловался. Другой случай въ деревнѣ Князевѣ: три года тому назадъ одна молодая женщина вошла въ любовную связь съ холостымъ братомъ своего мужа. Свекровь застала любовниковъ на мѣстѣ преступленія и довела до свѣдѣнія сына-мужа. Хотя мужъ очень глуповатый парень, но все-таки понялъ, что жена не ладно сдѣлала, поколотилъ ее. Но свекровь баба прожженая, ей этого показалось мало; она созвала семейный совѣтъ-судъ, на который былъ приглашенъ еще старшій братъ рогоносца, живущій отдѣльнымъ домомъ и вотъ втроемъ, постановили наказать „гулену“ хорошенькo. По совѣту матери и брата мужъ заворотилъ сарафанъ и рубаху на голову жены, завязалъ ихъ на головѣ веревкой, поставилъ такимъ образомъ жертву въ полную невозможность сопротивленія и самозащиты или, въ крайнемъ случаѣ, бѣгства. Потомъ началось истязаніе: сначала мужъ былъ ременнымъ кнутомъ, когда усталъ, вручилъ кнутъ матери, а свекровушка конечно, не положила охолку на руку, и насытившись, передала кнутъ старшему сыну, онъ тоже былъ. Все тѣло несчастной представляло, говорить, одну сплошную рану. Она лежала больше мѣсяца при смерти. Соблазнитель остался ненаказаннымъ.

Другой вилъ неофиціального разбирательства—суды старииковъ и суды сосѣдей. Суду старииковъ иногда предоставляется разборъ случаевъ обѣ обидахъ и оскорбленияхъ. „Въ токого рода дѣлахъ старики считаются болѣе беспристрѣстными судьями на томъ основаніи, что они въ виду близкой смерти не захотятъ брать грѣха на душу и не захотятъ быть обвиненными поговоркой: одной ногой въ гробу стоить, а все неправду говорить; считаются они и болѣе подходящими судьями, такъ какъ отъ старииковъ не такъ обидно выслушивать выговоръ и даже брань, безъ чего не обходится разбирательство такихъ дѣлъ. Обращаются къ суду старииковъ и при семейныхъ скандалахъ и дракахъ, основываясь на вышеприведенныхъ

причинахъ“. (Смоленск. губ. Юхновск. у. Кушнеровъ).

Привожу характерные примѣры суда стариковъ по семейнымъ дѣламъ, бывшѣ въ Орловской губерніи. (Орловскій у. Михеевъ).

Судъ стариковъ въ деревнѣ практикуется: въ этомъ году былъ слѣдующій случай въ селѣ Архангельскомъ: старуха Захарова возненавидѣла жену внука, за что послѣдняго хотѣла согнать со двора, говоря: „я яго (внука) примаю, а іе не примаю“. Внукъ обратился къ старостѣ, который собралъ сходку. На сходку явилась бабка Захарова со внукомъ. Тутъ бабку все общество пристыдило, разбранило и усовѣстило такъ, что она сразу смирилась и оставила свои замыслы, а хозяйство поручила внуку, какъ потребовала сходка крестьянъ. Крестьяне руководились тѣмъ, что Захаровъ малый смиренный, не пьяница, хозяйствомъ можетъ управлять. При дѣлѣ же имущества также обращаются къ сходкѣ, при чемъ голосъ стариковъ всегда за обиженныхъ, такъ напримѣръ: однѣ старуху обижала невѣстка, а сынъ никогда не вступался за мать и жену не останавливалъ, да кромѣ того и сыну своему позволялъ обижать свою бабку, которая выйдя изъ терпѣнія, обратилась къ суду стариковъ съ слѣдующими словами: православные старики, какъ вы мнѣ присудите быть, вамъ всѣмъ известно какъ mine обижаетъ Хавроха (такъ звали невѣстку). На это вся сходка въ одинъ голосъ закричала: гони ихъ всѣхъ бабка метлой изъ избы, твоя изба. Послѣ того старуха дѣйствительно выгнала свою семью изъ хаты и сынъ былъ принужденъ построить себѣ хату. Вообще къ суду стариковъ обращаются обиженные, но не желающіе доходить до волостного суда.

Но большею частью суду стариковъ, равно какъ и судусосѣдей подлежитъ экспертиза подлежащихъ возмѣщенію убытковъ, главнымъ образомъ при потравахъ. „Судъ стариковъ илисосѣдей состоять изъ неопределеннаго числа лицъ въ присутствіи сельского старости. Порядокъ разбирательства дѣла въ этомъ судѣ примирительный и заключается въ слѣдующемъ: крестьянинъ напримѣръ, при потравѣ у него

хлѣба, или огорода чужимъ скотомъ, при перекосѣ ли травы на лугахъ или хлѣба въ полѣ или же при перепашкѣ коноплянника, либо огородной или полевой земли, заявляется обѣ этомъ жалобу сельскому старостѣ, который приглашается, либо нѣсколькихъ человѣкъ стариковъ, или же сосѣдей потерпѣвшаго и виновнаго, въ присутствіи которыхъ староста со стариками и сосѣдями; при потравѣ осматриваются самую потраву и опредѣляются причиненный скотомъ убытокъ, при перекосѣ травы или хлѣба, при перепашкѣ земли осматриваются спорную мѣстность и въ случаѣ налобности одной изъ сторонъ, а также размѣръ убытка, если таковой былъ уже известенъ. Послѣ этого они стараются свести стороны на миръ. Если дѣло кончится примиреніемъ, то такъ оно и прекращается безъ всякаго письменнаго приговора, а если нѣтъ, то потерпѣвшій приносить въ волостной судъ жалобу, причемъ старосту и стариковъ или сосѣдей выставляются свидѣтелями въ подтвержденіе своей жалобы или иска (Орловск. губ. Кромск. у. Козловъ, тоже Вятск. губ. Орлов. у. Гребеневъ, Новгородск. губ. Череповецк. у. Власовъ, Тамбовск. губ. Елатомск. у. Кондрашевъ, Орловск. губ. Карабачевск. у. Морозовъ).

Нерѣдко бываютъ въ крестьянскомъ быту и третейские суды. По своему составу они мало чѣмъ отличаются отъ вышеописанныхъ. Порядокъ разбирательства въ нихъ не формальный. Подъ третейскими судами слѣдуетъ вообще разумѣть такіе, къ которымъ тяжущіеся прибѣгаютъ по соглашенію между собой. Тѣмъ не менѣе понятіе нравственной обязательности рѣшеній третейскихъ судовъ для спорящихъ еще мало развито въ крестьянскомъ быту. „Постановленія третейского суда никуда не записываются и не имѣютъ обязательной силы. Это ни что иное, какъ добрый совѣтъ незaintересованныхъ людей. Но совѣту этому въ большинствѣ случаевъ спорящіе слѣдуютъ. А, если разъ они послушались совѣта добрыхъ людей, то послѣ возобновлять дѣло и передавать его на судъ официальный считается предосудительнымъ“ (Новгородск. губ. Че-

репов. у. Антиповъ). Впрочемъ, очень рѣдкіе случаи третейскихъ разбирательствъ, занесенныхъ въ книгу волостного правленія и приведенныхъ въ исполненіе старшиною, можно указать (Новгородск. губ. Черепов. у. Власовъ, насчиталъ въ одной изъ волостей три только случая съ 1862 года).

Бываютъ въ крестьянскомъ быту также случаи обращенія къ разрѣшенію споровъ сельскими старостами. Всѣ эти виды разбирательства споровъ примирительнымъ порядкомъ не имѣютъ офиціального значенія и потому не могутъ быть точно разграничены между собою. Можно лишь намѣтить болѣе или менѣе характерные способы примирительного суда, существующаго въ крестьянскомъ быту вообще, что мы только что и сдѣлали.

Нѣсколько иное значеніе имѣть судъ „громады“ или сельскаго схода. Существуетъ, какъ известно, цѣлый рядъ дѣлъ правового характера, подвѣдомственныхъ сельскому сходу на основаніи закона. Таковы, въ особенности, семейные раздѣлы,*) передѣлы мірской земли, учетъ опекуновъ, удаленіе изъ общества или временное устраненіе порочныхъ членовъ (ст. 62, п. 3, 6, 7 и 8 Общ. Пол. о крестьян. изд. 1902 года). Вѣдомство сельскаго схода приблизительно также очередно большинствомъ корреспондентовъ по бывшему этнографическому бюро кн. В. Н. Тенишева. Можно; однако указать на примѣры, когда сельскій сходъ береть на себя разборъ дѣлъ, входящихъ въ кругъ вѣдомства суда. Привожу разсказъ корреспондента Череповецкаго у. Новгородской губ. Власова.

Порядокъ разбирательства дѣлъ сельскими сходами (громадами ихъ у насъ не зовутъ) лучше всего виденъ изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ.

1. Восемь лѣтъ тому назадъ у покровскихъ бабъ сбыло сильной бурею ленъ, постланный на общемъ лугу, и замело въ большия кучи къ огородамъ и кустамъ. Прибѣжавшія бабы подняли

*.) Что отмѣнено Высочайшимъ Указомъ 5 октября 1906 года.

вой, какъ передъ свѣтопреставленіемъ, начали хватать ленъ язъ кучь кто сколько можетъ. Поднялась брань, перешедшая въ иныхъ мѣстахъ въ драку. Въ четверть часа весь ленъ былъ расхваченъ. Бабы снова начали было стлать его по лугу, но оказалось, что часть владѣлицъ льна, не подозрѣвавшая о линяномъ кризисѣ, сидѣла спокойно дома въ то время, какъ происходило расхищеніе. Онѣ тоже побѣжали на лугъ, потребовали свою часть и не получивъ та-ковой, пошли жаловаться мужьямъ и сельскому старостѣ. Собрался сельскій сходъ и отправился на мѣсто происшествія. Сходъ прежде всего распорядился, чтобы ленъ опять былъ собранъ въ одну общую кучу, потомъ попросилъ каждого домохозяина сказать по совѣсти, сколько рѣшетъ сѣмянъ льна у него было посѣяно и сосчитавъ, сколько рѣшетъ сѣяно у всѣхъ, разложивъ ленъ на полученное число кочекъ, не обращая вниманія на качество льна, и раздѣлилъ.

2. Крестьянинъ села Никольского Алексѣй Зиновьевъ въ прошломъ году нарубилъ три воза дровъ въ общественномъ заповѣдномъ лѣсу. По качеству дровъ односельчане догадались, где они нарублены. Собрался сельскій сходъ, произвелъ осмотръ порубки на мѣстѣ, виновнаго порядкомъ постыдили, и „пощували“, а дрова приказали сейчасъ же отвести къ своей приходской церкви, не подвергая больше никакому взысканію Зиновьева. Приказаніе схода немедленно было исполнено“.

Таковы, въ общихъ чертахъ, различные виды сельскихъ судовъ. При всей ихъ неопределённости, при всей неясности предметовъ ихъ вѣдомства и неточности порядка производства въ нихъ дѣлъ и необязательности ихъ рѣшеній, нельзя не отмѣтить, что они обладаютъ нѣкоторыми существенными пріимуществами передъ волостными судами. „Все здѣсь высказывается просто, безъ ухищреній, безъ умалчива-ній, что бываетъ нерѣдко на волостномъ судѣ и что значительно вредить интересамъ правосудія. Благодаря откровеннымъ показаніямъ, дѣло на сельскомъ судѣ часто выясняется гораздо болѣе, чѣмъ на

волостномъ. Это сознаютъ и сами тяжущіеся, почему охотно и обращаются къ подобному суду, чтобы болѣе выяснить себѣ дѣло, такъ какъ одинъ умъ хорошъ, а два-три лучше. Не уклоняются отъ сельскаго схода и на томъ основаніи, что судъ этотъ въ большинствѣ случаевъ не имѣть карательнаго значенія, и, следовательно, противъ желанія самихъ тяжущихъ ни къ чему не обязывается. Послѣднему обстоятельству тяжущіеся придаютъ особенную цѣну и благодаря ему, считаютъ мнѣнія и рѣшенія такого суда болѣе беспристрастными, потому, что суды лично не заинтересованы въ дѣлѣ и не подчиняются въ выраженіи своихъ мнѣній ничему вліянію, тогда какъ вліяніе писаря въ волостномъ судѣ извѣстно каждому и подрываетъ авторитетъ этаго суда. Сельскіе суды имѣютъ большое значеніе въ крестьянской жизни. Благодаря имъ, множество дѣлъ улаживается домашнимъ миролюбивымъ образомъ. Благодаря имъ поддерживается миръ семьи, авторитетъ старшихъ, укрѣпляется въ народѣ сознаніе правъ личности и собственности вообще; наконецъ благодаря имъ, не развивается въ крестьянской средѣ сутяжничество и кляузничество, такъ вредно отражающіяся на нравственномъ и материальномъ строѣ крестьянской жизни". (Смоленск. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ).

П р и мѣчаніе: Примѣровъ разбирательства сельскими сходами дѣлъ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію согласно общему положенію, не привожу, ибо они относятся къ другому отдѣлу: административному устройству крестьянъ и организаціи специальному крестьянскому самоуправлению.

ГЛАВА III.

Волостные суды.**§ 9. Составъ волостныхъ судовъ. Порядокъ избранія судей.
Ихъ права.**

1. Для того, чтобы имѣть точное понятіе о составѣ волостныхъ судовъ и о порядкѣ избранія волостныхъ судей, необходимо имѣть въ виду текстъ закона. (Общ. Полож. о крест. изд. 1902 г.), который мы здѣсь и приводимъ:

Ст. 113. Волостной судъ состоять изъ четырехъ судей, при чемъ одинъ изъ нихъ, по избранію уѣзднаго съѣзда, назначается предсѣдателемъ. Съѣзда, если признаеть нужнымъ, можетъ возложить обязанности предсѣдателя на мѣстнаго волостного старшину.

Ст. 114. Каждое сельское общество избираетъ одного кандидата въ волостные суды, при чемъ, однако, общее число избранныхъ лицъ не должно быть менѣе восьми. Если волость состоить менѣе чѣмъ изъ восьми сельскихъ обществъ, то недостающее доизначенаго комплекта число кандидатовъ избирается тѣми обществами, которымъ это будетъ предоставлено уѣзднымъ съѣздомъ. Изъ состава избранныхъ лицъ, земскій участковый начальникъ утверждаетъ четырехъ въ должностяхъ волостныхъ судей на три года, а остальныхъ назначаетъ кандидатами къ нимъ на тотъ же срокъ. Кандидаты замѣняютъ волостныхъ судей въ случаѣ ихъ выбытія изъ должностей ранѣе истеченія трехлѣтняго срока или временнаго

отсутствія, при чёмъ соблюдаются порядокъ и очередь, установленные для сего земскаго начальникомъ.

Ст. 115. На должності волостнаго судьи избираются крестьяне домохозяева, достигшіе 35 лѣтъ отъ роду, пользующіеся уваженіемъ своихъ односельцевъ, и, по возможности, грамотные. Не могутъ быть избираемы: 1) лица, судившіеся за кражу, мошенничество, присвоеніе или растрату чужого имущества и судебнными приговорами не оправданные, а равно подвергшіеся по суду тѣлесному наказанію, заключенію въ тюрьмѣ или иному болѣе строгому наказанію; 2) содержатели заведеній для раздробительной торговли напитками, и 3) лица, занимающія другія должности по волостному или сельскому управлѣнію.

Самый порядокъ производства выборовъ закономъ не установленъ и на практикѣ также не можетъ считаться твердо укрѣпившимся. Нерѣдко избраніе происходитъ посредствомъ простого открытаго голосованія, ведущаго на практикѣ къ побѣдѣ тѣхъ, кто громче кричить. „Обыкновенно кричатъ 5—10 человѣкъ, а остальные молчаниемъ выражаютъ согласіе“. (Рязанск. губ. Скопин. у. Чепуринъ). Болѣе употребителенъ, впрочемъ порядокъ выборовъ посредствомъ расхожденія избирателей по сторонамъ: желающихъ выбрать даннаго кандидата въ правую, не желающихъ въ лѣвую сторону. (Скопин. у. Чепуринъ, Орлов. у. Михѣевъ, Дмитровск. у. Тамбовск. губ. Липецк. у. Петровъ, Новгородск. губ. Череп. у. Антиловъ, Власовъ, Казанск. губ. Спасск. у. Ивановъ). Менѣо распространентъ, хотя и весьма нерѣдко встрѣчается наиболѣе правильный способъ производства выборовъ—баллотировка шарами. (Орловск. у. Михѣевъ, Костр. губ. Макарьевск. у. Костинъ, Саратовск. губ. Хвалынск. у. Мироновъ).

2. Что касается качествъ, требующихся на практикѣ для того, чтобы быть избраннымъ волостнымъ судьею, то по этому вопросу трудно прийти къ какому либо определенному заключенію.

Какъ мы видѣли, законъ ставить только два точныхъ условія: избираемый долженъ быть не моложе 35 лѣтъ и долженъ быть домохозяиномъ. Чтобы избираемый долженъ быть непремѣнно главой нераздѣльной семьи, изъ текста закона не видно, и на практикѣ допускается избрание не главы семейства. (Напримѣръ: Хвалынск. у. Мироновъ). Другое качество, играющее на практикѣ существенную роль—домовитость и зажиточность. Бывають, однако, случаи, когда крестьяне избѣгаютъ выбирать слишкомъ зажиточныхъ односельчанъ изъ боязни, что они передъ бѣдными будутъ гордиться и доступъ къ нимъ будетъ затруднителенъ. (Кромск. у. Козловъ). Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, выбираютъ преимущественно болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Иногда зажиточность цѣнится даже болѣе грамотности. Трезвость избираемаго, несомнѣнно, также принимается въ расчетъ. Такое же значеніе имѣеть грамотность. Впрочемъ, какъ мы видѣли, самъ законъ не ставить грамотности условіемъ избрания, а лишь рекомендуетъ выбирать грамотныхъ, на практикѣ же бываетъ нерѣдко и утвержденіе неграмотныхъ судьями. Сказать, какое условіе считается болѣе важнымъ при выборахъ—зажиточность, домовитость или грамотность, въ видѣ общаго правила, конечно, невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ богатые крестьяне смотрятъ на должность волостного судьи въ разныхъ мѣстностяхъ не одинаково; можно указать немало случаевъ, когда они добиваются этой должности, какъ почета, но нерѣдко бываетъ и обратное—что зажиточные крестьяне готовы даже откупиться отъ должности волостного судьи, считая ее хлопотливой и боясь нажить себѣ черезъ нее враговъ. (Орловск. у. Михѣевъ, Грязовецкій у. Каменевъ). Нерѣдки, такимъ образомъ, случаи, когда крестьянъ угощаютъ за то, чтобы они не выбирали, и столь же возможно обратное—угощеніе за избрание. Послѣднее настолько распространено, что нерѣдко избранными оказываются совершенно недостойныя лица, „иногда положительные мѣроѣды“. (Никольскій у. Ржаницынъ). А бываетъ и такъ, что

крестьяне сознательно выбирают худшихъ и наиболѣе лѣнивыхъ односельчанъ, говоря: „мы оброкъ платимъ, полувшную носимъ, а онъ только гуляетъ, да зубы скалить—его то, ребята, и слѣдуетъ выбрать въ судьи“. (Грязовецкій у. Каменевъ).

Недобросовѣстныя дѣйствія нерѣдки и при представлениіи избранныхъ на утвержденіе земскаго начальника. Особенно, когда земской начальникъ мало еще знать крестьянъ своего участка, и довѣряется мнѣнію волостного старшины, послѣдній рекомендуется къ утвержденію лицъ, ему выгодныхъ и послушныхъ. Есть случаи, что старшина „свою рекомендацию чуть не съ публичнаго торга продаетъ: кто сумѣеть лучше удовлетворить старшину попойкой, взяткой деньгами или хозяйственными продуктами, того онъ рекомендуется начальству, какъ самого достойнаго. Минѣ известно, что съ одного кандидата, проведенного въ судьи, старшина взялъ нетель, а съ другого, попавшаго въ предсѣдатели, бралъ третью часть получаемаго имъ жалованья (33 р. 33 коп. въ годъ). (Череповецк. у. Власовъ).

Такова общая безотрадная картина того, какъ у насъ комплектуются волостные суды. Поэтому разсказъ корреспондента Орловской губерніи Сахарова, о томъ, что земской начальникъ утвердилъ въ должности писаря волостного суда одного изъ судей, бывшаго прежде полковымъ писаремъ, и что при отличномъ подборѣ судей судъ данной волости сталъ пользоваться большимъ уваженiemъ среди населенія и о взяткахъ и пьянствѣ въ немъ не было и помина; что при разборѣ дѣла одного священника, когда суды лишь къ вечеру окончили дѣло, они ни за что не согласились на предложеніе священника зайти къ нему и закусить, но голодные возвратились въ свои дома, весь этотъ разсказъ слѣдуетъ несомнѣнно признать рѣдкимъ исключениемъ изъ обрисованнаго нами весьма грустнаго общаго правила.

3. Привилегіи волостныхъ судей заключаются въ освобождении отъ натуральныхъ повинностей. По закону они также были

освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, но съ отмѣной, Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 11 Августа 1904 года, тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ вообще обывателей, привилегія эта утратила свое значеніе.

Что же касается жалованья, получаемаго волостными судьями, то оно весьма различно. Чаще всего оно колеблется между 40 и 60 рублями для судей и между 60 и 100 рублями для предсѣдателя. Высшій размѣръ жалованья для предсѣдателя—120 руб. въ годъ. Есть однако случаи весьма низкаго вознагражденія, напримѣръ: судьямъ тридцать шесть рублей, предсѣдателю сорокъ восемь рублей. (Сарат. губ. Хвалынск. у. Мироновъ). Или волостнымъ судьямъ 15 р. въ годъ, а кандидатамъ по 20 коп. за каждое рѣшенное ими дѣло. (Псковск. губ. Порховск. у. Куницынъ). Безплатную должность предсѣдателя суда я нашелъ, въ общемъ сводѣ данныхъ, въ одномъ только случаѣ (Сарат. губ. Хвалын. у. Мироновъ).

Определить, въ зависимости отъ какихъ причинъ происходитъ вышеописанное колебаніе оклада жалованія волостныхъ судей, представляется по имѣющимся даннымъ—невозможнымъ. Играетъ ли тутъ роль дорожевизна жизни въ данной мѣстности, или накопленіе судебныхъ дѣлъ—все это является лишь предметомъ гадательныхъ предположеній.

§ 10. Общій обзоръ порядка разбирательства дѣлъ волостными судами.

Порядокъ разбирательства дѣлъ въ волостныхъ судахъ одинъ и тотъ же повсемѣстно. Усмотреть какія либо мѣстныя особенности по разнымъ районамъ не представляется возможнымъ. Этотъ порядокъ въ общихъ чертахъ слѣдующій:

Жалобы и исковые прошения принимаются словесныя и пись-

менная и заносится въ особую книгу. Предсѣдатель суда, по соглашению, въ большинствѣ случаевъ, съ волостнымъ писаремъ, назначаетъ дни засѣданій суда и дѣла, подлежащія разбору въ каждое засѣданіе. Тяжущіеся вызываются въ судъ повѣстками. Засимъ въ назначенный день собираются суды, и когда они займутъ свои мѣста, предсѣдатель объявляетъ засѣданіе открытымъ, приглашая всѣхъ присутствующихъ соблюдать тишину. Засимъ читаются и докладываются по очереди дѣла, назначенные къ слушанію. По каждому дѣлу вызываются тяжущіеся. Истцу или обвинителю предлагается предсѣдателемъ словесно изложить суду мотивы жалобы или иска. Потомъ предоставляется слово обвиняемому или отвѣтчику въ опроверженіе жалобы или иска. Далѣе предсѣдатель старается склонить стороны къ примиренію. Если мировая сдѣлка состоится, она заносится въ книгу рѣшеній. Если же стремленіе помирить тяжущихся не увѣличается успѣхомъ, судъ приступаетъ къ разбору дѣла по существу. Производится допросъ свидѣтелей. Свидѣтели, въ большинствѣ случаевъ, предварительно удаляются въ особую комнату, и допрашиваются каждый порознь. Допросу предшествуетъ напоминаніе предсѣдателемъ обязанности говорить правду съ предупрежденіемъ о возможности для свидѣтеля быть спрошеннымъ по тому же дѣлу подъ присягой. Допросъ производится предсѣдателемъ суда, иногда и членами онаго. Нерѣдко бываетъ, что и самимъ тяжущимся предоставляется задавать свидѣтелямъ вопросы. По окончаніи допроса свидѣтелей дѣло иногда откладывается, если противная сторона просить вызвать новыхъ свидѣтелей и если необходимо производство мѣстнаго осмотра. Дальнѣйшее производство дѣла ведется въ этомъ случаѣ такимъ же порядкомъ. Наконецъ суды удаляются въ совѣщательную комнату для постановленія резолюціи. По окончаніи совѣщанія предсѣдатель прочитываетъ рѣшеніе суда вслухъ и объясняетъ тяжущимся срокъ и порядокъ обжалованія. Резолюція суда выслушивается всѣми присутствующими стоя.

Что касается соблюдения порядка въ засѣданіяхъ волостныхъ судовъ, то необходимо, конечно, признать, что далеко не вездѣ разборъ дѣлъ ведется правильно. Нерѣдко бываетъ, что тяжущіеся перебиваются другъ друга и даже бранятся. Бываетъ и то, что свидѣтелей передъ допросомъ вовсе не удаляютъ изъ комнаты, гдѣ происходитъ засѣданіе и не допрашиваютъ ихъ порознь, а всѣхъ вмѣстѣ. Бываютъ случаи, когда тяжущіеся бранять свидѣтелей. (Вологод. у. Соколовъ). Конечно, всѣ описанныя явленія—въ большинствѣ случаевъ послѣдствіе неумѣлаго веденія дѣла и трудно учесть ихъ распространенность по имѣющимся у автора даннымъ.

Повѣрка доказательствъ производится волостнымъ судомъ нерѣдко. Мѣстный осмотръ чаще всего производится при спорахъ о землѣ, также при нарушеніи строительного устава.

При совѣщаніи судей писарь, въ большинствѣ случаевъ, играетъ немаловажную роль. Когда писаремъ состоитъ одинъ изъ судей, онъ же въ совѣщательной комнатѣ редактируетъ и пишетъ резолюцію. Когда писаремъ служитъ лицо, не принадлежащее къ составу суда, то и здѣсь нерѣдко его приглашаютъ суды въ совѣщательную комнату во время совѣщанія и совѣтуются съ нимъ, какъ по закону правильнѣе рѣшить дѣло. Бываетъ впрочемъ и такъ, что суды въ совѣщательной комнатѣ лишь уговариваются между собою о существѣ рѣшенія, а когда выходятъ объявлять, то течутъ писарю на ухо или передаютъ на клочкѣ бумаги рѣшенія, а писарь уже потомъ записываетъ его съ мотивировкой и суды подписываютъ окончательно составленное писаремъ рѣшеніе. (Вятск. губ. Котельн. у. Мышкинъ, Рязанск. губ. Скопинск. у. Чепуринъ, Саратовск. губ. Кузнецк. у. Смирновъ, Новгородск. губ. Тихвинск. у. Закатовъ).

По вопросу о способахъ обжалованія рѣшеній судовъ слѣдуетъ отмѣтить, что выдачи со стороны суда квитанціи на принятіе аппеляціонной жалобы не полагается. Это иногда ведеть къ прямымъ злоупотребленіямъ. Бываетъ, что писарь самъ пишетъ одной изъ

сторонъ жалобу (чего онъ не имѣть права дѣлать), а потомъ, принявъ ее, кладетъ подъ сукно, получивъ за это взятку отъ другой стороны. Нельзя, впрочемъ, допустить, чтобы такие случаи были часты (одинъ такой случай разсказаъ А. Баловыи, Ярославск. губ. Романоборисоглѣбскій, Любимскій и Даниловскій уѣзды).

Вотъ образчикъ разбирательства дѣла въ Троицкомъ волостномъ судѣ: обвинительницей была одна молодая дѣвушка, обвинявшая свою сосѣдку въ томъ, что та нанесла ей три удара кулакомъ въ спину. На судѣ, тоже въ качествѣ обвинителя явился отецъ обиженнной дѣвушки. Когда отецъ съ дочерью вошли въ залу, судьи сначала прочли ей ея жалобу и спросили: вѣрно или нетъ. Та отвѣчала, что это дѣйствительно ея жалоба. Здѣсь же присутствовала и обвиняемая. Предсѣдатель обращается къ дѣвушкѣ: „Ну, Авдотья Жеребцова, разсказывай, какъ дѣло было? Дѣвушка, краснѣя и путаясь, начала сбивчиво передавать ходъ дѣла, а въ концѣ концовъ совершенно сконфузилась и замолчала, такъ что судьи обратились къ отцу и дѣвушка только изрѣдка поправляла его. Въ Троицкомъ считается зазорнымъ и неприличнымъ дѣвушкѣ судиться и рѣдкая дѣвушка обращается въ судъ. Онѣ болѣею частью расправляются за свои обиды при помощи своихъ поклонниковъ-парней, которыхъ всегда довольно даже у 14—15 лѣтней дѣвченки, не говоря уже про болѣе взрослыхъ, и парень всегда стойко стоитъ за избранницу своего сердца, которая почти всегда бываетъ его любовницей. И въ данномъ случаѣ дѣло возбудила собственно не дѣвушка, а ея отецъ. Судьи это отлично знаютъ и обратились къ дѣвушкѣ, собственно говоря, лишь для формы, поэтому, когда она замолчала, они уже болѣе почти ее не тревожили и обратились къ отцу: „Ну, разсказывай ты, а то, вишь, она точно вѣшать ее собираются“. Отецъ началъ: „Да вотъ, господа судьи, я, признаться сказать, въ эвто самое время и дома то не былъ, а вотъ она говорила: сидѣла, это значитъ, дѣвка моя у избы съ подружками въ

карты играла, подбѣгаєтъ къ ней Матрешка (дочь обвиняемой) и говорить ей: Дуняшка, поверти меня, она знать маленькая, ребять то любить, они и лѣнуть къ ней“. Въ это время обвиняемая встаетъ: „не только маленькихъ и большихъ слышь, любить и тоже слышь больно лѣнуть къ ней“. Суды приказали ей замолчать, говорять, что и до тебя де очередь дойдетъ; бабенка не останавливается, „чаго молчать то, ай у меня языка нѣтъ“. Старшина пригрозилъ обвиняемой, что если она не умется, то онъ ее сейчасъ засадить на сутки подъ арестъ, а дѣло рѣшится заочно. Отецъ продолжаетъ: „Вотъ, господа суды, завсегда така, слова не дасть вымолвить. Ну, Дуняшка сначала, говорить, отогнала ее отъ себя, а Матрешка-то опять линетъ, поверти да поверти, Дуняшка, знаешь, встала, да кругомъ себя три раза и повернула, а потомъ и пустила. Пустила ее и она побѣжала, да и заплакала. Вдругъ Акулина, какъ вылетитъ, да какъ охватитъ ее по спинѣ три раза, да и приговариваетъ: вотъ тебѣ, вотъ, мой кулакъ то вѣдь тяжелый, будешь помнить. Вотъ какъ дѣло было, господа суды“. Предсѣдатель спрашивавшіе дѣвушку: такъ отецъ рассказалъ, аль пропустилъ что? Та говоритъ—такъ. Писарь записалъ показанія отца. Ну, теперь говори ты, обращаются къ обвиняемой. Обвиняемая говоритъ, что дѣло не такъ разсказали, а вотъ какъ оно происходило; „Сижу я у себя въ избѣ вдругъ слышу моя дѣвченка ореть благимъ матомъ, я хотѣла было выдти, смотрю она вѣжала въ избу, да какъ грохнется на земль, а изъ нея пѣна, пѣна, такъ и хлыщеть и хлыщеть, я это всплеснула руками, матушки мои, отцы родные, умираеть дѣвченка, да скорѣй ее водой, съ ведро эдакъ вылила на нее, очнулась немножко дѣвка моя, я спрашиваю ее, что ты? Она и слово то путемъ вымолвить не можетъ, говорить только Дуняшка, Дуняшка, а она ели вымолвить, Дуняшка взяла, говорить, меня за ноги да кругомъ себя“*. Суды многозначительно перемигнулись „за ноги? вишь ты“... (А дѣвченка то мало чѣмъ поменьше самой дѣвки).

Баба продолжаетъ: „Да, родимая, за ноги да кругомъ себя. Я, значитъ, въ сердцахъ то выбѣжала да и говорю, ахъ ты, окаянная ты этакая, што ты съ дѣвченкой то надѣлала, вѣдь ты у меня дѣвченку то уморила, она на меня, сама ты окаянная, вѣльма, колдунья, а я вотъ, провалиться мнѣ сквозь землю, этимъ дѣламъ не займалась, меня ужъ тутъ горя то взяло, я ее слегка одинъ разъ въ бокъ ширнула, плюнула да и пошла, а дѣвченка то теперь каженую ночь разъ по пяти вскакиваетъ и ореть дуромъ, я ужъ и къ дохтору съ ней ходила, да вотъ хошь спросите ее самой“. Предсѣдатель подозвалъ къ себѣ дѣвченку.—„Ну, милая, Дунька вертѣла тебя?—Вертѣла.—Зачѣмъ она тебя вертѣла?—Я ее просила.—За что же она тебя вертѣла? За ноги?—За ноги.—И долго вертѣла?—Долго.—И больно тебѣ было?—Больно.—Ну, а когда она тебѣ вертѣла, голова то у тебя гдѣ была вверху или внизу?—Вверху.—Да какъ же вверху, вѣдь ты говоришь, она тебя вертѣла за ноги?—Ну что же, а голова была вверху“. Да что вы ее сбиваете то, вступилась мать, дѣвчинка маленькая, чего съ нея взять то? Ей приказали молчать. Опять обратились къ дѣвочкѣ. „Ты, милая, говори правду, тебя видно мать научила? Вратъ грѣхъ; нутка покажи-ка, какъ она тебя вертѣла, вонь на Дуняшкѣ, Дуняшка, подъка сюды“. Дѣвушка подошла, дѣвочка смѣло подошла къ лѣвшкѣ, взяла ее за руки и перевернулась. Предсѣдатель говорить: Такъ вы и тогда вертѣлись?—Такъ. Ну вотъ, видишь, ты ее взяла за руки, значитъ и тогда она тебя вертѣла за руки, а не за ноги, какъ ты говорила. Дѣвочка молчитъ. Ну, а къ дохтору вы съ матерью ходили?—Нѣть ща идемъ только.—Зачѣмъ?—У меня горло больно.—А зачѣмъ ты тогда плакала, когда Дуняшка вертѣла тебя, вѣдь ты сама просила?—Мать руку было больно. Ну, а мать била Дуняшку?—Я не видала. Ну, ступай, да больше никогда не ври, а то Богъ накажетъ. „Да, што же, опять вступилась мать, дѣвченку какъ угодно можно бить, чаво съ нея взять

то, она, глупенькая, на свою голову несеть, ву сейка Дуняшка и вовсе было утопила ее, малость дѣвки вытащили, а то вовсе было ухлябалась.—Ну это ты послѣ когда нибудь скажешь. Велѣли позвать свидѣтелей, старуху и двухъ дѣвушекъ; свидѣтели подтвердили тоже самое, что рассказывалъ отецъ и дѣвочка. Рѣшеніе суда: „по дѣлу такому-то крестьянку Акулину Башлыкову волостной судъ за самоуправство, доказанное личнымъ сознаніемъ, и свидѣтелями, приговорилъ къ аресту на семь сутокъ“. (Пензенск. губ. Краснослободск. у., Лентовскій).

§ 11. Вліяніе постороннихъ лицъ на волостные суды.

Волостные суды, стоящіе вполнѣ независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній и на высотѣ своего призванія—весьма рѣдко встречаются на практикѣ. По имѣющимся материаламъ на такое благопріятное исключение указываютъ менѣе одной десятой части всѣхъ представленныхъ описаній.

Огромное же большинство материаловъ приводить къ выводу, что крупное вліяніе на рѣшеніе волостныхъ судовъ оказываютъ волостные старшины, а еще болѣе волостные писари. О какихъ либо другихъ вліяніяхъ, дѣйствующихъ на суды непосредственно (а не черезъ писаря или старшину), данныхъ почти не имѣется.*.) Вліяніе сельскихъ старость въ большинствѣ случаевъ совершенно незначительно и даже не заслуживаетъ вниманія.

Что касается вліянія волостного старшины на рѣшенія волостныхъ судовъ, то необходимо замѣтить, что оно далеко неповсѣмѣстно имѣть важное значеніе. Вліяніе старшины болѣе нравственнѣ.

*.) Единственный случай въ этомъ родѣ (Смол. губ. Вязем. у. Титовъ). «Въ данной мѣстности есть помѣщикъ Шиловъ. Онь страшный сугубая, пересудился со всѣми крестьянами. Уже два раза горѣло его имѣніе. Крестьяне по злобѣ поджигали его. Гдѣ наимъ, говорить крестьяне, судиться съ нимъ, онъ приходитъ въ волостное правление прямѣ на судъ и прямо въ канцелярии садится рядомъ съ писаремъ и судьями, а ты стояши на порогѣ, да и то съ оглядкой. Тутъ, братъ, судиться плохо».

наго характера: въ формѣ совѣта, даннаго судьямъ передъ разборомъ дѣла, или просьбы за того или другого тягущагося. Есть волости, гдѣ допускается прямо вмѣшательство старшины въ судо-говореніе (Смоленск. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ). Можно наоборотъ, указать случаи, гдѣ вмѣшательство старшины въ производствѣ дѣль въ волостномъ судѣ безусловно не допускается. (Напр. Калужск. у. Лебедевъ).

Совершенно исключительное значеніе имѣеть вліяніе волостного писаря (или писаря волостного суда, когда дѣлоизвѣстство суда возложено на особое лицо) на рѣшенія волостныхъ судовъ. Судя по громадному большинству имѣющихся материаловъ, вліяніе писарей огромно и является настоящей язвой нашихъ волостныхъ судовъ. Да, оно и понятно. Волостные суды въ большинствѣ малограмотные, а законовъ совершенно не знаютъ, Волостной же писарь грамотенъ и знаетъ законъ, во всякомъ случаѣ, много лучше судей. Вслѣдствіе этого нигдѣ секретарь такъ не господствуетъ надъ присутствиемъ, какъ здѣсь. Добросовѣтностью же писаря не отличаются, и потому посредствомъ подкупа писаря, тяжущіяся иногда достигаютъ весьма многого. Сравнивая вліяніе старшины и вліяніе писаря, можно сказать, что если первое косвенно, то второе непосредственно въ самомъ прямомъ смыслѣ слова. У писаря вся письменная сторона судебнаго дѣла въ рукахъ: онъ пишетъ протоколъ, онъ же и мотивы рѣшенія, а суды, менѣе его грамотные, не въ состояніи его пропроконтролировать. Вслѣдствіе этого ему легко употреблять пріемы, посредствомъ которыхъ дѣло должно рѣшиться не по справедливости, а по желанію писаря. Пріемы эти сказываются въ слѣдующемъ:

Одинъ изъ самыхъ главныхъ видовъ злоупотребленій заключается въ умышленно-невѣрномъ изложеніи протокола судебнаго засѣданія. Писарь нерѣдко пишетъ завѣдомо не то, что говорилось и проходило въ засѣданіи. Если потомъ свидѣтелю прочитывается

его показаніе, то писарь читаетъ скороговоркой, такъ что безграмотный свидѣтель не въ состояніи за нимъ услѣдить и злоупотребленіе его проходить незамѣченнымъ.

„Я совсѣмъ не того, не такъ показывалъ, да и свидѣтель тоже показывалъ иначе, говорить судящійся писарю. Мало-ль, что вы писать будете, отвѣчаетъ писарь, всего не запишешь, потому болтовня одно. Одначе тутъ совсѣмъ по другому.—Что надо, то и писано, а не доволенъ рѣшеніемъ, жалуйся.—Жалоба, жалобой, а все же путать не законъ.—Что, что? Кричитъ писарь, много ты смыслишь... видно въ кутузку захотѣлъ?—Мужикъ молчитъ, хотя дѣйствительно правъ, такъ какъ писарь по просьбѣ другой стороны совершенно исказилъ показанія первой стороны и сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы дѣло не было выиграно и во второй инстанціи, куда въ большинствѣ случаевъ не являются къ разбору дѣла и гдѣ судьямъ приходится довольствоваться главнымъ образомъ кошіями рѣшеній волостного суда“ (Смол. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ).

Искаженіе протокола засѣданія есть, конечно, злоупотребленіе болѣе важное, чѣмъ безсмысленная мотивировка рѣшенія, ибо съ неправильно составленнымъ протоколомъ вынуждена считаться и вторая инстанція. Иногда такоеискаженіе протокола дѣлается даже съ тою цѣлью, чтобы дать сторонѣ, недовольной рѣшеніемъ суда, возможность добиться отмѣны его уѣзднымъ съѣздомъ.

Съ тою же цѣлью создать поводъ для отмѣны рѣшенія волостного суда, состоявшагося вопреки желанію писаря, послѣдній пишетъ рѣшеніе съ умышленно неправильной мотивировкой.

Другой видъ злоупотребленій писаря—неосновательные отказы въ приемѣ просьбъ и жалобъ за неподсудность волостному суду. Немаловажное значеніе имѣютъ и произвольныя, совершенно невѣрныя ссылки на обычное право. „Ссылки, дѣлаемыя въ приговорахъ на обычаи, составляются одну фантазію волостного писаря, особенно когда писарь происходитъ изъ городскихъ обывателей, или изъ ду-

ховнаго званія“. (Кромск. у. Козловъ). Затѣмъ еще крупный видъ злоупотребленій—крайнее неравенство въ назначеніи наказаній за совершенно одинаковые проступки. „Драки между пьяными мужиками похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды; благодаря вліянію писаря, судь приговаривасть за нихъ къ различнымъ наказаніямъ: одного къ розгамъ, другого къ аресту, третьяго къ штрафу и при томъ въ разной мѣрѣ отъ 10—20 ударовъ, отъ одного до пятнадцати дней и отъ 50 к. до 10 р. Относительно дракъ, есть такія постановленія: какъ зачинщика драки наказать розгами, или арестовать; такъ какъ драка была обоюдная, дѣло прекратить, а то обоихъ подравшихся за нарушеніе общественной тишины и спокойствія наказать розгами. Ясно, что при постановкѣ такихъ противорѣчивыхъ приговоровъ суды смотрѣли на обвиняемыхъ глазами писаря и руководились его симпатіями и антипатіями къ нимъ. Есть такія постановленія суда, гдѣ писарь попираеть и законъ и здравый смыслъ: въ книгѣ рѣшений волостного суда 13 января 1890 года, № 8, записано: Три крестьянскія дѣвушки села Никольского просять присудить принадлежащую имъ часть недвижимаго имущества, оставшагося послѣ смерти отца ихъ и захваченнаго самовольно ма- чихою. Послѣдняя на судѣ объяснила, что ничего падчерицамъ дать не желаетъ. Судъ постановилъ въ просьбѣ дѣвицамъ Никитинымъ отказать по преждевременности (вдова была любовницей писаря). Несмотря на то, что отвѣтчики на судѣ признали себя должниками, 11 марта 1890 года за № 18 состоялось постановленіе: а такъ какъ дѣло было у нихъ четыре года тому назадъ, а потому постановили: въ просьбѣ Ефима Егорова за давностью лѣть отказать. Наконецъ въ той же книгѣ 1890 г. № 24 написано постановленіе: Артемьеву наказать розгами десятью ударами розогъ. А между текстомъ постановленія и подписью судей очень мелко и совсѣмъ другими чернилами написано „за примиреніемъ сторонъ дѣло прекратить“ (Новгород. губ. Череп. у. Власовъ).

Привожу другой характерный рассказъ о томъ, какое иногда огромное вліяніе оказываетъ подкупъ писаря на рѣшеніе дѣла, (Смоленск. губ. Краснинск. у. діаконъ Смирягинъ 1897. п. 49).

Въ волостномъ судѣ воротилою всѣхъ дѣлъ является волостной писарь, который принимаетъ отъ разныхъ просителей просьбы и записывается ихъ въ установленную книгу жалобъ. Повѣстки разсылаетъ писарь заблаговременно, такъ недѣли за 2—3 до суда, а иногда и наканунѣ разбора дѣла, конечно за подписомъ прелестателя, сдѣлавшаго подпись свою на повѣсткахъ почти за 3 мѣсяца впередъ. Противная сторона, получивъ повѣстку, думаетъ, что дѣлать: отдавать долгъ не чѣмъ, дай схожу къ волостному писарю, тотъ все умнѣе растолкуется, онъ человѣкъ хороший, говорить крестьянинъ женѣ, и оба порѣшили идти въ волостное правленіе. Приходить въ волость, писарь сидитъ за столомъ съ перомъ въ рукѣ, ласково привѣтствуетъ пришедшаго и руку ему подастъ, окинувъ его глазами съ ногъ до головы и говорить ему,—на тебя жалоба подана.—Да я обѣ этомъ, г. писарь, и пришелъ къ вашей милости. Ну теперь не время и не мѣсто съ тобой толковать—знаешь...—Знаю, отвѣчать нуждающійся въ немъ и выходить вонъ изъ правленія. Ставъ на крыльцѣ зданія, думаетъ, что дѣлать: домой ли идти или еще куда? Почесавъ въ затылкѣ, наумалъ: нужно идти въ кабакъ и взять для писаря горькухи, она ему очень полезительна. Приходить въ кабакъ и по совету сидѣльца береть на 45 коп. горькухи и отправляется въ жилое уже помѣщеніе писаря, ставить бутылку на столъ и сидѣть тамъ до прибытія писаря. Писарь, кончивъ дѣло, идетъ домой, гдѣ встрѣчается на столѣ полштофъ съ виномъ и съ восторгомъ говорить посѣтителю,—вотъ самая порція передъ обѣдомъ, и бросаетъ взглядъ подъ кровать, гдѣ всегда помѣщаются бутылки съ пивомъ, приносимыя посѣтителями, но не найдя ни одной бутылки, говоритъ посѣтителю; когда дѣло дѣлать,—такъ дѣлать. Крестьянинъ догадывается въ чёмъ

дѣло и спрашиваетъ чего не достаетъ? — Да какъ же, сейчасъ ко мнѣ придется предсѣдатель суда и ему надо горло заткнуть, чтобы онъ за тебя въ судѣ словечко промолвилъ. Значить надо сходить за пивомъ, а его въ кабакѣ нѣть, что же купить для него? — Наливки, коли пива нѣть, жреть, отвѣчаетъ писарь, — ладно, говорить крестьянинъ и отправляется въ кабакъ, откуда приносить наливку. Въ это время является предсѣдатель суда. Садится обѣдать, писарь съ семействомъ и предсѣдатель. Писарь за два пріема осушилъ свою бутылку, а предсѣдатель долго чванился. Нужно, говорить послѣдній, Ивана на судѣ защитить, онъ еще поднесетъ, а у истца и безъ его долга денегъ много. Ну, будь поконенъ, все будетъ по нашему. А писарь говорить Ивану, когда предсѣдатель уѣхалъ: я даромъ хлопотать не буду, если хочешь дѣло выиграть, давай 3 рубля, а если суды будутъ не на твоей сторонѣ, то я все сдѣлаю такъ, что постановленіе ихъ на съездѣ отмѣнить, это въ моихъ рукахъ. Подошли и др. просители, къ которымъ обратился такъ: ты Дарья, представь мнѣ пять рублей и мы прикажемъ сельскому сходу составить приговоръ, чтобы отъ Прокопа Григорьевы отнять надѣль земли и представить твоей двухлѣтней дочери, которая хотя по праву и не можетъ пользоваться землею, но это дѣлаемъ только для тебя, а г. земскій начальникъ два раза отказывалъ сходу въ таковомъ приговорѣ. А ты, Степанъ, давай 10 р., мы составимъ духовное завѣщаніе зятю твоему, онъ все подпишетъ дочери твоей и хотя онъ умретъ, она всѣмъ имуществомъ и землею будетъ пользоваться, нужно утвердить завѣщаніе, а для этого нужны доныги. Писарь со старшиной отправились къ больному его зятю и застали его едва дышащимъ, а духовное завѣщаніе оставалось только подписать завѣщателю, который былъ уже безъ чувствъ. Писарь веяль руку больного, обмокнулъ въ чернило и началъ водить своею рукою руку больного подъ завѣщаніемъ. Здесь было многососѣдей, но многихъ писарь выпроводилъ изъ избы. Объ этомъ донесли земско-

му начальнику, который по добротѣ своей не предалъ писаря суду. Настало время судебнаго засѣданія. Вызываются стороны. Писарь, уже закупленный, пишетъ въ протоколѣ показаніе по своему, а не какъ свидѣтель показываетъ. Свидѣтель выясняетъ дѣло своимъ знаніемъ. Писарь пишетъ, что онъ ничего по дѣлу не знаетъ и такимъ путемъ виновный оправдывается. Такимъ образомъ всегда кончаются волостные суды и суды не обращаютъ вниманія на свидѣтельскія показанія, а какъ писарь записалъ. Кто заплатить писарю—тотъ и правъ.

§ 12. Отводы судей въ волостныхъ судахъ.

Законъ (ст. 119 Общ. Пол. о кр. изд. 1902 г.) говоритъ: „въ рѣшеніи каждого дѣла, рассматриваемаго волостнымъ судомъ, должны участвовать не менѣе трехъ судей, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя. Волостной судья не въ правѣ принимать участія въ разрѣшеніи дѣла, касающагося его самого или неотдѣленныхъ членовъ его семейства“.

Какъ видно, рамки, указанныя закономъ для права сторонъ въ дѣлѣ отводить судей и для обязанности самихъ судей устраниТЬ себя отъ разбора дѣль—весьма узки. На практикѣ однако какъ отводъ волостного судьи, такъ и устраненіе имъ себя происходить въ гораздо болѣе обширномъ кругу случаевъ. Привожу каждый изъ этихъ случаевъ. Именно, на практикѣ допускается отводъ судьи или самъ судья устраиваетъ себя:

2) когда онъ состоить вообще въ близкомъ родствѣ, либо свойствѣ, а иногда и кумовствѣ или сватовствѣ съ одной изъ сторонъ, участвующихъ въ дѣлѣ.

- 2) когда судья материально заинтересованъ въ исходѣ дѣла;
- 3) когда судья состоить въ тяжбѣ съ одной изъ сторонъ;
- 4) когда одною изъ сторонъ въ дѣлѣ является то сельское

-общество, къ которому принадлежить судья и отъ которого онъ выбранъ кандидатомъ судьи;

5) когда судья подлежитъ допросу въ качествѣ свидѣтеля по тому же дѣлу.

Кромѣ того по практикѣ автора настоящаго труда необходимо указать на то, что уѣздные съѣзды признаютъ обязательнымъ устраненіе не только судей отъ извѣстныхъ дѣлъ, но цѣлыхъ волостныхъ судовъ. Такъ кассируются и передаются другому волостному суду дѣла въ коихъ стороны является волостной старшина той же волости, либо предсѣдатель суда или неотдѣленный членъ семьи предсѣдателя суда, разобравшаго дѣла, хотя бы въ послѣднемъ случаѣ предсѣдатель суда и устранилъ себя отъ разбора дѣла.

ГЛАВА IV.

Участвующія въ процессѣ лица.**§ 13. Порядокъ вызова въ судъ тяжущихся. Послѣдствія неявки въ судъ.**

Законъ (ст. 118 Общ. Пол. о кр. изл. 1902 года) требуетъ, чтобы волостной судъ собирался не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, преимущественно по воскреснымъ и другимъ праздничнымъ днямъ. Въ случаѣ надобности, волостной старшина вправѣ созывать его и чаще, въ другіе дни. Изъ этого требованія закона слѣдуетъ периодичность засѣданій волостного суда. Бываетъ и такъ, что расписанія этихъ засѣданій составляются на цѣлый годъ впередъ и утверждаются земскимъ начальникомъ (Псковск. губ. Порховск. у. Куницынъ), но этого законъ не требуетъ. Во всякомъ случаѣ время судебныхъ засѣданій заранѣе извѣстно судьямъ и въ большинствѣ случаевъ суды являются безъ специальнаго вызова. Бываетъ и такъ, что предсѣдатель суда сообщаетъ членамъ онаго о днѣ засѣданій на словахъ. Что касается вызова сторонъ и свидѣтелей, то они приглашаются самими судомъ повѣстками. Повѣстки эти посылаются властью предсѣдателя суда и за его подписью. Передаются они волостному старшинѣ, послѣдній же направляетъ ихъ сельскимъ старостамъ для врученія тѣмъ, кому онѣ адресованы. Второй экземпляръ повѣстки возвращается суду по врученіи первого экземпляра адресату.

Когда волостной судъ созванъ специально старшиной, согласно праву, предоставленному ему по закону, онъ же приглашаетъ какъ судей, такъ и сторонъ и свидѣтелей.

Законъ (ст. 133 Общ. Пол.) говорить, что въ назначенный для разбирательства день, стороны, если онъ принадлежать къ числу лицъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, обязаны явиться въ судъ лично. То же говоритъ ст. 134 относительно свидѣтелей, если они также принадлежать къ числу лицъ, подвѣдомственныхъ волостному суду. Въ виду такого указанія закона съ одной стороны, и не указанія на право суда подвергать специальному штрафу за неявку въ судъ—съ другой, юридически возможно и на практикѣ нерѣдко бываетъ сообщеніе судомъ о неявкѣ сторонъ или свидѣтелей волостному старшинѣ для наложенія для нихъ административного взысканія. Согласно ст. 79 Общ. Пол., такоо взысканіе можетъ состоять въ назначеніи на общественные работы до двухъ дней, штрафа до одного рубля и ареста до двухъ дней. Въ материалахъ есть указаніе на штрафы до пяти рублей и даже наказаніе розгами до 15 ударовъ за неявку свидѣтеля—(Псковск. губ. Пороховск. у. Куницинъ), но такие случаи надо признать явно незаконными.

Оштрафование волостнымъ судомъ сторонъ за неявку имѣть мѣсто рѣдко. Весьма употребительно однако прекращеніе даже гражданского дѣла въ случаѣ неявки истца въ судъ (что незаконно). Прекращеніе же частно-уголовнаго дѣла въ случаѣ неявки обвинителя обязательно по закону. Неявка обвиняемаго или отвѣтчика, въ большинствѣ случаевъ, не останавливаетъ производства дѣла, а влечетъ за собою заочное рѣшеніе дѣла.

§ 14. Право тяжущихся замѣнять себя на судѣ ближайшими родственниками.

Законъ (ст. 133 Общ. Пол.) говорить, что лица, проживающія внѣ предѣловъ волости и далѣе 15 верстъ отъ мѣста нахож-

денія суда, имѣютъ право замѣнить себя представителемъ изъ числа своихъ родныхъ, домашнихъ или односельцевъ, если только эти послѣдніе не занимаются ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ за вознагражденіе. Такая замѣна можетъ быть разрѣшаема судомъ также и другимъ лицамъ, при существованіи уважительныхъ причинъ, препятствующихъ личной ихъ явкѣ къ разбирательству.

Переходя къ разсмотрѣнію имѣющихся данныхъ о практическомъ примѣненіи только что указанного закона, нужно указать, что вообще онъ толкуется ограничительно.

Такъ, напримѣръ, есть суды, гдѣ замѣна тяжущагося родственникомъ допускается только подъ условіемъ письменной довѣренности. Есть, наоборотъ, случаи, гдѣ признается достаточнымъ словесное заявленіе одного только довѣренного. Наиболѣе утвердившимся представляется однако обычай, по которому допускаются лишь родители за дѣтей и наоборотъ, одинъ супругъ за другого и младший членъ семьи за старшаго и наоборотъ, но при условіи, что замѣняющій живеть въ одной общей семье съ замѣняемымъ. Иногда тотъ же признакъ употребляется для допущенія замѣны безъ письменной довѣренности. Когда же замѣняющій и замѣняемый живуть не въ одной семье, требуется письменное удостовѣреніе о порученіи явиться въ судъ. Таковы существующіе на практикѣ варіанты въ примѣненіи вышеописанного закона. Замѣна свидѣтелей не допускается, но возможенъ, согласно ст. 134 Общ. Пол. въ иѣкоторыхъ случаяхъ допросъ ихъ по мѣсту ихъ жительства черезъ полицію или волостного старшину.

§ 15. Адвокаты по крестьянскимъ дѣламъ.

Для точнаго выясненія объема дѣятельности крестьянской адвокатуры необходимо, прежде всего, указать на законодательныя постановленія, непосредственно ее затрагивающія.

Въ волостныхъ судахъ по правиламъ 1889 года замѣна стороны повѣреннымъ, занимающимся ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ въ видѣ промысла, не допускается (Общ. Пол. о крестьян. изд. 1902 года, ст. 133) замѣна стороны кѣмъ либо изъ ея родственниковъ и даже односельчанъ допустима въ уважительныхъ случаяхъ, также указаннымъ закономъ или принятыхъ судомъ. Въ томъ же случаѣ, когда участвующимъ въ дѣлѣ лицомъ является цѣлое общество, оно обязано представить въ судъ уполномоченныхъ. Эти уполномоченные выбираются большою частью изъ числа крестьянъ, наиболѣе опытныхъ въ судебныхъ дѣлахъ, хорошихъ говорильщиковъ, людей толковыхъ и дѣловитыхъ.

По общественнымъ дѣламъ на судъ крестьяно выбираютъ изъ своей среды говорильщиковъ, тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и выборныхъ на разныя общественные должности, при чёмъ отдаютъ предпочтеніе тѣмъ, которые болѣе смѣлы, упрямы, а не тѣмъ, которые умнѣе и потому могли бы быть дѣльнѣе. Выборнымъ говорильщикамъ по общественному дѣлу полагается отъ мѣра содержаніе за всѣ дни, которые они проведутъ въ дорогѣ по дѣламъ общества, а также и дорога на счетъ общества. Если по желѣзной дорогѣ и подвода, если лошадьми. Говорильщики весьма бываютъ довольны своимъ положеніемъ и можно сказать гордятся передъ своими сельчанами. На судѣ противъ другихъ крестьянъ, пришедшихъ на судѣ держать себя болѣе важно, какъ бы говоря: обънась плохо не думай—мы-де повѣренные цѣлаго общества. Да и при отвѣтахъ судьямъ держать себя какъ то свободнѣе, сравнительно съ пришедшими по своему дѣлу. Таковые говорильщики и выпиваются за общественный счетъ. Приля домой, одинъ передъ другимъ начинаютъ выставлять свои заслуги передъ обществомъ на судѣ. Быль случай выбора говорильщика и вообще ходока на судѣ отъ лица нѣсколькихъ крестьянъ, обвиняемыхъ однимъ владѣльцемъ въ томъ, что они среди лѣта, несмотря на условія ушли съ работѣ. Искъ

быть предъявленъ въ рублей 400 и вотъ обвиняемые изъ своей среды выбрали говорильщика, дали ему довѣренность и конечно, заплатили за это и напоили винцомъ. (Орловск. губ. Каравеевск. у. Морозовъ).

По дѣламъ, производящимся у земскихъ начальниковъ, городскихъ судей и въ уѣздныхъ съѣздахъ, законъ въ принципѣ допускаетъ замѣну сторонъ повѣренными. Для права быть повѣренными постановленія закона различны относительно дѣлъ уголовныхъ съ одной стороны и гражданскихъ съ другой (прил. къ п. 4 ст. 5 и ст. 8 прав. произв. суд. 29 декабря 1889 года) обобщая это различіе, надо сказать, что по уголовнымъ дѣламъ повѣреннымъ можетъ быть всякий, кромѣ тѣхъ, кому это специальнѣ запрещено—напримѣръ лицъ несовершеннолѣтнихъ, учащихся, имѣющихъ духовное званіе, опороченныхъ по суду, исключенныхъ изъ обществъ, сословій и изъ духовнаго званія). По гражданскимъ дѣламъ повѣреннымъ можетъ быть не всякий, а лишь тотъ, кто получилъ на сіе специальное разрешеніе отъ уѣзднаго съѣзда, при чемъ съѣздъ можетъ отказать въ правѣ ходатайства по чужимъ дѣламъ не по однімъ только формальнымъ основаніямъ, но и дискреціонною властью.

Таковы постановленія закона. Зная ихъ, мы уже безъ труда можемъ намѣтить характерные типы деревенскихъ адвокатовъ. Первый изъ нихъ—лица, вовсе не имѣющія права практики и занимающіеся лишь составленіемъ прошеній. Такъ какъ послѣднія подписываются не адвокатами, а самими заинтересованными лицами, то совершенно понятно, что дѣятельность такихъ адвокатовъ не можетъ подлежать никакому контролю и, не нуждаясь въ дозвolenіи, тѣмъ самымъ не требуетъ никакого ценза—ни учаственного, ни, тѣмъ болѣе, нравственного. Несколько выше, въ смыслѣ нравственного ценза, стоять лица, имѣющія права практики по дѣламъ уголовнымъ, и значительно выше, какъ въ умственномъ отношеніи, такъ и нравственномъ, стоять тѣ, кто имѣеть специальнѣе разрешеніе на веденіе гражданскихъ дѣлъ.

Этимъ намѣчеными мною типамъ ходатаевъ по чужимъ дѣламъ почти соответствуютъ два главныхъ типа адвокатовъ, существующихъ въ дѣйствительности: типъ мелкаго деревенскаго ходатая съ одной стороны, все равно будь то горожанинъ или крестьянинъ, и типъ болѣе крупнаго городскаго повѣреннаго — съ другой. Послѣдній живетъ въ уѣздномъ городѣ и къ нему стекаются жители уѣзда по дѣламъ представляющимъ болѣе крупный интересъ.

Наиболѣе распространенный типъ деревенскаго „аблаката“ — типъ недоучки, или вѣрѣне неудачника, оказавшагося неспособнымъ ко всякому другому болѣе производительному занятію и составляющаго всевозможныя прошенія за плату. Такой „адвокатъ“, ничему не научившійся и ничего не знающій, единственный интересъ котораго заключается въ мелкомъ заработкѣ на хлѣбѣ или чашѣ, на водку, разумѣется, приносить крестьянскому населенію олинъ только вредъ, побуждая къ предъявленію множества неосновательныхъ исковъ, жалобъ и домогательствъ. „Происходятъ эти люди большою частью изъ недоучившихся сыновей лицъ духовнаго званія, изъ выгнанныхъ со службы волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ, изъ бывшихъ письмоводителей земскихъ начальниковъ и становыхъ, словомъ изъ разныхъ неудачниковъ, не могущихъ прискать себѣ постоянныхъ занятій, сомнительной нравственности и почти всегда пьяныхъ. Берется обыкновенно такой аблакатъ за всякое дѣло — правое и неправое, и, благодаря обилію дѣлъ онъ бываетъ всегда, по народному выраженію, сыть, пьянъ и нось въ табакѣ“. (Тихвинск. у. Закатовъ). „Деревенскими адвокатами бывають обыкновенно недоучки, поповичи, прогнанные со службы писаря и изъ своихъ крестьянъ, насобачившіе съ отточенными языками, которые не брезгаютъ и маленькими подачками вродѣ полбутилки водки, они въ достаточномъ количествѣ имѣются при каждой волости“. (Вяземск. у. Гриневъ). „Лебедевъ явился въ наше село въ качествѣ цирульника, но такъ какъ это ремесло не можетъ служить достаточнымъ средствомъ къ жизни, то

онъ занялся адвокатурой. Другой адвокатъ Новенскій, тоже изъ Ветлуги, не имѣть ни знаній, ни опыта Лебедева, но едва ли не превосходитъ его своею безсовѣтностью. Переплетчикъ по профессіи, онъ за прошенія бралъ почти исключительно бутылками вина. Одна дѣвка изъ богатаго дома вступила въ связь съ сосѣдомъ — парнемъ и забеременѣла. Тогда родители, въ видѣ огражденія: чести своей дочери, обратились къ Невенскому, который и составилъ отъ имени парня расписку съ обѣщаніемъ жениться на ней. Дѣло пошло по суду и подлогъ открыли, Невенского сослали въ Сибирь на поселеніе“. (Вологодск. губ. Никольск. у. Иваненскій). „Говорильщиками бывають или крестьяне, или бывшіе писаря, пропойцы, или же отставные и прогнанные со службы чиновники“. (Рязанск. губ. Скопинск. у. Чепуринъ).

Другой, менѣе вредный для населенія типъ деревенскаго адвоката — ходатай изъ мѣстныхъ же крестьянъ. Таковы, напримѣръ, бывшіе волостные старшины и суды или лица, занимавшіе вообще какую либо общественную должность. Крестьяне этого типа — въ большинствѣ случаевъ люди зажиточные и имѣющія нѣкоторыя практическія свѣдѣнія по судебнѣмъ дѣламъ.

Привожу рядъ характерныхъ описаній типовъ деревенскихъ ходатаемъ.

Уваженіе народа вообще къ знанію судебной практики заставляетъ народъ уважать не только настоящихъ адвокатовъ, но и разныхъ эксплоататоровъ, выдающихъ себя за знатаковъ закона. Вследствіе этого какой нибудь отставной волостной писарь, выгнанный со службы за взятки и пьянство, нерѣдко пользуется въ народѣ уваженіемъ и даже почтотомъ, какъ „лихой дока“ по судебнѣй части. Такимъ докомъ въ Сосницкой волости и за ея предѣлами считается безземельный крестьянинъ д. Фателькова Орловъ. Онъ сынъ діакона, выгнанный за лѣнность и дурное поведеніе изъ духовнаго училища и лишенный затѣмъ, за кражу, духовнаго званія. Въ нѣкоторое время

онъ служилъ въ канцеляріи полицейскаго управлениі, а потомъ во многихъ волостяхъ своего и сосѣднихъ уѣздовъ и благодаря взяточничеству и вообще проступкамъ по службѣ, получилъ такую известность, что его рѣшительно нигдѣ не стали принимать на должностія. Тогда Орловъ началъ заниматься народной адвокатурой. Онъ берется за какое угодно дѣло и нерѣдко запутываетъ своего клиента умышленно, чтобы болѣе отъ него попользоваться. За написаніе прошенія онъ береть отъ одного до 5 рублей, смотря по состоянію клиента, а также и по его дѣлу. За руководство дѣломъ, которое должно рѣшаться въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, береть отъ 20 и до 50 руб. и болѣе, и находятся такие простаки, которые выплачиваютъ означенную сумму, несмотря на то, что „дока аблакатъ“ во многихъ случаяхъ обманываетъ своихъ просителей самыи очевидныи образомъ. (Смоленск. г. Юхновск. у. Кушнеревъ).

Говорильщикъ или адвокатъ по крестьянскимъ дѣламъ, большою частью бывають изъ тѣхъ крестьянъ, которые въ обществѣ избираются судьями и вообще занимаются по судебнай части. Въ Мѣшковой находятся въ настоящее время только „три“ знаменитыхъ говорильщика. Изъ нихъ Лукьянъ Передѣльский считается даже среди судей своей волости за самаго популярнаго. Про Лукьяна знаютъ не только въ своей волости, но и въ другихъ волостяхъ. Началь онъ свою дѣятельность недавно, лѣтъ пять тому назадъ. Лукьянъ сначала жилъ вмѣстѣ съ братьями и, такъ какъ въ семействѣ управлялись и безъ него, то онъ большею частью находился на чужой сторонѣ. Лѣтъ шесть тому назадъ онъ отдѣлился отъ своихъ братьевъ, тѣ почему то не выдали ему полной части изъ имущества и онъ началъ съ ними судиться. Судъ присудилъ въ его пользу. Лукьянъ еще нѣсколько разъ судился съ братьями, а потомъ и съ посторонними и постоянно одерживалъ верхъ. Но самую славу онъ получилъ года два тому назадъ, когда былъ на судѣ по довѣренаго у земскаго начальника за драку, такъ что крестьяне думали,

что дравшагося обязательно посадять въ острогъ. А между тѣмъ земскій начальникъ разсудилъ дѣло безъ послѣдствій, потому что была обоюдная драка. Крестьяне это приписали искусству Лукьяна. Крестьяне не любятъ его, но уважаютъ и бояться. За глаза называютъ его сутягой, плутомъ, а при встрѣчѣ низко ему кланяются и называютъ Лукьянъ Петровичъ. Остальные говорильщики такие же, какъ и Лукьянъ, хотя и не такъ плутутъ, какъ онъ. Вознагражденіе говорильщикъ береть не равное глядя по дѣлу: если дѣло не особенно большое, то беруть по 75 коп. за день и подвода хозяина, за кого онъ бываетъ на судѣ; если же дѣло предстоитъ серьезное, большое, то говорильщикъ менѣе рубля за день не береть. Угощенис, конечно, бываетъ на счетъ нанимающаго. Говорильщика скорѣе выберутъ въ волостные судьи, старшины въ старости. (Болховск. у. Костинъ).

Въ нашей волости остался одинъ доморощеный адвокатъ, крестьянинъ Иванъ Бѣляевъ. Бѣляевъ слишкомъ 35 лѣтняя пьявка крестьянинъ Шухтовской волости. До освобожденія онъ былъ казачкомъ въ домѣ своего помѣщика, гдѣ какъ то ухитрился читать и писать, а послѣ 19 февраля возвращенъ въ деревню къ отцу. Барский слуга не привыкъ къ тяжелому и грязному труду землемѣльца, нашелъ себѣ занятіе полегче, въ должности помощника волостного писаря въ Шухтовскомъ правленіи; затѣмъ вскорѣ сдѣлался писаремъ, а черезъ три года волостнымъ старшиной и почти безсмѣнино состоялъ въ этой должности до 1887 года. Много рассказовъ ходить между здѣшними жителями про то, какъ Бѣляевъ, состоя старшиной, „пилъ кровь крестьянскую“ („много онъ выпилъ кровушки изъ нась“, жаловался мнѣ одинъ старикъ), но мошенничества Бѣляева описывать не буду, скажу лишь, что унаследовавъ отъ отца полуразвалившуюся хату и одну коровенку, въ 1887 году вышелъ изъ старшинъ очень состоятельнымъ человѣкомъ, хотя жалованія получалъ только сто рублей въ годъ: къ этому времени у

него выстроенъ просторный домъ въ нѣсколько комнатъ, полный какъ чаша добра всякаго, и торговля краснымъ товаромъ. За время долголѣтней службы старшиной, Бѣляевъ, по выражению крестьянъ „наблашился“ въ дѣлахъ т. е. постигъ суть крючкотворства и какъ ловкий и смѣливый человѣкъ обратилъ его въ ремесло,—сдѣлался адвокатомъ и пишетъ крестьянамъ всевозможныя прошенія для подачи во всевозможные суды, пишетъ условія, довѣренности, духовныя завѣщанія, векселя, расписки и даже простыя письма. За работу береть все, что кто можетъ только дать, деньгами, работой всякой, яйцами, масломъ, овчинами, мясомъ, хлѣбомъ и др. всякими продуктами крестьянскаго хозяйства. Цѣна назначается смотря по важности дѣла; напишетъ прошеніе за 20—30 копѣекъ, возьметъ за прошеніе и пять рублей. Мужики часто обращаются къ Бѣляеву и хвалять его „писанье“, „нанишеть“, да какъ почнетъ вычитывать—ажно иное слеза прошибеть“. Вотъ маленькая выписка изъ написанного Бѣляевымъ прошенія съ сохраненіемъ орфографическихъ ошибокъ:“

„По сему настоящему дѣлу волост. судъ 19 апрѣля 1898 года разбиралъ жалобу просителя, которую нашолъ что свидѣтельскими показаніемъ въ пользу подтверждена въ слѣдствіе чего на основаніи 17—25 и 33 вр. пр. о вол. суд. и 38 ст. уст. о нак. нал. миро.: суд. приговорилъ меня заочно на 10 дней“. (Изъ апелляціон. прошенія).

Хоть и говорять, что Бѣляевъ пишетъ жалобно, но добраго слова о немъ никто не скажеть. „Дерѣть подлецъ съ живого и съ мертваго, съ праваго и виноватаго, а выйдетъ ли еще что“. Хорошо иллюстрируется отношеніе народа къ адвокатамъ, да пожалуй и взглянуть народный на нихъ, слушай, бывшій въ сосѣднемъ Шухтовскомъ волостномъ правленіи: въ 1869 году волостной судъ приказалъ выпороть адвоката—крестьянина, явившагося въ судъ для защиты дѣла, чтобы не мутить народъ. (Черепов. у. Власовъ).

Въ прежнее время тяжущіеся нерѣдко избирали на судъ за себя адвокатовъ, въ особенности въ мировыхъ судахъ, но съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ, роль деревенскихъ адвокатовъ, какъ говорильщиковъ на крестьянскихъ судахъ, сошла со сцены; но нельзя сказать, чтобы адвокатъ не имѣлъ значенія въ деревнѣ и въ настоящую пору. Безъ адвоката, глядишь, и не пошелъ бы иной разъ крестьянинъ въ судъ потому, что не знаетъ какъ и дѣло начать, другой и пойдетъ самъ, да бросить въ первой инстанціи, когда узнаетъ, что его соперникъ, съ адвокатомъ совѣтовался, надо и себѣ найти. Типъ деревенского адвоката—особенный крайне не желательный въ деревнѣ, но крестьянинъ его любить, не смотря на то, что сознаетъ, что не будь его — онъ рѣже бы ходилъ на судъ. Деревенскихъ адвокатовъ можно разбить на два разряда. Первый горожанинъ. Какой либо отставной писарь мирового суды или пропившійся чиновникъ, живущій чуть не постоянно въ кабакѣ и подыскивающій тамъ себѣ клиентовъ—самый опасный типъ въ томъ смыслѣ, что не къ нему идетъ тяжущійся, а онъ его завлекаетъ и находитъ и наталкиваетъ на судъ. Обыкновенно въ базарный день онъ ютится въ какомъ либо базарномъ трактирѣ или кабачкѣ. Если и на домъ къ нему клиентъ зайдетъ, то бутылка на первомъ ходу.

Подобные имъ встрѣчаются въ деревнѣ—адвокаты, самоучки, конечно, тѣ и другіе безъ правъ. Живя въ деревнѣ, они занимаются торговлей мелкой или землемѣлемъ и какъ подспорьемъ къ своему хозяйству—адвокатурой. Пишутъ прошенія въ разные инстанціи судовъ и кромѣ этого даютъ разные совѣты крестьянамъ, которые иной разъ дорого обходятся таковымъ. Бѣда той деревнѣ и тому району, въ которомъ поселился этотъ типъ деревенского адвоката. Былъ такой въ сосѣдней съ описываемой мѣстностью случай и крестьяне не знали какъ избавиться отъ него.—,,Бѣда, одно слово, усѣхъ пересудилъ. Дѣло не дѣло, лишь бы только кто о чёмъ цо-

жаловался ему, такъ себѣ въ разговорахъ: а онъ сейчасъ и на судъ подстрекаетъ. Конечно, онъ на свою руку бѣсть: хобару лишь бы заполучить“.

Былъ и въ нашей мѣстности такой года два тому назадъ съ крестьянами онъ просто—барина изъ себя не играеть, но только авторитетность свою любить выставлять на показъ. Если ему что либо говорять про волость, или судъ, онъ начинает горячиться. Что они тамъ говорять? Вамъ они говорить могутъ—вы ротъ разинете, да и слушаете басни ихъ, они сами еще въ законахъ не дюже тяжелы. Сказали бы они мнѣ, я имъ бы рассказалъ бы. А ты пиши ка, что я тебѣ, да и валий туда. Пусть не возьметъ, мы еще мѣсто найдемъ и дальше. И авторитетъ его вслѣдствіе такихъ изворотовъ рѣчи ростетъ. Ты, дядя Митрій, про его плохо не кажи: онъ и судей за поясъ загнетъ. У него, кажуть, такая книга есть, что усѣ законы посписаны. Видаль, что на столѣ то лежить—толстая въ одну книгу усѣ книги собраны, и синяя, и красная, и зеленая, глянько, что твоя библія лежитъ. Разсказывается, что она ему отъ старого барина досталась, тотъ по судамъ дока была. Вотъ и изъ заграницы выпечаталъ тамъ что съ нимъ бывало, не одинъ баринъ, у судъ не станетъ уступать. Усѣ извороты знаеть. Приходитъ обыкновенно крестьянинъ къ таковымъ, не стѣсняясь. Пріѣдетъ, еще поругается, сядеть на лавкѣ, либо на крылечкѣ, закурить отъ одной бумажки цигарочку,—поговорять о хозяйствѣ, еще кое-какихъ не-причастныхъ дѣлу вещахъ и затѣмъ уже приступить къ объясненію цѣли своего посѣщенія.

Адвокатъ разсматриваетъ представленные ему документы, переварачиваетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Думаетъ и наконецъ говоритъ: „Что дуракъ, что до сихъ поръ ждалъ. Ну все равно: мы за все взыщемъ“. Дѣлаетъ опросы, которые и накидываетъ на бумагѣ и обѣщаетъ прошеніе приготовить къ завтра. Бываетъ, что сначала заводить торгъ, который всегда улаживается. Проситель затѣмъ заводить какой либо другой разговоръ.

Сторонские—т. е. жители соседнихъ деревень, приходя къ адвокату такому безъ всякихъ предисловий приступаютъ къ дѣлу выскаживая цѣль своего посѣщенія, выкидывая сразу принесенный подарочекъ и прося написать прошеніе. Бабы несутъ холстъ, яйца, куренка, мужики деньги и ветчину, поросенка, гусенка. Придя и изложивъ цѣль своего прихода, проситель въ заключеніе вытаскиваетъ изъ мѣшочка принесенный подарочекъ.—Вотъ я тебѣ сударь мой за хлопоты подарочекъ принесъ. Прими, только пожалѣй меня, жалкою, ужъ я въ долгу не останусь, поплачусь еще чѣмъ либо. Вотъ свинка опросится—сосочка принесу. Деньгами за написаніе прошенія меньше 10 коп. не берутъ. Сторонские рѣдко приходятъ за советами, а идутъ прямо прошеніе написать. Подать писанную просьбу считается болѣе цѣнно. Самъ то усего не скажеть, да и казать то станетъ и усѣ какъ то не такъ, какъ на бумагѣ, да кому же привычны къ этому дѣлу напишеть, али напѣ братъ кажеть—совсѣмъ другое дѣло выйдетъ—обыкновенно говорять крестьяне и потому не жалѣютъ двугривенныхъ. На бой идешь скульевъ берочь ничего (Карачевскій у. Морозовъ).

Приводимъ наиболѣе характерныя описанія типовъ городскихъ адвокатовъ, практикующихъ по болѣе сложнымъ дѣламъ. Обобщить эти разсказы было бы произвольно, но если судить по нимъ, едвали можно признать, чтобы помочь подобныхъ повѣренныхъ, даже и получившихъ официально право на веденіе чужихъ дѣлъ, могла быть признана сколь нибудь удовлетворительной.

,Это типъ, знающій себѣ цѣну и живущій совсѣмъ особымъ образомъ отъ вышеописанныхъ. Живеть онъ въ городѣ своимъ домомъ или имѣеть мало мальски порядочную квартиру. Онъ или опальный адвокатъ или какой либо писарь мирового судьи—словомъ тоже безъ правъ голоса на судѣ, но человѣкъ болѣе знающій и не только эксплоатирующій, какъ первые два. Хотя онъ и береть дороже несравненно, но уже не старается подстрекнуть одного на

другого, и не даетъ тѣхъ ложныхъ путей къ дѣлу, которые по недоразумѣнію и потому, что лишь бы только схватить что, а тамъ чертъ съ тобой—моей шкурѣ не больно—даютъ первые. И крестьянинъ, если идетъ къ таковыемъ, то по болѣе серьезнѣмъ дѣламъ и вообще можно сказать, что такой адвокатъ болѣе доступенъ только тѣмъ изъ крестьянъ, которые живутъ болѣе или менѣе въ достаткѣ. Относится къ нимъ крестьянинъ съ почтеніемъ. Желая почасть къ нему, войдетъ сначала съ чернаго хода, или просто на просто на кухню освѣдомиться: дома ли баринъ и получивъ утвердительный отвѣтъ посыпаетъ прислугу доловить, а то хозяюшку. Для большого апломба адвокатъ заставляетъ обождать съ $\frac{1}{2}$ часика, передавъ, что или занять дѣлами, или человѣкомъ, тоже пришедшими по дѣламъ, несмотря на то, что въ это время или читаетъ газету или потаскиваетъ ребенка. Наконецъ зовутъ, объявляя пришедшему крестьянину, что баринъ зоветъ. Входить еще въ корридоръ скинувъ шапку, озираясь на ноги, чисто ли. Войдя, не старается стать на постилку, а прямо на полъ, желая сберечь чистоту постилки, коверъ у церкви господамъ стелять—а не нашему брату. Становится въ дверяхъ. Черезъ минуту въ передней показывается фигура адвоката, въ халатѣ. важно выступающаго. Вошедший отвѣчиваетъ поклонъ. Если клиентъ уже знакомъ, то болѣе мягко освѣдомляется о цѣли посѣщенія: ну что, братецъ ты мой, чѣмъ я тебѣ понадоблюсь. Съ болѣе зажиточными крестьянами вѣрнѣе съ тѣми, отъ которыхъ приходилось болѣе порядочные куши получать, здоровается даже давая руку, и приглашаетъ войти въ кабинетъ и даже присѣсть. И крестьяне, хотя и не упускаютъ изъ виду почтительность, но все же держатъ себя болѣе фомильяно. Пришедший, стоя, излагаетъ свое дѣло, и тогда адвокатъ, смотря по человѣку, предлагаетъ или же войти съ нимъ въ кабинетъ, или же заставляетъ обождать въ передней, пока онъ послѣ тамъ напишетъ прошеніе. Есть, говорять, крестьяне въ Караковѣ, одинъ изъ та-

ковыхъ, который дѣлаеть оцѣнку при писаніи прошеній, напримѣръ написать прошеніе на волостной—рубль, къ земскому два, на съѣздъ три и такъ далѣе, смотря по инстанціи. Чѣмъ выше инстанція, тѣмъ и цѣна прошенія выше. Кабинетъ у адвокатовъ послѣдняго типа тоже обставляется съ бьющимъ на эффектъ комфортомъ: больше бумагъ и толстыхъ книгъ. Чѣмъ больше бумагъ на столѣ, тѣмъ больше довѣрія со стороны крестьянъ. Тѣ изъ крестьянъ, которымъ часто приходится притолковаться къ этому сорту адвокатовъ, не забываютъ про нихъ. Онъ и язычекъ къ Святой пришлетъ и барабанчика къ Петрову дню. Народъ хотя и идетъ къ адвокату, но смотрить на нихъ не съ особымъ уваженіемъ. Какой онъ человѣкъ, коли нашимъ и вашимъ служить. Ты пришелъ, правъ не правъ онъ за тебя берется. Другой попрежь пришелъ, онъ за него. Правый, виновный, лишь бы ему деньги платиль;—онъ всѣхъ защищать будетъ, допрежь аблакатовъ этихъ не было и судовъ не было и тому под..” (Караваевъ. у. Морозовъ).

„Крестьяне уѣздовъ: Вологодскаго, Кадниковскаго и Грязовецкаго обращаются по большей части къ адвокату-дворянину А. Е. Головачеву, не—юристу. Мужику нуженъ такой адвокатъ, съ которымъ можно говорить свободно. Это именно такой, мужики у него въ комнатѣ ведутъ себя свободно, курятъ махорку, когда хорошо напишетъ, ударяютъ его по плечу. Когда онъ имъ читаетъ написанное, иногда одобряютъ, иногда грубо замѣчаютъ, что этого не нужно, это не было. Но онъ не сердится, развѣ прикинетъ хо-рошенькo. Мужики хотятъ, чтобы адвокатъ пилъ вино, а этотъ выпить съ ними принесенную бутылку, а иногда и вторую, что мужикъ дѣлаетъ съ радостью, думая, что пьяный возьметъ дешевле. Если онъ видѣтъ, что дѣло плохо, научить мужика, какъ вывернуться. Такъ напримѣръ д. Поподына, Макаровъ, просилъ какъ нибудь оправдать его по обвиненію въ воровствѣ изъ сундука изъ подъ двухъ замковъ. Адвокатъ послалъ его за бутылкой вина..

Когда принесли другую, адвокатъ и началь объяснять какъ лучше вывернуться. На вопросъ, какъ ты попалъ подъ замокъ въ горницу (гдѣ стоялъ этотъ сундукъ),—скажи, что я былъ въ горнице раньше, когда она была не закрыта, я пришелъ искать васъ, хозяевъ, и стала разсматривать ихъ. Вы же, не осмотрѣвъ комнату, не слышао для меня заперли ее и такимъ образомъ я оказался запертъмъ (въ дѣйствительности же онъ забрался подъ кровать). Когда вы ушли къ обѣднѣ я легъ на кровать, рѣшившись васъ дожидаться, такъ какъ замѣтилъ, что мнѣ не выйти. Тутъ моя болѣзнь побудила меня совершить преступленіе (клептоманія, которую объяснилъ ему адвокатъ и велѣлъ найти свидѣтелей). Такъ и въ каждомъ судебнѣмъ дѣлѣ онъ придумываетъ разныя смягчающія вину обстоятельства. Особенно онъ старается какъ не можно больше найти лжесвидѣтелей, хотя имъ приходится принять присягу. Въ Грязовецкомъ уѣздѣ убили мужика. Одинъ изъ преступниковъ Мазалевъ, нанялъ Головачева защитить его, но самъ умирающій при народѣ назвалъ его. Тогда онъ по наученію Головачева нанялъ 8 человѣкъ лжесвидѣтелей, которые приняли присягу, что въ то время какъ били этого крестьянина, онъ находился дома.“ (Вологодскій у. Соколовъ).

Къ настоящимъ адвокатамъ—присяжнымъ и частнымъ повѣреннымъ крестьянину приходится обращаться рѣдко. Юридическая помощь этого рода ему почти недоступна—но дороговизнѣ ея, такъ особенно по дальности разстоянія до губернскаго или уѣзднаго города, гдѣ живетъ присяжный повѣренный.

„Во всемъ Пошехонскомъ уѣздѣ на 100 слишкомъ тысячъ жителей имѣется только одинъ заправскій адвокатъ“. (Пошехонск. у. Баловъ).

„Обращаются крестьяне и къ настоящимъ адвокатамъ, т. е. къ тѣмъ, которые имѣютъ право голоса на судахъ, но только по болѣе крупнымъ дѣламъ, и конечно зажиточные, имѣющіе купленную

землю и по дѣламъ спорнымъ о ней. Къ послѣднимъ же прибѣгаютъ по общественной, т. е. когда судится съ кѣмъ либо общество, оно и нанимаетъ повѣреннаго". (Карабеевск. у. Морозовъ).

Знаніе и искусство настоящихъ адвокатовъ однако народъ цѣнитъ и восторгается имъ, когда только ему приходится съ нимъ сталкиваться. Привожу слѣдующій характерный разсказъ:

„Адвокаты и говорильщики на судъ не допускаются. Вообще крестьяне смотрять на адвокатовъ съ уваженіемъ (я подразумѣваю присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ). Онъ (адвокатъ) тебѣ со дна моря все достанеть. Когда еще дѣло было при царѣ Горохѣ, когда снѣгъ горѣль, соломой тушили, и дѣды и прапрѣдѣы не запомнятъ, а онъ откопаль данную. Поди сколько книгъ поднять (поднять книги значить отыскать документъ давно прошедшаго времени). Хотя и взялъ, да не задаромъ, гдѣ бы намъ отыскать, сторожа каждого боявшись, а онъ, приходить это мы къ старшему ногтариусу такъ молъ и такъ, вотъ этому мужику безпремѣнио непремѣнио данная нужна. Били, били, искали, искали, нѣть. Какъ въ воду канула. Вижу чиновникъ уже бросиль книгу, плонулъ и говорить, пропадите вы пропадомъ, пусто вамъ будетъ съ вашимъ мужичкомъ. Меня ажно морозъ по спинѣ прохватилъ, ну, думую, пропали мои три десятины. Другой бы ушелъ, что же искать, коли нѣть, а онъ (адвокатъ) и говорить; не было ли у твоего дѣда клички, а нѣть прозвища какого. Тутъ только я вспомнилъ, что дѣда и точно Денисовымъ прозывали. Стали искать, въ одинъ секунду (секунду) нашли. Чиновникъ ажно выругался, что же ты такой сякой, не мазаный, раньше намъ этого не сказалъ, цѣлый часъ бѣеися. Дѣдъ твой Денисовымъ писался, а ты говоришь Яшинымъ. Какъ дразнили бывало, не тѣмъ будь помянуть, разсердился кто ежели такъ не знаетъ... А дома то у него (адвоката) утромъ я пришелъ, еще спалъ... Баринъ съ барыней дожидаются и офицеръ какой то... Лакей лучше нашего помѣщика одѣмшись (одѣть). А законовъ то наставлено-

страсть сколько. Ну какъ ему то дѣло проиграть, всѣ статьи запасть. Лакей говорилъ: нашъ баринъ не простой повѣренный, присяжный, присягу принялъ, что значитъ никого не обманетъ... А когда вводился я во владѣніе, разбиралось одно дѣло... два аблоката рѣзались (спорили). Одинъ говоритъ: на основаніи такихъ то и такихъ законовъ прошу взыскать, а—другой говоритъ, ты скажи спасибо, что я съ тебя не ишу, потому то и потому то, и тоже все законы... Да вѣдь какъ рѣжутся то. Ну, думаю себѣ, теперь вѣкъ сходится (встрѣчаться) не будутъ. Глядь кончили дѣло, они какъ ни въ чёмъ не бывало посмѣиваются и пошли вмѣстѣ курить. А у насъ ежели кто съ кѣмъ судится, слѣдъ за слѣдъ не находять (невстрѣчаются), лютуютъ (сердятся) другъ на друга... Такъ передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія крестьянинъ, бывшій у присяжного повѣреннаго". (Орловск. губ. Хотын. Сахаровъ).

§ 16. Община, какъ обвинитель по дѣламъ частно-уголовнымъ.

Общество крестьянъ, какъ лицо юридическое, выступаетъ въ качествѣ обвинителя по дѣламъ частно-уголовнымъ обыкновенно тогда, когда является по закону на то имѣющимъ право: именно, когда общество, какъ цѣлое, понесло вредъ или убытки отъ преступнаго дѣйствія. Таковы случаи: лѣсныхъ порубокъ въ общественномъ лѣсу, потравы общественныхъ луговъ, кражи общественного сѣна или иного общественного имущества, изувѣченіе животныхъ, принадлежащихъ обществу, умышленное уничтоженіе межевыхъ знаковъ, поджоговъ общественного имущества и такъ далѣе.

Но кромѣ этихъ случаевъ, когда община имѣеть непосредственное право выступать въ качествѣ обвинителя, будучи потерпѣвшимъ въ юридическомъ смыслѣ, на практикѣ нерѣдки случаи, когда цѣлая община беретъ на себя обвиненіе и по такимъ дѣламъ, гдѣ потерпѣвшимъ является отдельный домохозяинъ, общество же несетъ лишь

косвенный вредъ, да и то съ большою натяжкою этотъ вредъ уловимъ. Таковы напримѣръ случаи обвиненія обществомъ отдѣльныхъ крестьянъ въ безшательной торговлѣ виномъ (Данил. Любимовск. Романо-Борисоглѣбск. у. Баловъ); другой болѣе характерный примѣръ привожу полностью.

„Въ одномъ дѣлѣ вступается цѣлое общество за простую и ничтожную по совѣсти кражу (гражданскій искъ за украденные портки судомъ ограниченъ 20 коп.), совершенную у одного изъ членовъ общества, фактъ кражи подтверждаетъ своимъ приговоромъ и поручаетъ сельскому старостѣ привлечь воровку къ отвѣтственности. Я былъ поставленъ въ тупикъ, не зналъ чemu приписать заботу цѣлаго общества объ убыткѣ 20 копеекъ, который понесъ только одинъ крестьянинъ, а не все общество, поэтому обратился за разъясненіемъ къ осѣевскимъ мужикамъ и оказалось, что воровка Семенова занималась кромѣ того, сближеніемъ молодыхъ дѣвушекъ съ холостыми парнями, давая имъ пріютъ для разврата въ своей избенкѣ и получая отъ послѣднихъ за это деньги и украденные ими у родителей домашніе продукты: муку, крупу, мясо, и т. п., чѣмъ сильно возбудила противъ себя общество. Если бы кража портковъ была произведена другимъ лицомъ, обществу неантитатичнымъ, крестьяне, вѣроятно, только посмѣялись бы, но такъ какъ въ свидѣтельствѣ они Семенову уличить не могли, а фактъ кражи между тѣмъ на лицо, то общество вздумало хоть этимъ донять ее: авось, моль, свидѣтельству цѣлаго селенія судъ больше придастъ вѣры и построже накажетъ виновную“. (Черепов. у. Власовъ).

Можно указать еще на случаи когда общество за понесенный имъ вредъ или убытокъ само своимъ судомъ расправляется съ виновными, но подобныя дѣйствія должны быть подводими уже подъ категорію самосуда. Таковъ, напримѣръ обычай, существовавшій въ томъ же Череповецкомъ уѣздѣ,—наказывать общественнымъ судомъ за запрещенный сборъ ягодъ или заповѣденаго гороха. За послѣднее

производилось даже наказание розгами, а за первое при поимкѣ виновнаго его приводили на сходъ, немедленно созываемый старостою для суда надъ нимъ. „Яголы отбираются и съѣдаются на сходѣ, а виновнаго иногда проводить разъ-другой по деревнѣ. Раньше виновныхъ раздѣвали и проводили по улицѣ нагими, будь то женщина или девушка. Теперь эта обычай сохранился развѣ только въ самыхъ глухихъ деревняхъ, да и то примѣняется къ однѣмъ мужчинамъ. (Черепов. у. Антиповъ).

● § 17. Отвѣтственность цѣлой общины за укрывательство преступника.

Община, какъ лицо юридическое, не можетъ быть отвѣтственна за преступленіе отдельныхъ своихъ членовъ и на практикѣ въ уголовномъ порядкѣ никогда не отвѣчаетъ. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы это вполнѣ бесспорное съ юридической точки зрењія положеніе всегда понималось волостными судами. Былъ, напримѣръ, случай, когда за убитую у крестьянина корову, волостной судъ постановилъ взыскать стоимость коровы со всѣхъ жителейсосѣдней деревни, въ полѣ которой была найдена мертвая корова, т. е. при-сужденіе гражданскаго иска вытекающаго изъ преступнаго дѣянія, неизвѣстно кѣмъ совершенаго, съ общества, къ которому принадлежалъ вѣроятный виновный (Вятск. г. Орловск. у. Гребененъ). Понятно, что подобныя решения всегда отмѣняются уѣздными съѣздами.

Другое дѣло—прямая гражданская отвѣтственность общества, какъ лица юридического, имѣющая мѣсто тогда, когда общество по-средствомъ формального приговора приняло привлеченаго въ качествѣ обвиняемаго на поруки или внесло за него залогъ въ порядкѣ указанномъ уставомъ уголовнаго судопроизводства. На подобные примѣры встрѣчаются въ материалахъ прямыхъ указаний.

Совершенно иное значение имѣеть отвѣтственность цѣлаго ряда отдалъныхъ лицъ (хотя бы всѣхъ жителей данной деревни) за укрывательство преступниковъ. Здѣсь отвѣчаетъ именно цѣлый рядъ физическихъ лицъ, а не община, какъ юридическое лицо, и въ этомъ случаѣ поголовная отвѣтственность всѣхъ или большинства жителей цѣлой деревни въ уголовномъ порядкѣ—дѣло вполнѣ мыслимое и не рѣдко бывающее на практикѣ. Такіе случаи описываются въ материалахъ и распадаются или на массовыя укрывательства со стороны всѣхъ жителей извѣстнаго всѣмъ преступника, или же на дѣйствія толпою или скопомъ. Эти случаи, конечно, не могутъ быть признаны за видъ перекладыванія отвѣтственности съ одного виновнаго на другихъ невиновныхъ. Здѣсь каждый отвѣчаетъ по мѣрѣ соудѣяннаго.

Привожу интересный разсказъ по поводу укрывательства цѣлою деревнею одного вора.

„За укрывательство воревъ въ нашей мѣстности бывали случаи, что за нихъ отвѣчала цѣлая община. Лѣтъ 30 тому назадъ въ домѣ Мѣшковой былъ извѣстный воръ Игнатъ Гуровъ. Крестьяне мѣшковскіе его не преслѣдовали, а даже укрывали. Онъ у своихъ мѣшковскихъ не воровалъ, а защищалъ ихъ отъ чужихъ воровъ, запрещая имъ трогать своихъ односельчанъ. Кромѣ укрывательства Игната, еще брали у него воровскія вещи за безцѣнокъ. Окрестные крестьяне долго терпѣли безобразія Игната, наконецъ рѣшились изловить вора и уличить мѣшковскихъ укрывателей. Въ домѣ Кvasовой Игнатъ съ товарищами обобрали четыре амбара и двѣ мельницы. Зная, что въ Мѣшковой находится извѣстный по всей мѣстности воръ, квасовскіе въ числѣ шести человѣкъ, утромъ пріѣхали къ Мѣшкову съ обыскомъ и вызвали старшину, рассказали ему, зачѣмъ пріѣхали. Староста имъ отвѣчалъ на это: не знаю, братцы, что вамъ на это сказать. Я знаю хорошо, что Игнатъ вотъ ужъ цѣлую нелѣлю лежитъ нездоровъ. Я знаю, вы мнѣ не повѣрите, такъ пойдемте, сами по-

смотрите. И въ сопровождениі квасовскихъ мужиковъ пошелъ къ Игнату. Какъ только семейные Игната увидали, что въ Мѣшкову идутъ съ обыскомъ, то сейчасъ же сообщили объ этомъ Игнату. Игнать, не медля ни минуты, растянулся подъ святыми на приготовленномъ заранѣе мѣстѣ, его одѣли сверху дерюгой и онъ, принялъ страдальческій видъ, засхалъ. Маленькихъ всѣхъ вывели изъ хаты къ сосѣдямъ, чтобы они не проговорились, когда ихъ будуть пытать. Когда староста съ квасовскими и сотскими подошли къ Игнатовой избѣ и услышали плачь, то староста сказалъ квасовскимъ: я говорилъ вамъ, что онъ уже давно нездоровъ. Что-то голосятъ, ужъ не скончался-ли. Поклонившись, староста сказалъ, обращаясь къ Игнатовой семье: ну, какъ Игнать?—Охъ, голубчикъ ты мой бѣдный, умираешь, другъ мой сердечный. Долженъ быть скоро покочится: стала хрипѣть и языкъ отнялся.—Староста спросилъ у квасовскихъ: ну, что теперь будемъ дѣлать? Виши онъ умираетъ. Давайте, сдѣляемъ у него обыскъ, если вамъ не вѣрится. Квасовскіе отвѣтили: что ты, что ты? Да развѣ мы нехристи что ли какіе? Человѣкъ умираетъ, а мы будемъ послѣдніе часы беспокоить. Поѣдемте, ребята, видно искать въ другомъ мѣстѣ. Просимъ прощенія за беспокойство.—Съ этими словами квасовскіе и сотскій распрощались съ старостой и уѣхали домой. Встрѣчавшіеся крестьяне останавливались передъ квасовскими и говорили съ сожалѣніемъ: вы видно пріѣзжаете сдѣлать обыскъ у Игната? Онъ у насъ нездоровъ, вѣтъ уже цѣлую недѣлю, но врядъ ли живъ останется. Идите въ другіе мѣста.—Это еще болѣе утверждало, что Игнать нездоровъ, а потому и не онъ воровалъ въ Квасовой. Такъ они и дома объявили, что Мѣшковскій воръ окольвается. Добычу воры раздѣлили между собой, а кое что роздали крестьянамъ бесплатно. Въ скорости послѣ этого Игнать обокраль три амбара въ Чалищевой. Чалищевскіе пріѣзжали въ Мѣшкову, сдѣлали обыскъ, но ничего не нашли. Затѣмъ опять къ Игнату собрались его сообщники и вмѣстѣ стали производить воровство по

всей окрестности. Когда же обнаружилось укрывательство Мѣшковскихъ крестьянъ, то судъ присудилъ каждого домохозяина отсидѣть въ волости недѣлю подъ арестомъ; крестьянъ, у которыхъ были найдены воровскія вещи, на два мѣсяца въ острогъ. Послѣ шестилѣтняго заключенія Игната въ арестантскихъ ротахъ всѣ крестьяне безъ исключенія отказали принять его въ свое общество и его сослали на поселеніе. (Болховск. у. Костинъ).

Что же касается народныхъ пословицъ: „Воръ попался, а міръ поплатился“, „воръ воруетъ, а міръ горюетъ“, „одинъ въ грѣхѣ, а всѣ въ отвѣтѣ“,—то въ настоящее время они примѣнимы только къ тому, что при совершенніи въ предѣлахъ деревни преступленій община фактически несетъ неизбѣжные убытки: отводы квартиръ полиціи и судебнаго властямъ, снаряженіе для нихъ подводъ, отправка преступника или свидѣтелей въ городъ, иногда за 25—30 и болѣе верстъ. Но поговорки эти сложились конечно не подъ вліяніемъ подобнаго рода фактovъ. Въ старину, въ эпоху крѣпостного права, существовала, и при томъ въ широкихъ размѣровъ, дѣйствительно, административный пріемъ привлеченія къ отвѣтѣ цѣлаго ряда людей—членовъ одного общества—за дѣйствія отдѣльныхъ членовъ того же общества. Пріемъ этотъ практиковался какъ помѣщиками, такъ и административными и судебными властями того времени. Пріемъ этотъ употреблялся какъ средство допытаться, кто совершилъ преступленіе, а также, какъ административная кара на всѣхъ членовъ общества за предполагаемое укрывательство односельчанина, совершившаго проступокъ.

,За проступокъ, совершенный противъ помѣщика, или по капризу его, часто безнравственному, разорялся корень, т. е. виновника или слушника отдавали безъ зачета въ солдаты, что равнялось въ то время смерти, остальные члены семьи или разсылались по отдѣльнымъ барщинамъ, или продавались другимъ помѣщикамъ, женщины же брались на барскій дворъ въ разныя должности,

тягло же отбиралось. Норѣдко, если помѣщикъ узнавалъ, что какая нибудь кража совершена кѣмъ либо изъ его же крѣпостныхъ, онъ отдавалъ приказъ, чтобы къ извѣстному времени крестьяне сами выдали вора, грозя въ противномъ случаѣ пороть всѣхъ мужчинъ или десятаго, что и приводилось въ исполненіе“. (Орлов. губ. ст. Хотынецъ, Сахаровъ).

,Однажды нашлось въ нашемъ полѣ мертвое тѣло, не далеко отъ деревни. Богъ его знаетъ, такъ ли Господь послалъ мужику, убилъ ли его кто или самъ онъ замерзъ, только тѣло нашлось. Собрались мы въ деревнѣ, поужевали (посовѣтовались), хотѣли отвести покойника подальше отъ деревни, да думали, хуже не надѣлать бы. Пріѣхали члены и дохтуръ. Пригнали мужиковъ изъ другой деревни, велѣли насть всѣхъ перевязать и по разнымъ хлѣвамъ посадить. Допрашивали насть по одному, у всякаго обыскъ въ домѣ дѣлали. Какъ деньги находили, ихъ отбиравали, говорили, что эти деньги убитаго мужика. Четыре дня допрашивали насть. Почти всѣхъ курицъ у насть прѣли, двухъ молодухъ обезчестили, одну дѣвку испортили. Насть всякий день драли не по одному разу, да спрашивали: гдѣ деньги убитаго мужика? Всѣ свои деньги мы сносили имъ. Потомъ уѣхали и дали похоронную. Вотъ такъ то и расхлебывали мы въ чужомъ пиру похмѣлье. За хрѣхи Господь наказалъ, видно, закончилъ старикъ“. (Новгородск. губ. Череповецк. у. Власовъ).

Въ Кривцовской лѣтъ 15 тому назадъ начальство наказало за укрывательство вора Стефана Торшина, кого арестомъ, а кого острогомъ. Крестьяне говорять, что за старину, такъ лѣтъ 60 назадъ, начальство строже наказывало за воровство и что черезъ это воровства меныше было въ нашей мѣстности. Особенно много сохранилось преданій, какъ за воровство наказывалъ крестьянъ голова. Лѣтъ 60 назадъ въ Мѣшковой случилось крупное воровство. Крестьяне, пойдя съ обыскомъ, нашли покраденные вещи у своего

односельчанина. Воръ сталъ просить у общества прощенія, обѣща-
ясь за это угостить ихъ. Общество простило, крестьянинъ, у кото-
рого покрали вещи, остался этимъ недоволенъ, потому что воръ
не всѣ вещи ему отдалъ, и пошелъ жаловаться къ головѣ. Пріѣ-
хавъ въ Мѣшкову, голова закричалъ, чтобы сейчасъ же были со-
браны всѣ до одного домохозяина. Крестьяне живо были собраны.
Когда голова вышелъ на сходку, то закричалъ на крестьянъ: вы
какъ смѣете прощать воровъ? Вы не уничтожаете ихъ, какъ это-
дѣлаютъ въ друихъ деревняхъ, а еще пріучаете къ этому. Староста,
пойди ко мнѣ.—Староста подошелъ. Голова взялъ его за виски и
началь трепать — только у него голова поколыхивалась. Староста
сталъ просить прощенія, а за старостой и всѣ крестьяне. Голова о-
прошеніи и слышать не хотѣлъ.—„Прости васъ, вы опять станете
сами какихъ нибудь негодяевъ прощать и давать имъ волю. Тогда
отъ васъ добрымъ людямъ житъя не будетъ. Розогъ давайте сюда,
розогъ!—Понятые принесли двѣ охапки розогъ (розги голова съ-
собой привезъ изъ волости). Староста, ложись, ты начальникъ
Мѣшковой, ты долженъ первый наказанъ быть.—Староста растя-
нулся на землѣ, его трое понятыхъ стали держать, закатили 45
ударовъ. Послѣ этого начали сѣчь мужиковъ, которымъ тоже зака-
тили по 45 розогъ. Когда всѣхъ повысѣкли, голова потребовалъ къ
себѣ самого вора и его семейныхъ (воръ было не пошелъ на сход-
ку и спрятался въ подполье). Два десятскихъ отправились за нимъ,
но скоро возвратились и со страхомъ сказали головѣ, что воръ
спрятался куда то. Голова еще болѣе разсердился и пошелъ
вмѣстѣ съ народомъ къ вору. Придя къ дому, голова потребовалъ
къ себѣ семейныхъ вора. Семейные вышли. Староста былъ тутъ же
и дѣлалъ знаки семейнымъ, чтобы они молчали про вора. Голова
это замѣтилъ и закричалъ на старосту: тебѣ стало быть, это мало.
Какие ты дѣлаешь знаки?—Староста молчать.—Дать ему еще 10
ударовъ, чтобы онъ былъ умнѣе.—Старость еще дали 10 розогъ.

Голова началъ спрашивать семейныхъ, куда спрятался воръ. Семейные отвѣчали, что не знаютъ.—Розогъ сюда, и кладите подъ розги его жену;—женщину положили, голова приказалъ бить до тѣхъ поръ, пока не скажеть, гдѣ находится ея мужъ. Когда женѣ закатили 10 ударовъ, она закричала, что мужъ ея спрятался въ подполье. Увидѣвъ его, голова затопталъ ногами: розогъ 70 ему ударовъ.—Вора разложили и начали непощадно пороть. Послѣ этого голова приказалъ его связать и отправить въ волость. Когда Василія (вора) отправили въ волость, голова приказалъ крестьянамъ какъ неможно строже наказывать воровъ: кого поймаете въ воровствѣ, бейте его до полусмерти, чуть живого отправляйте въ волость, я ему еще добавлю. Позволяю вамъ разорять имущество воровъ и, вообще, дѣлать съ ними, что угодно; за это васъ начальство ~~не~~ накажеть, а похвалить. Если же опять я узнаю, что вы потакаете ворамъ, то опять всѣхъ перепорю; за одного вора въ вашей деревнѣ постоянно вамъ всѣмъ отвѣчать, потому что вы должны за ними усматривать и не давать имъ воли.—Василія голова посадилъ въ острогъ. По рассказамъ стариковъ, послѣ этого воровства въ Мѣшковой не было слышно лѣтъ 10. (Болхов. у. Костинъ).

ГЛАВА V.

Судебные доказательства.

§ 18. Общий обзоръ судебныхъ доказательствъ.

Судебные доказательства, имѣющія значеніе при разбирательствѣ дѣлъ въ волостныхъ судахъ, суть: 1) собственное признаніе; 2) показанія свидѣтелей; 3) вещественныя доказательства; 4) присяга и божба; 5) жребій; 6) бирки; 7) письменныя доказательства; 8) различные виды косвенныхъ уликъ.

1. По общему отзыву, собственное признаніе обвиняемымъ своей вины и отвѣтчикомъ суммы иска признаются въ волостныхъ судахъ наиболѣе безспорнымъ видомъ судебнаго доказательства. Признаніе обвиняемаго, данное суду чистосердечно, почти всегда считается основаніемъ для смягченія наказанія. Сознаніе является почти всегда достаточнымъ основаніемъ для прекращенія дальнѣйшаго судебнаго слѣдствія и для отказа суда отъ допроса свидѣтелей, въ виду выясненности дѣла.

2. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ единственнымъ судебнымъ доказательствомъ въ волостныхъ судахъ должны быть признаны показанія свидѣтелей. При допросѣ свидѣтелей суды обращаютъ вниманіе какъ на личное достоинство свидѣтеля, на его репутацію, такъ и на сущность его показаній. Весьма высокое значеніе имѣть показаніе свидѣтеля, про которого можно сказать, что „давай ему золото, и то вратъ не

станеть". Но тѣмъ не менѣе суды выясняютъ и сущность показаній, дѣлаютъ свидѣтелямъ дополнительные допросы, когда нужно, и очныя ставки. Когда въ дѣлѣ есть противорѣчивыя показанія разныхъ свидѣтелей, судъ принимаетъ одни, отвергаетъ другія, смотря по тому, насколько тѣ или другія соответствуютъ обстоятельствамъ дѣла.

3. Вещественные доказательства имѣютъ также немаловажное значеніе. Такими доказательствами могутъ служить, напримѣръ, при потравахъ, пойманная животная, при кражахъ поличное, т. е. найденный при ворѣ или посредствомъ обыска у него похищенный предметъ. Но болѣе запутаннымъ представляется доказательство кражи тогда, когда вещественнымъ доказательствомъ является предметъ, имѣющійся въ сходномъ видѣ, какъ у обвиняемаго, такъ и у потерпѣвшаго, напримѣръ, сено, зерно, рожь въ снопахъ. Тогда при обыскахъ уже производится сличка предмета, найденаго у подозрѣваемаго, съ однороднымъ предметомъ потерпѣвшаго. „На одного крестьянина пало подозрѣніе, что онъ увезъ чужіе снопы. Явились къ нему на гумно сотникъ, десятникъ и понятые съ потерпѣвшимъ. У подозрѣваемаго все снопы сложены въ конну. Стали изъ разныхъ мѣстъ копны выдергивать по одному снопу. Потерпѣвшій смотрѣть. Вытащили нѣсколько сноповъ, онъ все еще не признаастъ. Но вотъ, вытащили снопъ, осматривается: „это мой“, говорить потерпѣвшій, „вотъ смотрите, у меня сноха крутить поясная на лѣво, этой на лѣво кручень“. Рядомъ оказалось три такихъ снопа. Гдѣ ты это взялъ, спрашиваются у подозрѣваемаго. Онъ началъ говорить, что у него парень такъ же вяжетъ снопы. Предложили ему принести свой снопъ. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ не было такихъ сноповъ, то пришлось повиниться“. (Симбир. губ. Алатырск. у. Роздинъ). Или вотъ характерный примѣръ слички холста: „Хозяйка пропавшаго холста разсказала слѣдующія примѣты: холстъ мой основавъ на 12 пасемъ, раздѣленъ на три стѣны, каждая изъ

тѣхъ стѣнъ имѣть 10 ф. и отмѣчена двумя нитками красной бумаги, нитки эти заткны съ одной стороны не больше вершка длиною. Наконецъ она показала холстъ основанный и вытканный вмѣстѣ съ украденнымъ. Смѣрили ширину, сличили примѣты, пересчитали нитки,—все было какъ въ найденномъ холстѣ. Судъ призналъ доказательства справедливыми. (Калужск. губ. Жиздринск. у. Зоринъ). Къ числу вещественныхъ же доказательствъ относятся, при земельныхъ спорахъ, границы спорныхъ участковъ. Судъ производить въ этомъ случаѣ мѣстный осмотръ участковъ.

4. Присяга или божба, употребляемая обвиняемыми или отвѣтчиками, какъ судебные доказательства неправильности предъявленного къ нимъ обвиненія или иска, по смыслу закона, не могутъ быть допускаемы; но на дѣлѣ они все же существуютъ въ иѣкоторыхъ волостныхъ судахъ. „Щѣлованіе иконы, снятой со стѣны, или шейнаго креста здѣсь практикуются и служатъ достаточнымъ доказательствомъ правдивости показаній“. (Смоленск. губ. Юхновск. у., Кушнеревъ). Къ нормальной присягѣ обвиняемые, впрочемъ, въ волостныхъ судахъ никогда не приводятся, а допускается лишь божба, какъ доказательство. Болѣе сильный видъ божбы—божба съ заклятиемъ. Она не производится въ засѣданіи суда, но можно привести характерный примѣръ, какъ фактъ подобной божбы, произнесенной дома, потомъ устанавливался на судѣ свидѣтельскими показаніями въ удостовѣреніи невинности обвиняемаго. С. Е. обвиняетъ своего брата И. Е. въ кражѣ холста. Брать всячески завѣрялъ въ своей невинности и чтобы убѣдить брата, прибѣгаешь къ клятвѣ черезъ своихъ дѣтей. Онъ посадилъ ихъ въ красный уголъ на лавку и въ присутствии постороннихъ и брата сталъ клясться своими дѣтьми, призывая и накликая на нихъ отъ Бога всякия бѣды и напасти, если онъ на самомъ дѣлѣ виноватъ въ преступлѣніи, въ которомъ его заподозрѣль братъ. Однако потерпѣвшій, будучи сердитъ на брата и имѣя съ нимъ какіе то личные счеты, не повѣрилъ искренности этой клятвы,

подалъ на него прошеніе въ судъ и на судѣ поддерживалъ свое обвиненіе противъ брата. Обвиняемый повторилъ на судѣ свое заявленіе о невинности, сослался на фактъ слѣданнаго имъ заклятія. Судъ удостовѣрился въ этомъ черезъ свидѣтелей божбы черезъ дѣтой, призналъ обвиняемаго невиновнымъ и по суду рѣшилъ считать его оправданнымъ". (Вологодск. губ. Кадниковск. у., Дилакторскій). Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы волостные суды повсюду и безъ разбора считали божбу абсолютнымъ доказательствомъ и вездѣ придавали ей вѣру. Иногда суды рѣшительно не признаютъ значенія божбы. „А ты безъ божбы докажи, что дѣло твое правое, вотъ и решать по твоему, говорятъ иногда крестьяне" (Жиздрин. у. Зоринъ).

О существованіи другихъ доказательствъ, вытекающихъ въ значительной мѣрѣ изъ суевѣрій, почти не имѣется данныхъ. Например о вынутіи земли изъ подъ лѣвой пятки вовсе не имѣется свѣдѣній. Одно только указаніе имѣется на обхожденіе межи съ комомъ земли на головѣ (Костромск. губ. Ветлужск. у. Кузнецковъ).

5. О жребіи, какъ именно судебному доказательству, основанному также на суевѣріи, не имѣется никакихъ указаній. Вынутіе жребія допускается при совершенніи раздѣловъ безъ суда семейнаго движимаго имущества, при раздѣлѣ земли, и при выборахъ на общественные должности, когда имѣется нѣсколько кандидатовъ, избранныхъ одинаковымъ количествомъ голосовъ. (Вологодск. губ. Кадник. у. Дилакторскій).

6. О биркахъ, какъ судебному доказательству, имѣется также весьма мало данныхъ. Привожу единственное указаніе, заслуживающее вниманіе. „Бирки въ нашемъ уѣздѣ имѣютъ единственно примѣненіе лишь въ мелкомъ кожевенномъ производствѣ и дѣлаются изъ деревянныхъ палочекъ съ надрѣзами. Одна изъ расщепленныхъ палочекъ оставляется заводчикомъ у себя и прикрѣпляется къ шкуркамъ, отদаннымъ въ дѣло, а другая отдается хозяину щкурки. Въ судебной практикѣ пока не было случая предъявленія исковъ на

основанії предоставленныхъ бирокъ“.(Вологодск. губ. Кадниковск. у., Дилакторскій).

7. Письменные доказательства въ волостныхъ судахъ не всегда имѣютъ безспорное значение. Законъ допускаетъ доказательство, въ волостныхъ судахъ безденежности векселей и факта уплаты по нимъ даже и свидѣтельскими показаніями, что въ этихъ судахъ весьма нерѣдко практикуется. Вообще, однако, крестьянинъ понимаетъ цѣну и значеніе письменныхъ доказательствъ. При этомъ народъ не обращаетъ вниманіе на то, правиленъ или нѣтъ документъ съ формальной стороны, а цѣнить смыслъ его, содержаніе. „Народъ не можетъ понять, что письменный документъ совершенный иногда не по формѣ, не имѣть силы и по причинѣ такого непониманія сельское населеніе дѣлается нерѣдко жертвою эксплоататоровъ, напр. при владѣніи землею по запрданной записи собственникъ земли легко можетъ притеснить крестьянъ внезапнымъ отказомъ совершать купчую“.(Смоленск. г. Юхновск. у. Кушнеревъ).

8. Что касается косвенныхъ доказательствъ и уликъ, то необходимо отмѣтить, что въ видѣ общаго правила наши волостные суды придаютъ имъ несравненно менѣе значенія, чѣмъ прямымъ доказательствамъ. Однимъ изъ характерныхъ видовъ косвенныхъ уликъ являются слѣды, оставленные воромъ и ведущіе къ его дому. Иногда производится сличка слѣдовъ съ сапогами подозрѣваемаго. „Сличили слѣды, оставленные воромъ, на которыхъ оказалось столько же гвоздей, сколько и у заподозрѣнного на сапогѣ. Но обвиняемый просилъ сдѣлать осмотръ на мѣстѣ и судъ его просьбу уважилъ. Оказалось, что мужикъ этотъ въ эту ночь въ отлучкѣ былъ, сапожникъ шилъ всѣмъ сапоги на одну колодку и гвоздей всѣмъ одинаково вбивалъ. Судъ обвиняемаго оправдалъ, такъ какъ при обыскѣ у него ничего не оказалось“.(Тихвинск. у. Матвеевъ). Привожу другой характерный примѣръ обвиненія на основаніи косвенныхъ уликъ.

Одинъ крестьянинъ изъ дер. Коротова возвращался домой, съ нимъ была собака. Въ полуверстѣ отъ деревни начинался лѣсъ, въ который собака и свернула. Вдругъ раздался выстрѣлъ, а минуты черезъ три показалась его окровавленная собака. За ней бѣжала другая. Крестьянинъ свою собаку положилъ на тѣлѣгу, а самъ пошелъ за другою собакою, которая направилась въ сторону выстрѣла. Въ 100 саж. онъ увидѣлъ съ ружьемъ пастуха, который повидимому, былъ хозяиномъ собаки. Крестьянинъ вернулся въ деревню Коротово и заявилъ о случившемся сельскому старостѣ. По осмотрѣ раненой собаки, оказалось, что морда и передняя нога перестрѣлены крупной дробью. Староста взялъ понятыхъ и вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ отправился въ конецъ деревни, куда пастухъ скоро долженъ былъ явиться со своимъ стадомъ. Виновнымъ онъ себя не призналъ. Прямыхъ уликъ не было, но потерпѣвшій все таки подалъ въ волостной судъ жалобу и привлекъ его къ уголовной ответственности по 153 ст. за нанесеніе ранъ иувѣчій животныхъ. Судъ, руководствуясь тѣми соображеніями, что та собака, которая гналась за раненою собакою крестьянина, принадлежитъ пастуху, что дробь, которой была ранена собака, похожа на дробь пастуха, что случай этотъ произошелъ въ такое время (въ сѣнокось), когда другихъ охотниковъ въ лѣсу не могло быть, да таковыхъ въ деревнѣ Коротовѣ и вѣ имѣется, постановилъ: подвергнуть пастуха, деревни Коротова, Илью Волнухина, на основаніи 153 ст. устава о наказаніяхъ, на 12 дней ареста при волостномъ правлениі. (Новгород. г. Черепов. у. Антиповъ).

Къ разряду косвенныхъ уликъ должны быть, конечно, отнесены, и такъ называемыя, нравственные улики: выраженіе лица, форма показанія и прочіе оттѣнки. „Правду говорить, потому нутромъ выговариваешь“, „самъ говорить, а самъ воеть, значить не обманываешь“, „не хотя не заплачешь“, „все морду на бокъ воротить, и въ глаза глядѣть стыдится, значитъ врать“, „и говорить

и не договариваеть, и видѣлъ, и не видалъ, значить шельмитъ"; „какъ стали допрашивать, ажъ добрѣднѣль, мигъ... мигъ... и сказать ничего не сможетъ, стало виноватъ", — вотъ цѣлый рядъ народныхъ выражений для опѣки нравственныхъ уликъ. Вотъ примѣръ осужденія на основаніи нравственного доказательства: „У П. К. пропалъ тулупъ, увезенный неизвѣстно кѣмъ. Послѣ случившейся пропажи нѣкто П. Д. судившійся ранѣе за кражу, заявилъ въ трактирѣ, что онъ можетъ найти этотъ тулупъ. Судъ, основываясь однако только на вышеупомянутыхъ словахъ П. Д., присудилъ взыскать съ него въ пользу потерпѣвшаго или тулупъ, или же за неимѣніемъ его стоимость послѣдняго въ размѣрѣ 25 рублей. (Вологодск. г. Кадниковск. у. Диакторскій).

Нерѣдки также случаи, когда волостной судъ при существованіи однихъ косвенныхъ доказательствъ, считая обвиненіе и вытекающій изъ него искъ недостаточно доказаннымъ, присуждаетъ потерпѣвшему съ подозрѣваемаго половину стоимости пропавшаго предмета (грѣхъ пополамъ). Такихъ случаевъ, къ сожалѣнію, бываетъ много. Съ точки зренія правовой, подобныя решения являются очевидной безмыслицей.

§ 19. Собственное признаніе обвиняемаго и отвѣтчика. Пріемы, употребляемые въ народномъ быту для принужденія къ сознанію.

Можно считать вполнѣ удостовѣреннымъ, что никакихъ особыхъ пріемовъ для выпытыванія сознанія въ волостномъ судѣ не употребляется. Зато вѣнѣ суда, тотчасъ послѣ совершенія преступленія и ранѣе обращенія къ суду, когда нѣть поличного и отсутствуютъ всѣскія улики, могущія служить судебнѣмъ доказательствомъ, крестьяне употребляютъ всевозможные пріемы для вынужденія сознанія, и не останавливаются передъ пытками и „пристрастными допросами“

обвиняемыхъ. При этомъ подобные дѣйствія производятся крестьянами не только когда они являются потерпѣвшими въ дѣлѣ, но и сельскими властями, иногда при участіи полицейскихъ урядниковъ и даже становыхъ. Лишь въ немногихъ мѣстностяхъ подобные пріемы вовсе не употребляются, есть другія мѣстности, гдѣ сельскія власти ихъ не допускаютъ, и гдѣ они употребляются только потерпѣвшими, тайно отъ сельскихъ властей.

Первоначально, обыкновенно допрашиваютъ обвиняемаго и убѣждаютъ его сознаться. Когда онъ не сознается заставляютъ принять присягу въ знакъ своей невинности. Въ случаѣ принятія присяги обвиняемаго оставляютъ въ покое, кроме случаевъ, когда въ его виновности окружающіе совершенно убѣждены. Привожу характерныя слова, произносимыя при подобной присягѣ: „Вавила умылъ руки, распоясался, растегнулъ воротъ рубашки, а староста подалъ ему комокъ земли; онъ взялъ его, перекрестился и сказалъ: если я производилъ кражу у Осипа, то почернѣю какъ эта матушка земля. Не дай мнѣ, Господи, увидѣть моихъ дѣтей. Накажи меня, Господи, громомъ, молнией, болѣзнями, градомъ, голодомъ и всякими невзгодами. Если я не виноватъ, оправдай меня Господи, а если виноватъ, накажи меня. Потомъ взялъ, откусилъ отъ комка и проглотилъ. И дѣлалъ такъ до трехъ разъ“. (Орловск. у. Костинъ).

Что касается пріемовъ, употребляемыхъ для принужденія къ сознанію, то отъ чисто нравственныхъ пытокъ (приводъ обвиняемаго въ убийствѣ къ тѣлу убитаго, при чемъ существуетъ повѣріе, что въ тѣлѣ убитаго должна пойти кровь) доходятъ до истязаній въ самомъ реальномъ и жестокомъ смыслѣ этого слова (выворачивание рукъ, взвѣшиваніе на веревку и крученіе, сдавливаніе головы, сѣченіе крапивой, всовываніе палки въ задній проходъ). (Костромск. губ. Макарьев. у. Костинъ, Курск. губ. Обоянск. у. Соловьевъ, Орловск. г. Болховск. у. Перъковъ, Вятск. г. Котельнич. у. Сазоновъ, Вятск. г. Орловск. у. Гребеневъ и др.).

Привожу цѣлый рядъ характернѣйшихъ разсказовъ о пыткахъ, употребляемыхъ въ крестьянскомъ быту для принужденія къ сознанію. Въ деревнѣ Харламовской Горской волости одинъ крестьянинъ былъ сердитъ на двоихъ своихъ сосѣдей: онъ подозрѣвалъ ихъ въ кражѣ ржи у себя изъ амбара и ждалъ случая, имъ отомстить. Однажды крестьяне этой деревни возили старое желѣзо — бракъ мѣстному торговцу. Суботкинъ (такъ звали мужика, у которого была украдена рожь) — замѣтилъ въ браку толстую желѣзную палку, обломокъ отъ какого то стержня. Онъ выпросилъ эту желѣзину себѣ, сказалъ, что она ему пригодится. Какъ то поздно вечеромъ послѣ мѣстнаго праздника онъ зазвалъ къ себѣ обоихъ подозрѣваемыхъ въ гости, напоилъ ихъ до пьяна и пошелъ провожать. Въ сѣняхъ онъ прихватилъ припасенный имъ раньше обломокъ стержня. Какъ только вышли на улицу, онъ одного изъ своихъ гостей такъ ударили по головѣ желѣзной уручиной, что тотъ больше и не всталъ. Другой хотѣлъ было защищаться, но такъ какъ въ рукахъ ничего не имѣлъ, то тоже былъ убитъ нѣсколькими ударами тяжелой желѣзной штуки. Убитыхъ Суботкинъ сволокъ подъ ихъ крыльца. Утромъ вся деревня отъ такого страшнаго преступленія была въ сильномъ волненіи. Подозрѣніе пало на Суботкина, потому, что хотя онъ и не былъ раньше въ явной ссорѣ съ убитыми, но былъ на нихъ сердитъ. Это зналисосѣди. Припомнили нѣкоторые и его же лѣзную палку, которую онъ выпросилъ у торговца, сказавъ, что она ему пригодится. Но уликъ явныхъ не было. Тогда убійцу рѣшили подвести къ трупамъ убитыхъ. Многіе убѣждены, что убитый дастъ какъ нибудь знать, когда приблизится къ нему убійца: глазъ откроется, ногой или рукой шевельнеть и самъ пошевельнется. Суботкинъ, какъ стали его подводить къ первому трупу, сознался. Фактъ этотъ мнѣ передавалъ одинъ изъ свидѣтелей этого случая, довольно развитой крестьянинъ.—А ты вѣришь въ то, что мертвый въ самомъ дѣлѣ можетъ выдать убійцу,—спросилъ я его. Многіе,

отвѣтилъ мнѣ крестьянинъ, да и большая часть, пожалуй, вѣрить, что мертвѣцъ какъ нибудь да обличить убійцу. Я то самъ въ это не вѣрю,— продолжалъ крестьянинъ,— а думаю, что убійца самъ себя выдаетъ. Попробуй подойти къ такому мертвѣцу, и съ чистой совѣстью, такъ и то морозъ по кожѣ продергетъ. А ну-ка убійца. Да ни за что не скрыть, ни въ жизнь не утаить: онъ весь и задрожитъ, какъ осиновый листъ, а особенно какъ вѣрить, что мертвый покажеть на него. Курицу рѣзать и то непріятно, а тутъ нако—человѣка, да никому не скрыть—закончилъ онъ. (Новгородск. г. Череповец. у. Антишовъ).

Когда свидѣтелей нѣть, то обвиняемаго въ преступлениі сажаютъ подъ арестъ при волости, не даютъ ни ъесть, ни пить по лвое сутокъ, напр. заподозрѣннаго въ поджогѣ посадили подъ арестъ; становой постоянно всходилъ къ нему и требовалъ собственнаго сознанія и при этомъ билъ его кулаками. Старшина говорить ему: „не поддавайся, сгніешь тогда въ Сибири подъ землею“. За это старшинѣ отъ этого мужика былъ большой магарычъ, когда его выпустили на свободу, потому, что уликъ было мало. Преступниковъ очень бываютъ, одного старшина такъ ударилъ по головѣ желѣзной палкой, что тотъ потерялъ сознаніе и лежалъ какъ мертвый часа три на землѣ; нѣкоторыхъ даже отливаютъ водой, а становой въ это время съ старшиной ногами пробуютъ по лицу, что онъ живъ, или нѣть: „ну-ка я его по носу—не поднимется ли онъ“, вообще надъ преступниками издѣваются всегда. Напримѣръ одна дѣвушка крестьянская была въ связи съ мужикомъ, родила ребенка, котораго мужикъ въ ту же ночь отнесъ въ рѣчку и утопилъ. По этому дѣлу пріѣхалъ урядникъ, приказалъ привести виновную и посадить въ нетопленную арестантскую и отобралъ у нея всю одежду чтобы вынудить ея признаніе. Виновная такъ простудилась, что въ скоромъ времени умерла. Одна женщина попалась въ воровствѣ, старшина приказалъ раздѣть ее и оставить въ сѣняхъ въ лютый морозъ, пока

она не сознается во всемъ. (Орловская г. и уѣздъ, М. Михеевъ).

Въ 1882 году у мѣстного благочиннаго украла 800 рублей крестьянка нашей волости, деревни Ярцевы Прасковья Богданова. Она жила у благочиннаго въ работницахъ, но укравши деньги, отошла. Благочинный обратился къ нашему волостному старшинѣ Бѣляеву, который немедленно арестовалъ воровку при волостномъ правлениі. „Я цѣлый день добивался отъ нея сознанія, но ничего не могъ подѣлать, разсказываетъ Бѣляевъ“, подъ вечерокъ сошелъ въ арестантскую и съ крикомъ: „сказывай, а то зашибу“, далъ ей двѣ добрыхъ ленты по рулу. Струсила баба, созналась: „грѣшна, моя вина, говорить“. Сказывай, гдѣ деньги. Баба замялась. Я ей еще ленту. „Въ сестриной новой избѣ, подъ матицей лежать, въ чулокъ завернуты“. Я мигомъ въ Ярцево, взяль тамъ понятыхъ и съ ними отыскалъ деньги. Вогъ, какъ мы проїде орудовали. А нынче что, благочинный мнѣ четвертной подарилъ. (Череповец. у. Власовъ).

При большихъ кражахъ и съ большими подозрѣніями, но безъ ясныхъ уликъ, воровъ часто у насть заставляютъ сознаваться и отдать украденное. Такой случай былъ въ 1887 году у крестьянъ Пожеревицкой волости, деревни Заходня. Въ одну ночь пропало три лошади разныхъ домохозяевъ, нашлись „видаки“, которые видѣли проходившаго ночью по задворкамъ извѣстнаго въ той мѣстности конокрада, крестьянина деревни Бѣлятникова, Сорокинской волости, крестьяне не долго думая собрались всѣ и рѣшилиѣхать прямо къ вору: по дорогѣ они спрашивали не видѣли, что одинъ мужчина, чуть свѣтъ, вельз-хъ лошадей.

Описали и наружность, которая какъ-разъ подходила къ заподозреному вору. Щѣло гурбою подкатили они къ дому, изъ котораго въ это время вышла его хозяйка, растерявшаяся и блѣдная, и на вопросъ, гдѣ твой хозяинъ, объявила, что онъ вотъ уже

третій день на покосѣ. Но крестьяне ей не повѣрили и стали его искать по всемъ постройкамъ, но нигдѣ не нашли. Рѣшили было уходить. Только выѣхали они за деревню, какъ встрѣтили одну женщину которая шепотомъ и съ просьбою но выдавать ее сказала, что воръ дома и спрятался подъ печку. Крестьяне снова вернулись въ деревню, вошли все въ избу (ихъ было 15 человѣкъ) и стали требовать у хозяйки—указать мужа. Та стала отшираться, на что одинъ изъ понятыхъ сказалъ: давайте-ка ребята сами поищемте и если только найдемъ, то уже ему легче не будеть—посмотрите-ка подъ печкой“. Всѣ взяли зажги лучину; смотрѣли, смотрѣли ничего нѣть, принесли кочергу, начали ею шарить и въ одномъ углу нашули вора. Стали его честью просить выдти, но онъ не подавалъ голоса. Тогда одинъ крестьянинъ разыскалъ гдѣ то пожарный багоръ, зацепилъ имъ и хотѣлъ вытащить, но и тутъ воръ нейдетъ на немъ изорвали на куски всю рубашку и штаны, а все-таки вытащить не могли. Тогда уже рѣшили разломать печку, что и сдѣлали въ какихъ нибудь 15 минутъ и вора достали, и стали его допрашиввать, обѣщали пальцемъ до него не дотронуться, если только онъ укажеть лошадей, но тотъ на отрѣзъ отказался, говоря: „я и знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю“, а на вопросъ, зачѣмъ же ты спрятался подъ печку, онъ говорить: „боялся что меня будуть бить“. Многіе изъ крестьянъ не вытерпѣли, схватили его и начали бить, но толку не добились и начали уже по одному уходить, какъ вдругъ воръ сѣль на лавку и говорить „вы хоть меня на куски разрѣжьте, а коней вамъ своихъ не видѣвать“. Крестьяне разозлились за подобныя слова и снова начали его бить. Одинъ схватилъ багоръ и ударилъ его по ногѣ: нога сломалась пополамъ. Второй сломалъ руку, выбили глаза, свернули на сторону челюсть, однимъ словомъ искалѣчили, какъ только могли и со словами: „нажь коли такъ, помни насъ. Самъ раззорять не будешь добрыхъ людей и десятъ закажешь“, вышли изъ дома. Побитый на второй день

умеръ. Лошадей такъ и не нашли. Многіе изъ участниковъ въ дракѣ были посажены въ острогъ до суда. Ихъ судили окружнымъ судомъ, и только благодаря адвокату Корабчевскому, нанятыму за 500 рублей, ихъ оправдали.

Такой же случай былъ и въ деревнѣ Хмѣлевищахъ, Пажеревицкой волости. Одинъ крестьянинъ ночью услышалъ шорохъ около конюшни, сталъ всматриваться и видить, что воръ снимаетъ замокъ и когда послѣдній уже вошелъ въ конюшню, то хозяинъ живо заложилъ ее на защелку и сталъ кричать: „караулъ“. Собрались соѣди, и узнавъ въ чемъ дѣло, рѣшили поймать вора. Принесли огонь, обстутили конюшню, отперли дверь, нашли вора, забившагося подъ ясли и взяли его безъ всякаго сопротивленія. Послѣ этого стали рѣшать, что съ нимъ дѣлать. Нѣкоторые совѣтывали отправить его къ становому, а большая часть говорила: „ну что жъ становой, ну посадятъ его мѣсяца на три въ острогъ да и все онъ, поди еще больше будетъ красть, лавайте ка лучше сами его накажемъ“. „Ну давайте“. Только смотрите ребята, горазъ не бить чтобы не брать грѣха на душу и не быть въ отвѣтѣ, кладите-ка его на полъ вверхъ брюхомъ, да прижмите поплотнѣе колѣни, а я полѣшкомъ постукаю по пяткамъ, чтобы меныше ходили по чужимъ дворамъ. Такъ и сдѣлали: ударили полѣномъ по пяткамъ два раза, отчего воръ и до сихъ поръ безъ костылей ходить не можетъ, а въ судъ такъ и не пошелъ. (Псковск. г. Порохов. у. Куницынъ).

Въ 1885 году подъ масляницу у крестьянина Антона Еськова ночевалъ Вербниковскій крестьянинъ, нищий Романъ. Ночью Романъ укралъ десяти рублевую бумажку, которую онъ примѣтилъ, какъ прятала жена Антона, а на утро, поблагодарилъ хозяина „за теплую квартиру“, Романъ ушелъ. Послѣ завтрака Антонова жена хватилась денегъ и не нашла ихъ, Семья рѣшила, что деньги взялъ никто иной, какъ Романъ. Антонъ одѣлся поскорѣе и вмѣстѣ съ тестемъ пошелъ отыскивать Романа. Узнавъ, что Романъ направился

къ деревнѣ Муравлевой, Антонъ съ тестемъ пошли туда, отыскали Романа и стали у него спрашивать про деньги, но Романъ сказалъ, что онъ даже и въ глаза ихъ не видать и отказался идти въ Мѣшкову. Тогда Антонъ обратился къ Муравлевскому старостѣ. Староста далъ ему двухъ человѣкъ крестьянъ, связать Романа и доставить его до Мѣшковой. Антонъ съ тестемъ привели Романа прямо къ себѣ въ домъ. Въ домѣ Антонъ сталъ опять допрашивать Романа и уговаривать его отдать деньги. Романъ отказался незнаніемъ. Тогда Антонъ насилино разулъ Романа, вывель его на дворь и привязалъ къ столбу, поставивъ голыми ногами на снѣгъ. Романъ продолжалъ отпираться. Тогда Антонъ началъ стегать его кнутомъ по ногамъ и спрашивать: „Ради Бога скажи куда деньги дѣль“.— „Не мучь меня, отвяжи, я тада скажу“.— Антонъ съ Тарасомъ (тестемъ) отвязали его привели въ хату, развязали руки и Романъ полѣзъ на печку отогрѣваться. Антонъ сказалъ своимъ, чтобы они его не выпускали, пошелъ къ старостѣ и рассказалъ ему все, что случилось. Староста посовѣтовалъ накормить Романа селедками, запереть въ жарко выпопленную ригу и не давать ему воды, тогда онъ все разскажетъ. Видя, что съ Романомъ ничего не подѣлаешь по чести, Антонъ рѣшилъ слѣдить такъ, какъ его научилъ староста. Онъ принесъ двѣ селедки, нарѣзаль хлѣба и сталъ кликать Романа съ печки обѣдать: „иди, Романъ, пообѣдай. А то, ты небось Ѳѣсть захотѣлъ. Вотъ я не такой, какъ ты, видишь, селедочки тебѣ принесъ“. Романъ слѣзъ съ печи сѣль за столъ и началъ Ѳѣсть селедки. Антонъ приказалъ своему тестю пожарче выпотить ригу и, чтобы не выпустить духъ послѣ топки припереть ее. Поехъ селедки, Романъ запросилъ пить. Тогда Антонъ связалъ ему назадъ руки, кликнулъ трехъ человѣкъ сосѣдей и его повели въ ригу „париться“. Тарасть постарался выпотить ригу хорошо; было до того жарко, что духъ захватывало. Тогда рѣшились немножко выпустить духу, боясь, какъ бы не уморить Романа и не отвѣчать бы за него. Затѣмъ

втолкнули туда Романа и закутали за нимъ дверь на щеколду. Когда Романа „разобрало“ и слишкомъ захотѣлось пить, онъ началъ просить крестьянъ выпустить его. Ему отвѣчали, что до тѣхъ поръ не выпустятъ, пока онъ не скажетъ, куда дѣлъ деньги. Романъ заплакалъ и сталъ божиться, что не только онъ не бралъ деньги, но даже и въ глаза ихъ не видаль. Тогда одинъ изъ сосѣдей сказалъ Антону: „онъ ли еще деньги то взялъ. Не потерялъ ли ты ихъ самъ какъ нибудь“. Антонъ все рассказалъ. Тогда и крестьяне убѣдились въ виновности Романа, говоря: „Ишь какой крѣпкій. Тутъ бы отъ такой муки свои отдалъ деньги, а онъ не хочетъ отдать краденыхъ“. Романъ опять запросилъ о пощадѣ, но все еще упорствовалъ. Его крестьяне стали уговаривать, чтобы онъ покаялся, обѣщаючи не предавать суду и не доводить до острога. Романъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и заговорилъ: „не будете меня доводить до острогу“. „Нѣть только скажи“. — „Деньги я взялъ, выпустите меня поскорѣе на свѣжій воздухъ, а то я умираю отъ жары“. Антонъ приказалъ тестю принести Роману валенки, полушубокъ и велѣлъ ставить самоваръ. Романъ вылезъ изъ риги весь въ поту. Ему наложили валенки, накинули на голову полушубокъ и повели къ Антону въ хату. Придя въ хату, Романъ опять запросилъ пить. Антонъ сказалъ: „до тѣхъ поръ не дамъ тебѣ пить, пока не отдашь мнѣ деньги“. Тогда Романъ подошелъ къ своему зипуну, оторвалъ одну изъ заплатъ и вытащилъ оттуда завернутая въ тряпочку деньги. „На-те ваши деньги и простите меня. Одного рубля вы не найдете, я его истратилъ: накупилъ себѣ табаку, калачей, а остальную мелочь потерялъ“. Антонъ взялъ у него деньги, пересчиталъ ихъ и положилъ въ карманъ. Когда поспѣлъ самоваръ, Романа напоили чаемъ. Послѣ этого тестя Антона сходилъ за старостой и привезъ его для обсужденія, какое наложить на Романа наказаніе. Сначала хотѣли отправить Романа въ волость, но Романъ упросилъ крестьянъ не дѣлать этого. Тогда осудили его на 25 ударовъ ременнымъ кану-

томъ. Романъ на это согласился. Разложили его на скамьи, двое стали его держать, а одинъ началъ сѣчь кнутомъ. Послѣ наказанія Романа отпустили на все четыре стороны, но запретили ему въ теченіе трехъ лѣтъ показываться въ Мѣшковой, грозя его за это побить. Романъ ушелъ и съ тѣхъ поръ въ Мѣшковой ни разу не былъ послѣ наказанія.

Въ деревнѣ Ястребенкѣ (1882 г.) былъ такой случай. Въ Ястребенкѣ въ раздѣлѣ жили два брата Семенъ и Василій Родичкіны. Василій живетъ похоже Семена въ имущественномъ отношеніи черезъ пьянство и лѣнъ къ деревенской работѣ. Осенью Семенъ свезъ коноплю въ Орелъ и выручилъ сорокъ два рубля. Пріѣхавъ изъ города, Семенъ засталъ у себя брата Василія, который его дожидался, чтобы попросить деньженокъ на подати. Семенъ ему отказалъ, сказавъ, что у него у самого еще подати не уплачены. Василій сталъ къ нему приставать, но Семенъ наотрѣзъ отказалъ ему въ помощи и, отдавая женѣ деньги, приказалъ ей прибрать ихъ въ зеленый сундукъ. Василій разсердился на брата и сказалъ, что если онъ по чести не далъ денегъ, то онъ и самъ у него возьметъ, вышелъ изъ избы. На слѣдующее утро Семенъ, войдя въ горницу, увидѣлъ, что зеленый сундукъ отворенъ и изъ него все до чиста вынуто. Семенъ кликнулъ жену и оба начали искать денегъ, но денегъ не оказывалось; остальное же оказалось въ цѣлости. Семенъ прямо сказалъ женѣ, что это „обработалъ“ Василій. Придя къ Василію, Семенъ захватилъ его еще спящимъ на печкѣ. Услышавъ, что пришелъ Семенъ, Василій поднялся и началъ обуваться. „Братъ, говорить Семенъ, что же ты со мной слѣдалъ. Ай ты хочешь меня по міру съ лѣтми пустить. На что ты меня обокралъ“. Василій покраснѣлъ.—„Что ты въ умѣ или нѣть. Когда я тебя обокралъ“. Семенъ заплакалъ и сказалъ ему: „нынче ночью ты залѣзъ ко мнѣ въ горницу и вытащилъ деньги. Отдай ты мнѣ ихъ по чести, а то я осрамлю тебя“. Василій на-

чаль божиться и увѣрять брата, что онъ не бралъ у него денегъ. Тогда Семенъ отъ него пошелъ къ старостѣ и рассказалъ ему, что съ нимъ случилось. Рѣшили собрать нѣсколько человѣкъ стариковъ и сдѣлать такъ, чтобы онъ самъ сознался въ своемъ грѣхѣ. Къ Семену пришелъ староста и человѣкъ десять крестьянъ, осмотрѣли все какъ слѣдуетъ и убѣдились, что посторонній человѣкъ не могъ украдь денегъ, призвали Василія и стали его уговаривать, чтобы онъ сознался и не бралъ на свою душу „смертнаго грѣха“. Василій отказывался. Тогда одинъ изъ присутствующихъ сказалъ, что онъ шелъ изъ Башкиревой домой уже поздно вечеромъ, такъ что у всѣхъ были потушены огни, и проходя по дорогѣ мимо Семеновой горницы, видаль стоявшаго подъ окномъ Василія, который, при его приближеніи, спрятался за уголь горницы. Василій отперся, говоря, что онъ и изъ хаты нынѣшнюю ночь не выходилъ. Крестьянинъ подтвердилъ свое показаніе съ клятвою, но Василій опять отперся. Видя, что съ Василіемъ ничего по чести не подѣлаешь, крестьяне рѣшились произвести надъ нимъ допросъ. Прежде всего связали Василію назадъ руки, привязали къ столбу и начали сѣчь его кнутами, приказывая сознаться. Послѣ этого заперли его въ порожній амбаръ со связанными руками, съ цѣлью проморить его голодомъ. Василій въ амбарѣ просидѣлъ цѣлые сутки, но не признался. Тогда его привязали опять къ столбу и снова начали сѣчь. Въ это время въ Ястребенкѣ случился сотскій, котораго также пригласили уговорить Василія и привести къ сознанію. Сотскій сталъ уговаривать его, чтобы онъ сознался, обѣщаючи не доносить на него начальству, но Василій былъ непреклоненъ и стоялъ на своемъ. Тогда рѣшились подвергнуть его слѣдующему испытанію: затопили по „черному“ хату и когда набрался дымъ, перевязали Василія поперекъ возжами, ввинтили въ матицу два кольца, продернули туда возжи и подтянули Василія въ дымъ. Василій задыхался отъ дыма, но не со-

знавался. Когда Василію было слишкомъ тяжело, его опускали внизъ и давали отдыщаться, а потомъ снова поднимали вверхъ въ дымъ и допрашивали. Но и это не помогло. Василій ничего не ъѣлъ уже около двухъ сутокъ. Тогда рѣшились на послѣднее средство: накормить его соленымъ и не давать пить; накормили ветчиной, солеными огурцами, но пить не дали, а снова привязали въ избѣ къ столбу. Когда Василія стала мучить жажда, около него поставили кружку съ водою, но такъ, что онъ не могъ ея достать. Это еще болѣе возбуждало жажду, но Василій терпѣлъ и не соznавался. Такъ онъ простоялъ до самаго вечера. Видя, что съ Василіемъ ничего не подѣлаешь, рѣшились дать ему присягу и отпустить на волю. Вечеромъ его „подогнали“ къ клятвѣ безъ священника, а утромъ привезли священника, который долго его уговаривалъ, чтобы онъ сознался, доказывая ему, какой страшный грѣхъ тогда ложеть на его душу. Василій продолжалъ отпираться. Тогда священникъ сталъ готовиться дать Василію „страшную клятву“. Увидѣвъ на столѣ евангелие и крестъ, къ которымъ онъ долженъ приложиться въ знакъ своей невинности, Василій, перенесшій такія испытанія при пристрастномъ допросѣ и уже разъ поклявшійся, не выдержалъ этого и задрожалъ какъ „осиновый листъ“. Потомъ подозрѣвалъ къ себѣ брата Семена, шепнулъ ему на ухо: „выйдемъ на минутку“ и оба пошли вонъ изъ хаты прямо въ горницу. Въ горницѣ Василій сталъ передъ Семеномъ на колѣни, заплакалъ и сознался въ своемъ грѣхѣ, но при этомъ просилъ брата не срамить, какъ его, такъ и себя и весь ихній родъ, обѣщаясь больше не дѣлать этого и жить по прежнему честно. Семенъ обрадовался, что деньги находятся, а также и тому, что братъ покаялся, поднялъ его съ земли и сказалъ: „Богъ тебя простить и я тутъ же. Прости и меня, братъ, за то, что я мучилъ тебя и привелъ на срамъ“. Потомъ оба вмѣстѣ пришли въ хату, гдѣ былъ народъ и священникъ, и Семенъ, обращаясь къ священнику, ска-

залъ: „мой братъ не виновать въ этомъ дѣлѣ, а виновать я самъ. Деньги нашлися около сундука, мы ихъ съ женой извѣрное сами какъ нибудь вытряхнули“. Потомъ обращаясь къ Василію, при всѣхъ сказалъ ему: „прости меня, мой родной одноутробный братецъ. Я тебя зря терзаль“ и поклонился ему въ ноги. Василій заплакалъ навзрыдъ поднялъ Семена, поцѣловалъ его и сказалъ ему: „я самъ грѣшенъ, но видно, Богъ лучше нашего знать“. Присутствующіе, глядя на нихъ, не исключая и священника, пла-кали. Тогда оба брата подошли къ священнику, стали передъ нимъ на колѣни и сказали: „благослови насъ, батюшка, мы оба виноваты“. Священникъ ихъ благословилъ. Бывшіе въ избѣ крестьяне хотѣли было уходить домой, но Семенъ не пустилъ ихъ и сказалъ: „погодите, братцы. Вы были свидѣтелями нашей ссоры, будьте же свидѣтелями и нашего мира“. Крестьяне остались, а Семенъ, взявъ четвертную бутыль, сходилъ въ кабакъ и принесъ водки; потомъ посажалъ всѣхъ за столъ и сталъ угождать. Крестьяне разо-шлись отъ Семена уже „въ поздніе обѣды“. Послѣ этого братья продолжали жить мирно, не поминая другъ другу о случившемся.

§ 20. Показанія свидѣтелей.

Волостной судъ не ко всѣмъ свидѣтелямъ относится одинако-во и показаніямъ однихъ придаетъ болѣе вѣры, чѣмъ показаніямъ другихъ. Здѣсь необходимо различать, какъ смотрѣть судъ на различныхъ свидѣтелей, когда ихъ индивидуальные черты не имѣютъ отношенія къ разматриваемому дѣлу, и какое значеніе имѣть раз-личное отношеніе свидѣтелей къ данному именно дѣлу.

Прежде всего, безотносительно къ разматриваемому дѣлу, судъ, разумѣется, придаетъ больше вѣры тѣмъ свидѣтелямъ, которые, говоря обобщенно, представляютъ больше гарантій нравственной без-

упречности. Во первыхъ здѣсь играетъ роль то обстоятельство, что свидѣтель по своему поведенію и нравственнымъ качествамъ лично извѣстенъ судьямъ, а также то, что онъ не опороченъ по суду. Далѣе, имѣть значеніе и то, что данный свидѣтель по своему общественному положенію пользуется почетомъ и уваженіемъ. Такъ, болѣе вѣры придаетъ судъ лицамъ должностнымъ, особенно священнослужителямъ, засимъ солдатамъ, полицейскимъ чинамъ, старшинамъ, старостамъ и вообще сельскимъ должностнымъ лицамъ. Говорить, что должностные лица, присяжныя, лучше понимаютъ необходимость и обязанность давать правдивыя показанія. Засимъ, болѣе вѣры судъ придаетъ людямъ пожилымъ, зажиточнымъ, иногда занимающимся торговлею. Впрочемъ, оцѣнка свидѣтелей по ихъ состоятельности народнымъ мнѣніемъ нерѣдко признается ошибочною, „такъ какъ свидѣтели изъ людей бѣдныхъ, но честныхъ, а равно не занимающихъ общественные должности, даютъ суду большую частью правдивыя показанія и во всякомъ случаѣ справедливѣе торговцевъ, которые въ торговлѣ своей на каждомъ шагу, какъ говорится, обманываютъ народъ, употребляя для этого божбу, и уверяютъ, что они дѣло ведутъ честно“. (Орловск. губ. Кромск. у. Козловъ). Въ саратовской губерніи замѣчается, что суды въ видѣ общаго правила мало довѣряютъ свидѣтелямъ татарамъ. (Хвалынск. у. Мироновъ).

Суды различаются свидѣтелей, далѣе, смотря по ихъ отношенію къ разбираемому дѣлу. Прежде всего надо знать, въ какихъ отношеніяхъ находится свидѣтель къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ. Напримеръ, свидѣтель—родственникъ, когда онъ, вопреки мнѣнію другихъ свидѣтелей, выгораживаетъ обвиняемаго, имѣть весьма малое значеніе на судѣ; такое же значеніе имѣть свидѣтель, служащий у обвиняемаго хозяина. Наоборотъ, родственникъ, подтверждающій обвиненіе, оцѣнивается судомъ весьма высоко, ибо судъ въ этихъ случаяхъ признается, что жела-

иє показать правду въ немъ одержало верхъ надъ соображеніями родства и дружбы. Засимъ сосѣди или близкіе пріятели стороны, показывающіе въ ея пользу, требуютъ вообще болѣе осторожнаго къ себѣ отношенія суда. Въ народѣ встрѣчается стремленіе отводить такихъ свидѣтелей, но суды такихъ требованій не удовлетворяютъ, да и не имѣютъ на то права въ силу закона.—Въ дракахъ, нанесеніи разныхъ побоевъ, въ нарушеніи тишины и спокойствія, т. е. въ преступленіяхъ противъ 38 ст. устава—всегда и потерпѣвшіе, и обвиняемые, большою частью молодежь, выставляютъ въ качествѣ свидѣтелей своихъ товарищѣй. Вотъ къ показаніямъ такихъ свидѣтелей товарищѣй судъ относится крайне осторожно и даетъ больше вѣры показанію одного незainteresованного лица, чѣмъ показаніямъ десяти такихъ товарищѣй. (Новгородск. губ. Череповецк. у. Антиповъ).

Очень крупное значеніе для оцѣнки свидѣтеля имѣеть, конечно, его отношеніе къ факту, подлежащему доказыванію на судѣ. Свидѣтели очевидцы этого факта имѣютъ въ видѣ общаго правила несравненно большее значеніе, чѣмъ „послухи“. Вообще свидѣтельствъ—по слухамъ, придается мало значенія. Самъ народъ оцѣниваетъ достовѣрность слуховъ такими поговорками: не всякому слуху вѣрь, мірская волна, что морская волна, не стоить и говна,—какъ всему вѣрить, что слышишь, и семи дней не проживешь,—мало ли, что говорять, что и куръ доять, а у нихъ и титекъ нѣтъ. (Ярославск. губ. Баловъ).

Впрочемъ, при извѣстныхъ комбинаціяхъ суды и по слухамъ придаютъ значеніе: напримѣръ незainteresованный послухъ противъ заинтересованного или сомнительного съ нравственной стороны очевидца можетъ даже получить предпочтеніе. „На волостномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію торговцемъ своего работника въ оскорблѣніи дѣйствиемъ. Обвиняемый оправдывался тѣмъ, что хозяинъ первый нанесъ ему ударъ и онъ толкнулъ хозяина, охраняясь отъ

его ударовъ. Единственный свидѣтель происшествія былъ другой работникъ того же хозяина, который и показалъ въ пользу хозяина. Но обвиняемый выставилъ въ защиту себя еще другого свидѣтеля, мѣстного полицейского десятскаго. Послѣдній на судѣ заявилъ, что въ тотъ день, когда произошло столкновеніе между хозяиномъ и обвиняемымъ работникомъ, вечеромъ онъ встрѣтилъ свидѣтеля работника и онъ, разговорившись, рассказалъ, что хозяинъ, разсердившись на маслодѣла за какую то оплошность, началъ бить его и ударилъ разъ или два, но затѣмъ маслодѣль толкнулъ его настолько сильно, что тотъ полетѣлъ. Правдивый разсказъ послуха—полицейского десятскаго, такъ подѣйствовалъ на волостныхъ судей, что они оправдали обвиняемаго". (Ярославск. г. Баловъ).

Засимъ волостные суды придаютъ и нѣкоторое значеніе количеству свидѣтелей. Для доказательства извѣстнаго событія считается въ видѣ общаго правила желательнымъ выслушать двухъ или трехъ свидѣтелей, но при отсутствіи ихъ довольствуются и однимъ, лишь бы показаніе его было правдиво и ясно. Когда свидѣтели противорѣчать другъ другу, существуетъ иногда склонность суда принять мнѣніе, подтвержденное большинствомъ свидѣтелей (Костромск. губ. Макарьевск. у. Костино), хотя имѣющіяся на этотъ счетъ указанія настолько немногочисленны, что авторъ не признаетъ возможнымъ сдѣлать изъ нихъ обобщенного вывода. Очевидно, что общаго правила здѣсь быть не можетъ. Свидѣтели—живые люди, и въ каждомъ отдѣльномъ дѣлѣ свидѣтельскія показанія комбинируются различно по цѣлому ряду различныхъ признаковъ, а потому и для выводовъ изъ свидѣтельскихъ показаній трудно составить какой бы то ни было обобщенный шаблонъ.

§ 21. Свидѣтельства ближайшихъ родственниковъ сторонъ. Лица устранимые отъ дачи показаній.

Свидѣтельство дѣтей за или противъ родителей, и наоборотъ

родителей за и противъ дѣтей, въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ по об-щему правилу, народныхъ обычаемъ, не допускаются. Надо, однако, замѣтить, что таковъ обычай далеко не вездѣ.

Иное значеніе имѣть, конечно, вопросъ объ оцѣнкѣ, придава-емой судами подобнымъ показаніямъ. Нерѣдко замѣчается недовѣріе къ нимъ вообще. „Одинъ грѣхъ—путный сынъ или путная жена развѣ только на пыткѣ скажутъ правду. А если непутевые, стало быть имъ вѣрить нельзя“ (Орловск. губ. Хотынецъ, Сахаровъ). Бываетъ однако, что показанію сына за отца и наоборотъ судъ не вѣритъ, но зато придается вѣру показанію сына противъ отца. Нѣть сомнѣнія, что вывести какое либо общее пра-вило по этому вопросу, ввиду многочисленныхъ индивидуальныхъ особенностей каждого дѣла, представляется невозможнымъ. Есть, ко-нечно, случай, когда показаніе ближайшаго родственника имѣть существенное для дѣла значеніе и принимается судомъ во вниманіе, такъ сказать въ первую голову—именно когда тяжущимися являют-ся родственники между собой, а свидѣтелемъ лицо, находящееся въ одинаковой степени родства къ обоимъ тяжущимся и хорошо знаю-щее ихъ взаимныя отношенія.

Точно опредѣленныхъ правилъ формального характера относи-тельно недопущенія къ дачѣ свидѣтельскихъ показаній извѣстныхъ категорій лицъ въ волостныхъ судахъ, разумѣется, не существуетъ. Есть только извѣстные, болѣе или менѣе укоренившіеся, взгляды о лицахъ, которыхъ стремятся обыкновенно отводить, не допрашивать вовсе, или допрашивая, придавать имъ мало вѣры или принимать ихъ показанія во вниманіе лишь при совершенномъ отсутствіи дру-гихъ доказательствъ по дѣлу. Такими лицами признаются: умали-шенные и слабоумные; лица, бывшія сами подъ судомъ, отбывавшія наказаніе въ тюрьмѣ или вообще извѣстные своимъ безнравственнымъ поведеніемъ; пропойцы, иногда также лица, извѣстные тѣмъ, что по-стоянно выступаютъ свидѣтелями по всевозможнымъ дѣламъ, какъ бы

въ видѣ промысла; явившіеся пьяными въ засѣданіе суда; наконецъ, не всегда, ближайшіе родственники участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

§ 22. Уклоненіе отъ свидѣтельства въ судѣ.

Стремленіе крестьянъ уклоняться отъ дачи свидѣтельскихъ показаній на судѣ—явленіе общераспространенное. Притомъ, уклоненіе тѣмъ болѣе, чѣмъ выше и дальше судебная инстанція, разматривающе дѣло. Пословица, которая въ этомъ отношеніи на полномъ ходу среди крестьянъ, не: „знайку въ судѣ ведутъ“, а наоборотъ „незнайка на печкѣ лежить, а знайка по дорожкѣ бѣжитъ“ (Орловск. губ. Кромск. у. Козловъ, Саратовск. губ. Хвалынск. у. Мироновъ, Вологод. губ. Хмѣловск. у. Шустъковъ и др.). Причины подобного уклоненія, главнымъ образомъ, сводятся къ нежеланію создавать непріязненные отношения съ той изъ сторонъ въ дѣлѣ, противъ которой приходится давать показанія, а иногда къ боязни мести; съ другой стороны крестьяне не любятъ тратить время на хожденіе по судамъ, особенно, когда они не получаютъ за это вознагражденія. Бываетъ, конечно, что въ крупныхъ уголовныхъ дѣлахъ крестьяне боятся погубить заподозрѣнного и потому уклоняются отъ показанія. Иногда же они боятся быть поставленными съ обвиняемымъ на одну доску или оказаться привлеченными къ дѣлу. „Слово—слово, а молчаніе серебро. Доказчику свидѣтелю—первая палка. Покажешь на другого, покажутъ и на самого. Лучше дважды промолчать, чѣмъ однажды показать. Показать правду—будетъ обижаться обвиняемый, а другой и отомстить. Дать показаніе въ пользу подсудимаго—надо душой кривить да обидѣть и потерпѣвшаго, который и безъ того обижень обвиняемымъ. Передъ сосѣдями тоже неловко: вѣры не будетъ. Однимъ словомъ, куда ни кинь—все клинъ“. (Новгородск. губ. Черепов. у. Антиповъ).

Нерѣдко бываетъ, что во время ссоры и драки между крестьянами очевидцы нарочно прячутся, дабы потомъ не быть привлеченными въ качествѣ свидѣтелей. Есть данные, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщинамъ и дѣвушкамъ считается особенно непригожимъ выступать свидѣтельницами. (Орловск. у. Костинъ, Кромск. у. Козловъ). Есть, однако, и такие крестьяне, которые нарочно выбѣгаютъ на улицу и стараются показаться на глаза, чтобы ихъ увидали и пригласили въ свидѣтели, чтобы „напиться водочки и поѣздиться на чужихъ лошадяхъ“. Такихъ людей умные крестьяне называютъ бездомовниками, а если кого-нибудь изъ умныхъ крестьянъ зовутъ въ свидѣтели, онъ говоритъ: „избавь меня, братъ, отъ этого. Вонъ пригласи Ваську, ему дома дѣлать нечего, а выпить онъ любить“. (Орлов. губ. и у. Костинъ).

§ 23. Подкупъ и подпаивание свидѣтелей.

Подкупы и подпаивание свидѣтелей представляютъ собою обще-распространенное явленіе, признаваемое всѣми безъ исключенія изслѣдователями вопроса. Свидѣтелей подпаиваютъ какъ для того, чтобы они явились въ судъ, такъ и для того, чтобы дали показаніе, соотвѣтствующее интересамъ данной стороны. Въ большинствѣ случаевъ подпаивание производится открыто и народъ смотритъ на него снисходительно и хладнокровно. Указаніе на строгое осужденіе народомъ подобного подпаивания сравнительно рѣдки и должны быть признаны единичными. Привожу характерный разсказъ, свидѣтельствующій о замѣчательной, беззастѣнчивой откровенности этого обычая. „Когда земскій начальникъ началъ допрашивать свидѣтелей обвиняемаго, потерпѣвшій сказалъ: В. В., я вамъ заявляю, что Иванъ всю дорогу поилъ своихъ свидѣтелей водкой и кормилъ ихъ. А потому я подозрѣваю ихъ, что они накуплены. Земскій начальникъ сказалъ грозно Ивану:—ты какъ смѣль подпаивать свидѣтелей

водкой.—Спросите у нихъ, В. В., отвѣчалъ Иванъ, указывая на свидѣтелей.—Вы какъ смѣли пить съ подсудимаго могарычъ.—Какъ же онъ не поднесетъ намъ винца, когда мы побросали все дѣла и пришли сюда. Развѣ онъ заплатилъ намъ за это деньгами. А кормить и поить онъ обязанъ настъ, по своему дѣлу мы свои харчи беремъ, а по чужому дѣлу, если идемъ, то мы своихъ харчей не беремъ, и настъ кормить тотъ, кто пригласиль.—Чтобы впередъ этого не было, сказалъ земскій, я за это виноватыхъ буду сажать подъ арестъ.—Позвольте Вамъ заявить, В. В., если въ свидѣтели идти и черезъ это свое дѣло терять, да еще и свои харчи съ собою несть, значить нужно идти не за доброе слово, то тогда ни одинъ человѣкъ не пойдетъ въ свидѣтели. Это я вамъ вѣрно говорю, сказалъ одинъ изъ свидѣтелей. Земскій начальникъ за такое смѣлое сужденіе посадилъ говорившаго на три дня подъ арестъ при волостномъ правлениі". (Орловск. у Костинъ).

§ 24. Присяга сторонъ, какъ особое доказательство и свидѣтелей въ удостовѣреніе правдивости ихъ показаній. Обрядъ присяги. Присяга въ удостовѣреніе мировой сдѣлки.

Въ волостныхъ судахъ ни стороны, ни свидѣтели къ присягѣ не приводятся. Въ неофиціальныхъ крестьянскихъ судахъ также присяги, въ формальномъ смыслѣ слова, не бываетъ. Однако, божба и клятва какъ сторонъ, такъ и свидѣтелей на практикѣ встрѣчается. Волостные суды не призываютъ и не предлагаютъ ни сторонамъ, ни свидѣтелямъ прибѣгать къ подобной божбѣ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ допускаютъ ее, когда тяжущійся или свидѣтель прибѣгаетъ къ ней по собственному почину. Такъ, иногда практикуется снятіе со стѣны иконы и цѣлованіе ея, а также другие виды божбы. Въ неофиціальныхъ крестьянскихъ судахъ божба

и клятва практикуется гораздо чаще и служить доказательствомъ въ пользу стороны, которая къ ней прибѣгаетъ.

Что касается самой формы употребляемой въ крестьянскихъ судахъ божбы, то въ большинствѣ случаевъ она сводится къ призыву клянущимся на самого себя или своихъ дѣтей всевозможныхъ бѣдъ въ случаѣ ложности показанія. „Порази меня Господи, если вру. Убей меня, Господи. Не допусти меня дожить до завтрашняго дня. Ослѣни меня, Господи. Мать Пресвятая Богородица, разрази мою грѣшную утробу, если вру. Отсуши, Господи, мои руки и ноги. Лопни мои глаза. Лопни мое чрево. Отсокни языкъ. Провались я на этомъ мѣстѣ. Почекнѣй я, какъ земля. Не видать мнѣ Божь-яго храма. Не видать мнѣ бѣлого свѣту. Не видать мнѣ дѣтей моихъ“. (Кромск. у. Козловъ, Смоленск. г. Юхновск. у. Кушно-ревъ и др.) Женщины говорять: „чтобы мнѣ не разродиться“ (напр. Костромск. г. Макарьевск. у. Костино). Есть и такая форма клятвы: „ставится въ сутки ощепокъ луцины и обвиняемый пе-рель иконой, положивъ три земныхъ поклона, громко и отчетливо произносить: какъ этотъ ощепокъ изжарило и изсушило, жаромъ, такъ чтобы и меня свернуло и скорчило, если это правда и я ви-новатъ“. (Костромск. г. Ветлужск. у. Кузнецовъ).

Привожу еще два характерныхъ рассказа объ обрядахъ очи-стительной клятвы.

Обрядъ присяги свидѣтелей и другихъ подобныхъ лицъ совер-шается такъ: Кладутъ на столъ покрытый бѣлой холстиной, икону, крестъ и ставить чашку съ святою водою; къ иконѣ прильпляютъ свѣчу желтаго воску. Тотъ, кто желаетъ принять присягу, подхо-дить къ столу, дѣлаетъ три земныхъ поклона и цѣлуясь икону съ крестомъ, послѣ этого онъ дѣлаетъ поклоны присутствующимъ на три стороны. А потомъ начинаетъ излагать свои показанія. Когда онъ кончить, то его спрашиваютъ: „вѣрно ли, что ты сказалъ?“ Тогда присягающій говорить: „вотъ эта икона и святой крестъ мои

свидѣтели, что я сказалъ правду“,—и цѣлуетъ крестъ и икону, а потомъ выпиваетъ изъ чашечки три глотка святой воды. Если кто во время присяги сокрѣтъ, когда онъ будетъ цѣловать крестъ и икону, то у него перекосится лицо, а когда станеть пить святую воду, то отнимется языкъ. Поэтому ложные свидѣтели никогда не принимаютъ присяги, а тому, кто присягнеть, крестьяне вѣрять. (Пензенск. г. Краснослободск. у. Н. Архангельскій).

Въ Мошковской волости обстановка присяги бываетъ разная, глядя по тому, въ какомъ преступлѣніи виновный заподозрѣнъ и т. п. Свидѣтелямъ бываетъ осбая присяга. Когда крестьяне заподозрятъ кого нибудь въ кражѣ сѣна на лугу, во время сѣнокоса, то заставляютъ подозрѣваемаго поклясться въ свое оправданіе въ знакъ невинности, такъ: виновнаго становить на правое колѣно и приказываютъ ему поднять правую руку кверху съ клочкомъ сѣна того крестьянина, у котораго оно пропало и сказать: если укралъ у Егора конну или охапку сѣна съ луга, то чтобы мнѣ позеленѣть зеленѣе пропавшей травы. Чтобы у меня скотина подавилась тѣмъ клокомъ сѣна, который я укралъ у Егорки. Чтобы мнѣ черезъ годъ засохнуть, какъ твое пропавшее сѣно, если я его укралъ у тебя. Послѣ такой клятвы подозрѣваемый дѣлаетъ три земныхъ поѣдона, снимаетъ съ шеи крестъ и цѣлуетъ его. Когда крестьянинъ такъ клянется, то его отпускаютъ и болѣе уже къ нему не пристаѣтъ. Эта клятва бываетъ не при полномъ сходѣ крестьянъ, а въ присутствіи только сельского старосты и ближнихъ сосѣдей менѣе шести человѣкъ. Когда крестьяне заподозрятъ кого либо въ воровствѣ домашнихъ вещей (одежды, сундуковъ, хомутовъ, телѣгъ, саней) и подозрѣваемый согласится принять оправдательную присягу, то собираютъ, по возможности, полный сельскій сходъ къ общественной квартирѣ, куда и приводятъ подозрѣваемаго. По срединѣ хаты становятъ столъ, накрываютъ его чистой скатертью, кладутъ на столъ икону и староста, обращаясь къ подозрѣваемому говорить:

покайся Иванъ, пока не поздно, за ложную клятву тебя Господь непремѣнно покараетъ и на этомъ и на томъ свѣтѣ. Грѣшно врать передъ всѣмъ обществомъ и передъ ликомъ Божіимъ. Признайся и мы тебя простили.—Когда подозрѣваемый все таки будетъ оправдываться, тогда староста опять начинаетъ его уговаривать, какъ и прежде и рассказывать при этомъ страшные разсказы—какъ Богъ наказываетъ за ложную клятву, желая его застрашать и привести къ собственному сознанію. Если и это не помогаетъ, тогда староста приказываетъ подозрѣваемому разуть правую ногу и становить его къ столу, напротивъ иконы. Голову подозрѣваемому накрываютъ бѣлымъ полотенцемъ, въ руки даютъ зажженную свѣчу: вокругъ его становятся крестьяне въ глубокомъ молчаніи. Нарушать тишину строго воспрещается и нарушителя немедленно выгоняютъ вонъ изъ хаты и нерѣдко штрафуютъ. Когда въ избѣ водворится тишина, староста громогласно спрашиваетъ у подозрѣваемаго: Ты укралъ (у того-то вотъ то-то), кайся.—Я не краль и готовъ покляться,—отвѣчаетъ тотъ.—Тогда всѣ присутствующіе въ хатѣ, какъ одинъ человѣкъ, кричатъ: клянись, а мы съ тебя снимемъ подозрѣніе.—Подозрѣваемый громко и отчетливо говорить: если я укралъ у того-то вотъ то-то, то накажи меня Господи, Царица Небесная, самыми лихими наказаніями.—Отсюда у меня руки, если я ими бралъ. Отнимись у меня ноги, если я несъ краденое. Не увидь я свѣта бѣлага, солнышка яснаго, родимыхъ дѣтушекъ (если подозрѣваемый холость, то говорить—родного отца съ матерью). Я не виноватъ и въ знакъ этого клянусь, клянусь, клянусь.—Когда подозрѣваемый такъ поклянется, всѣ крестьяне кричатъ: оправданъ, оправданъ.—Послѣ этого всѣ отходятъ отъ стола и подозрѣваемый со свѣчей въ правой рукѣ—три раза обходить вокругъ стола, потомъ дѣлаетъ передъ иконой три земныхъ поклона и цѣлууетъ ее, говоря громко: Ты, Господи, все видѣшь и знаешь: виновника накажи, а меня прости. А если я виноватъ, то накажи

меня втрое строже за мое отпирательство. Потомъ клянется въ поясъ крестьянамъ два раза и тушить свѣчу, говоря: какъ потухла эта свѣчка, такъ потухни и моя жизнь, если я виновенъ въ кражѣ. — Съ этимъ клятва за воровство прекращается. Полотенце, которымъ виновникъ былъ покрытъ во время клятвы, отдается старостѣ, а староста передаетъ его въ церковь. Если полотенце было чужое, то за него подозрѣваемый долженъ заплатить деньги. Когда крестьяне подозрѣваютъ кого нибудь въ кражѣ сала, ржи, мяса и т. п., вообще въ сѣйствныхъ припасахъ, то обстановка присяги бываетъ та же, что и при кражѣ домашнихъ вещей, только подозрѣваемый клянется такъ: если я укралъ сало (или еще что), то подавись я этимъ кускомъ поперхнись, пройми меня кровяной поносъ; чтобы я до вѣку не наѣдался и постоянно былъ голоденъ. Когда подозрѣваютъ кого въ конокрадствѣ, то присяга бываетъ при полномъ сельскомъ сходѣ и не въ хатѣ, а на улицѣ. Подозрѣваемаго ставятъ въ кругъ, приказываютъ поднять обѣ руки вверхъ и сказать: если я укралъ лошадь, то будь я проклятъ сквозь тарь-тарары, провались я и не зацѣшишь. Чтобы у меня потемнѣли глаза темный темной ночи. Чтобы моя жена не разродилась и были бы мои лѣти калѣками. Послѣ этого подозрѣваемаго ведутъ въ хату, зажигаютъ передъ образами свѣчи и онъ долженъ положить передъ иконами три земныхъ поклона и сказать: если я укралъ лошадь у того то, то дай Господи не видать мнѣ своихъ лошадей на дворѣ (не видать, значитъ, онъ у него будутъ окольеваться). Съ божница снимаютъ икону и онъ долженъ къ ней приложиться. Свидѣтелямъ дается слѣдующая присяга: приводяще его въ хату, ставятъ передъ иконами на колѣни, заставляютъ поднять правую руку кверху и староста у него спрашивается: говори сущую правду передъ иконами Божими: видаль ты какъ Гришка воровалъ или вѣть. Свидѣтель громко говорить: видаль.—Староста опять у него спрашивается: можетъ быть ты на него говоришь по злобѣ, желая ему отомстить за свою обиду,—свидѣтель отвѣчаетъ:

я не желал на него клеветать, а что видѣлъ, то и буду говорить. Я говорю не вамъ, а Господу Богу и за неправду меня Господь покараетъ.—Если ты скажешь сущую правду, то поклянись по закону христіанскому, какъ намъ завѣщали наши отцы, дѣлы и праѣды.—Свидѣтель клянется: если я не видалъ, какъ Мишка воровалъ, то чтобы мнѣ ослѣпнуть, а если я на него клевещу, то чтобы мнѣ сѣль тицунь на языкъ и меня бы перекосоротило.—Такъ онъ долженъ сказать до трехъ разъ. Послѣ этого свидѣтеля заставляютъ публично разсказать, что онъ видѣлъ. Послѣ разсказа свидѣтель прикладывается къ иконѣ и присяга кончается. Такая обстановка присяги бываетъ въ Мѣшковой, въ Людскомъ, въ Воробьевкѣ. Въ деревняхъ Ястребенкѣ и Суворовкѣ обстановка присяги имѣеть разницу и бываетъ одна и та же клятва во всѣхъ случаяхъ. Подозрѣваемаго разуваютъ, накрываютъ голову скатертью, даютъ въ руки свѣчу, приводятъ прежде въ одну хату, въ которой долженъ быть накрытъ столъ и на столѣ лежитъ комъ земли. Подозрѣваемый беретъ комъ земли въ руку и говорить: если я виноватъ въ этомъ, то почернѣй, какъ эта земля матушка, хлѣбородица.—Изъ этой хаты подозрѣваемаго ведутъ въ другую, гдѣ даже бываетъ накрыть столъ, а на столѣ лежитъ икона. Подозрѣваемый говорить: если я виновенъ, то накажи меня Господи всѣми изпастями и муками—и прикладывается къ ней. Отсюда его водутъ въ третью хату и въней на столѣ, въ чашкѣ воды, стоитъ поклонный крестъ, а по бокамъ его три свѣчи. Подозрѣваемый становится передъ крестомъ на колѣни, поднимаетъ правую руку вверхъ вмѣстѣ съ комкомъ земли и говорить: если я виноватъ то когда стану єсть этотъ комокъ, чтобы я имъ подавился. Сказавъ это, онъ начинаетъ єсть комокъ, а крестьяне на него пристально смотрятъ и замѣ чаютъ, что онъ давится или нѣтъ. Съѣвъ комокъ земли, подозрѣваемый опять говорить: если я виноватъ, то чтобы я захлебнулся водой, въ которой стоялъ животворящий крестъ Господень.—И начинаетъ пить воду.

Послѣ этого берутъ одну свѣчу отъ Креста и, водя ею по рукѣ, говорить: если я виноватъ, то включись въ меня антоновъ огонь. Потомъ береть вторую свѣчу и водить ею по лбу, приговаривая: если я виноватъ, то обезумѣй я. Сожги мою головушку адскій огонь, лиши этого, лиши того. Наконецъ подозрѣваемый береть третью свѣчу и водить ею по голымъ ногамъ, говоря: если я виноватъ, то чтобы въ мои ноги включился антоновъ огонь и я бы обѣубожиль.—Сдѣлавъ все это, подозрѣваемый встаетъ съ колѣнъ, береть въ руки крестъ, цѣлуетъ его и говорить: накажи меня, Господи, тѣми наказаніями, которыя я самъ себѣ назначилъ. Если же я не виноватъ, то оправь меня, Господи, какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ. Аминь.—Потомъ поставилъ крестъ опять въ чашку съ водой, подозрѣваемый обращается къ народу, а въ особенности къ старостѣ, и говорить съ поклономъ: видѣли мою клятву страшную, которую я дѣлалъ въ знакъ своей новинности, или не видѣли.—Всѣ что ни есть силы кричать и обязательно въ одинъ голосъ: видѣли. Считаете теперь меня виновнымъ или нѣть,—продолжаетъ допрашиваться подозрѣваемый.—Не считаемъ—дружно отвѣчаютъ крестьяне.—А если не считаете, то снимите съ меня позоръ, смертельное покрывало. Староста подходитъ къ подозрѣваемому и снимаетъ съ его головы скатерть. Какъ только староста снимастъ скатерть, всѣ крестьяне, какъ одинъ человѣкъ, низко кланяются подозрѣваемому, а староста говорить: отъ всѣхъ присутствующихъ, прошу у тебя прощенія за сдѣланное тебѣ оскорблениe. Подозрѣваемый отвѣчаетъ: для меня это оскорблениe не велико, а потому я вѣсть прощаю, Богъ съ вами. Послѣ этого всѣ крестьяне выходятъ наружу и кричать: невиненъ, невиненъ, а потомъ расходятся по домамъ. Когда подозрѣваемый принялъ такую страшную присягу, то его никто не имѣеть права оскорбить, а тѣмъ болѣе попрекнуть тѣмъ, за что онъ въ свое оправданіе принялъ присягу. Только тѣхъ которые вздумаютъ попрекать подозрѣваемаго,

крестьяне усмиряютъ наказаніями. (Орловск. губ. и уѣздъ, Костинъ).

Присяга, какъ средство удостовѣренія мировой сдѣлки ни въ волостныхъ, ни въ офиціальныхъ крестьянскихъ судахъ не употребляется. Она, однако, возможна и употребительна въ неофиціальныхъ судахъ, какъ средство доказательства, а потому—какъ основаніе для заключенія мировой сдѣлки; такъ напримѣръ присяга отвѣтчика въ томъ, что онъ не долженъ, или обвиняемаго, что не совершилъ приписываемаго ему, нерѣдко водить къ добровольному отказу истца или обвинителя отъ своихъ требованій. (Новгор. губ. Тихв. у. Закатовъ, Орловск. губ., Кромск. у. Козловъ, Орловск. у. Михеевъ).

Есть, впрочемъ, единичное указаніе объ употребленіи третейскимъ судомъ, по взаимному согласію сторонъ, присяги въ качествѣ мировой сдѣлки. Это бываетъ при решеніи земельныхъ споровъ между отдѣльными лицами и цѣлыми обществами. Случается, что границы между двумя участками земли нѣтъ, межевые знаки уничтожены. Тогда третейскій судъ предлагаетъ кому нибудь съ землей пройти предполагаемой межею. Тотъ береть земли на голову или въ пазуху и со словами: пусть эта земля покрѣсть меня, если буду указывать неправильно—проходить. Линія эта считается уже межею безспорною и на ней лѣжаютъ новые межевые знаки. Не каждого человѣка допускаютъ до такой присяги, не каждому довѣрять провести новую межу, а только такому, въ правильности показанія котораго увѣрены. (Нодгородск. г. Черепов. у. Антизовъ).

§ 25. Лжеприсяга и лжесвидѣтельство. Отношеніе къ нему народа.

Ложное свидѣтельство считается народомъ наиболѣе преступнымъ тогда, когда оно дается подъ присягой. Съ лжеприсягой свя-

зывается неизменное представление о последующей за ней карой Божией. Можно привести безчисленное количество рассказов о томъ, какъ за лжеприсягу виновные были жестоко наказаны Богомъ. „Съѣсть присягу“ считается, такимъ образомъ, величайшимъ грѣхомъ. Привожу некоторые характерные рассказы.

Вотъ фактический случай: крестьянинъ Петръ Передѣльскій, купилъ у крестьянина Михайлы Ермольева лошадь, но денегъ не отдалъ, обѣщаясь при свидѣтеляхъ отдать черезъ двѣ недѣли Проходить недѣля, проходитъ и другая, Петръ не платить. Когда Михайло сталъ настойчиво требовать свои деньги, то Петръ собралъ въ кабакъ своихъ свидѣтелей при продажѣ лошади, напоилъ ихъ водкой и сталъ просить, чтобы они сказали, что онъ отдалъ деньги за лошадь тутъ же на дворѣ у Михайлы, прямо ему въ руки. Кроме угощенія Петръ каждому свидѣтелю обѣщался дать по десять рублей. Свидѣтели сначала не соглашались, потому, что хорошо знали, что безъ присяги дѣло не обойдется. Тогда Петръ имъ сказалъ, что весь грѣхъ снимаетъ на себя. Свидѣтели согласились. Михайло, видя, что Петръ желаетъ затаить деньги, собралъ сходку. Свидѣтели сказали утвердительно, что Петръ при нихъ отдалъ деньги за лошадь, еще на дворѣ. Услышавъ объ этомъ, крестьяне не могли понять, кто правъ, кто виноватъ. Рѣшено было дать всѣмъ присягу и свидѣтелямъ и тяжущимся. Когда всѣ приняли присягу, крестьяне сказали, что не могутъ ихъ разсудить въ этомъ дѣлѣ и позволяютъ Михайлѣ подавать куда угодно. Михайло подалъ въ волостной судъ. Но на волостномъ судѣ Петръ говорить, что отдалъ деньги. Судъ оставилъ дѣло безъ послѣдствій. Прѣхавъ домой, Михайло опять собралъ сходку и попросилъ крестьянъ дать Петру и свидѣтелямъ послѣднюю самую страшную клятву, къ которой крестьяне прибѣгаютъ только въ крайнемъ случаѣ, когда нельзя этого миновать, а потому такая присяга и бываетъ рѣдко. Крестьяне подумали немного, посовѣтовались между собою и рѣшились исполнить просьбу Михайлы.

Дали знать объ этомъ Петру и свидѣтелямъ, тѣ сначала отказывались, говоря, что ихъ разсудилъ волостной судъ и они не имѣютъ права ихъ принуждать ко вторичной присягѣ, но крестьяне заявили имъ, что если они не примутъ вторичной присяги, то общество будетъ ихъ считать за виновныхъ и потребуетъ уплаты денегъ. Петръ и свидѣтели должны были покориться. Самая страшная присяга состояла въ томъ, что на подозрѣваемыхъ надѣли саваны, въ которыхъ хоронять мертвцовъ, дали въ руки имъ зажженныя свѣчи, въ такомъ видѣ провели ихъ по улицѣ. Въ концѣ деревни поставили столъ и на столѣ положили икону и поклонный крестъ. Подозрѣваемыхъ во лжи вели по деревнѣ тихимъ шагомъ, а сзади нихъ шли некоторые женщины и голосили и причитывали какъ по покойникамъ. Это дѣлаютъ въ нашей мѣстности для того, чтобы напомнить подозрѣваемымъ о смертельномъ часѣ и настраивать ихъ, чтобы они добровольно сознались и не доводили бы дѣло до клятвы. Когда подозрѣваемыхъ вели по деревнѣ то они дрожали отъ страха, но не сознавались. Привели къ столу и поставили противъ иконѣ. Староста въ послѣдній разъ допросилъ подозрѣваемыхъ, усвѣщаюЩихъ сознаться. Тѣ на отвѣтъ отказались. Тогда имъ велѣли произнести слѣдующія слова: Передъ истиннымъ Богомъ и Его животворящимъ крестомъ клянемся мы, что Петръ заплатилъ Михайлѣ за лошадь всѣ деньги сполна. Если мы неправду говоримъ — накажи насъ Господи самой лютой карой и выведи нашъ поступокъ наружу. Въ знакъ своей невинности цѣлуемъ ликъ Спасителя и Его животворящій крестъ. Аминь. Подозрѣваемые поцѣловали икону и крестъ и покидали съ себя саваны. Тогда одинъ изъ крестьянъ взялъ саваны и надѣлъ ихъ на Михайлу, а потомъ его въ этомъ нарядѣ повели по двору. Это сдѣлали въ знакъ того, что Петръ и свидѣтели остались невинны и весь страмъ палъ на клеветника Михайлу. Деньги Петръ не отдалъ и выдалъ обѣщанную награду своимъ лжесвидѣтелямъ. Хотя Петръ и его свидѣтели оправдались въ глазахъ

народа присягой, но все таки крестьяне были убеждены, что Михаила зря не будет жаловаться и что Петръ съ свидѣтелями слопали присягу понапрасно. Черезъ три недѣли послѣ присяги Петръ захворалъ и въ скорости умеръ, не успѣвъ даже принять Святыхъ Тайнъ. Потомъ захворалъ Сергѣй и лишился языка, у Николая отнялись руки и ноги, у Ермолая правая рука и лѣвая нога (это фактъ, за который я ручаюсь). Всѣ крестьяне заговорили въ слухъ, что ихъ Господь наказываетъ своей карой за лжеприсягу. Нѣкоторые изъ умныхъ набожныхъ стариковъ стали ходить по больныхъ и уговаривать ихъ покаяться въ своихъ тайныхъ грѣхахъ. Прежде всего на это согласился Николай, а потомъ Ермолай и послали за священникомъ. Священникъ прѣѣхалъ къ Николаю и Николай ему покаялся, что его Господь наказываетъ за лжесвидѣтельство, также покаялся и Ермолай. Когда священникъ уѣхалъ, то Николай и Ермолай велѣли собрать крестьянъ и когда они собирались, то публично передъ всѣми покаялись, въ своемъ грѣхѣ. Крестьяне ужаснулись и стали совѣтовать виновнымъ служить молебны и т. п. Тѣ такъ и сдѣлали, но облегченія не получили: До самой смерти остались колѣками. Этотъ фактический случай до того настраивалъ крестьянъ, что они лѣтъ десять боялись не только принимать вышеозначенную присягу, но и просто божиться напрасно. Этотъ случай извѣстенъ во всей нашей мѣстности и крестьяне очень хорошо и по сіе время помнятъ его. (Орловскій у. Костинъ).

Лѣтъ 10-ть назадъ одинъ крестьянинъ сельца Змievки, Сорокинъ, когда жену его вызывали въ судъ въ качествѣ свидѣтельницы по дѣлу о кражѣ однимъ сосѣдомъ у другого пеньки съ огорода, приказывалъ ей не говорить на судѣ правды о томъ, что она дѣйствительно видѣла, какъсосѣдъ воровалъ у другого пеньку, а приуждалъ показать, что она кражи этой не видѣла и по этому дѣлу ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдастъ.—Жена его послушалась и на судѣ показала, что онъ ей приказалъ. Но потерпѣвшій,

заподозрѣвъ, что она дала на судѣ ложное показаніе, по приказанію своего мужа, который къ тому же былъ на нее сердить, предложилъ ей свидѣтельницѣ побожиться на судѣ же, мужемъ своимъ и она послушалась, побожилась такъ, я если неправду показала по этому дѣлу, то дай Богъ мнѣ не видѣть своего мужа. Вскорѣ послѣ этого мужа этой свидѣтельницѣ Богъ наказалъ: онъ заболѣлъ и умеръ, а жена жива, здорова и по сейчасъ вдовствуетъ. Значить Богъ простилъ ей грѣхъ за ложное показаніе на судѣ, коли она была принуждена къ тому своимъ мужемъ, а уже покаралъ его самого потому, что главнымъ виновникомъ передъ Богомъ является онъ. (Орловск. г. Кромск. у. Козловъ).

Отношеніе народа къ лжесвидѣтельству безъ присяги гораздо болѣе смиходително. Ложныя показанія въ волостныхъ судахъ— явленіе широко распространенное. Причиной ложныхъ показаній въ этихъ случаяхъ можетъ быть подпаиваніе, иногда пріятельскія отношенія къ одной изъ сторонъ, или боязнь мести со стороны участвующаго въ дѣлѣ лица. Нѣсколько серьезнѣе отношеніе народа къ показаніямъ, которая приходится давать земскому начальнику или мировому судѣ съ предупрежденіемъ о присягѣ, т. е. съ обѣщаніемъ въ случаѣ дальнѣшаго требованія подтвердить данное показаніе подъ присягой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, впрочемъ, ложное показаніе при такихъ обстоятельствахъ не считается грѣхомъ, чѣмъ и объясняется то, что когда свидѣтелю дѣйствительно приходится повторять то же показаніе подъ присягой въ съѣздѣ, онъ измѣняетъ его. (Вологодск. г. Кадник. у. Диляторскій).

Можно впрочемъ, указать на случаи, когда ложное показаніе даже подъ присягой не считается грѣхомъ: напримѣръ, когда ложное показаніедается съ цѣлью оправдать лицо, фактически невиновное или мало виновное въ преступленіи. (Тамбовск. г. Елатомск. у. Кондрашовъ, Саратовск. г. Хвалынск. у. Мироновъ, Смоленск. г. Вяземск. у. Титовъ) или напримѣръ, когда ложное показаніе дается

какъ бы изъ товарищескаго чувства солидарности, напримѣръ цѣлью рядомъ односельчанъ съ цѣлью выгородить сосѣда, особенно тогда, когда совершенный имъ поступокъ по общему убѣженію не считается преступнымъ. Таково, напримѣръ, отношеніе къ порубкамъ, совершеннымъ въ сосѣднемъ казенномъ лѣсу, относительно котораго крестьяне себѣ приписываютъ неограниченное право пользованія. (Вологодск. г. Сольвычегодскій у. Кирилловъ). Иногда лжеприсяга не считается преступной, если самая присяга вынуждена: „Вынужденной присягой въ представлениі народа является такая присяга, которая дается не на судѣ, а въ исключительныхъ случаяхъ и дается ради спасенія собственной жизни. Напримѣръ, разбойникъ, напавъ на кого нибудь съ цѣлью ограбить и, чтобы скрыть слѣды своего преступленія, намѣревается убить ограбленаго, но, тронутый мольбами послѣдняго, оставляетъ его живымъ, взявъ съ него клятву, что онъ никому не сообщить о преступлении. Такую клятву народъ считаетъ недѣйствительной, и не считаетъ грѣхомъ нарушить ее. Въ этомъ смыслѣ народъ говорить: нужная присяга не нашъ грѣхъ, нужнаго Богъ прощаєтъ. (Смоленск. г. Юхновск. у. Кушнеровъ). — Впрочемъ, относительно вынужденной присяги есть и противоположное мнѣніе. „Выраженіе: нужная присяга не нашъ грѣхъ нужнаго Богъ прощаєтъ, имѣсть тотъ же смыслъ, что если вынуждаютъ принимать присягу, которую человѣкъ не желаетъ или не можетъ почему либо принять, а она нужна по закону, то такого человѣка самъ Богъ прощаєтъ“. (Казанск. г. Спасск. у. Ивановъ).

Привожу въ заключеніе характерный и единственный въ своемъ родѣ разсказъ о существующемъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ обычай „отвода отъ присяги“. „Суть этого обычая заключается въ слѣдующемъ. Когда даютъ присягу, то должно слагать пальцы поднятой вверхъ правой руки какъ для крестнаго знамени. Послѣ этой присяги должно говорить исключительно правду. Но крестьяне выходить изъ этого принудительного обстоятельства говорить правду тѣмъ, что

лѣвую руку опускаютъ внизъ, заносять ее за спину и пальцы слагаютъ такъ, какъ и на приподнятой правой рукѣ. Крестьяне объясняютъ, что присяга входить по пальцамъ правой руки, а по пальцамъ лѣвой стекаетъ и уходитъ, такъ что давшій присягу въ сущности не далъ еe, почему онъ послѣ этого можетъ говорить, что ему угодно. (Калужск. г. Жиздрansk. у. Лебедевъ).

§ 26. Лица, за деньги отыскивающія краденое имущество и указывающія воровъ.

Лица, специально занимающіяся отыскиваніемъ воровъ и покраденного имущества, существуютъ не повсюду. Типы этихъ лицъ впрочемъ должны быть признаны довольно опредѣленными. Первый изъ нихъ—ворожеи или знахари, указывающіе воровъ и мѣсто нахожденія краденого имущества посредствомъ гаданія надъ водою. „Ворожея по водѣ водить крестообразно шейнымъ крестомъ смотрѣть и разсказываетъ потерпѣвшему поль и цвѣтъ волосъ и глазъ виновнаго безъ объясненія однако именіи. Изъ за такихъ ворожей дѣло иногда доходитъ до очень непріятныхъ послѣствій, напримѣръ, буль ворожеей указано на мужчину съ русыми волосами и голубыми глазами и найдись подходящій для этого сосѣдъ, хотя бы въ душѣ не планировавшій о кражѣ, его передъ міромъ міромъ укоряютъ въ воровствѣ, а иногда наносять и побои. Такія ворожеи очень много приносятъ вреда и даже прямо мѣшаютъ розыску виновнаго. Народъ въ нихъ очень вѣритъ и нерѣдко слукается, что ворожеи по злобѣ указываютъ на кого либо изъ сосѣдей, который такимъ образомъ долженъ передъ міромъ лишиться довѣрія иуваженія. Такія ворожеи у народа въ большомъ почетѣ; она можетъ всегда заклеймить тебѣ воромъ и опозорить честь и добroe имя. (Вятск. губ. Орловск. у. Гребеневъ, Новгородск. г. Череповъ, Власовъ, Вологодск. г. Кадниковск. у. Мерцаловъ).“

Другой типъ лицъ, отыскивающихъ краденое имущество — лица, на дѣлѣ стоящіе близко къ ворамъ, скущники и сбытчики краденаго имущества. Подобныя лица обыкновенно не указываютъ на виновнаго, а лишь помогаютъ возвратить краденое имущество. „Когда Андрей окончательно убѣдился, что лошадь у него украдена, онъ пошелъ къ одному изъ сбытчиковъ этого товара, Петрухѣ, въ деревню Каменную, нашей же волости. Вотъ, приблизительно, какъ описывается Андрей свой визитъ къ Петрухѣ. Я пришелъ къ Петрухѣ, сказалъ, что у меня потерялась лошадь, стала тужить объ этомъ. Петруха сначала стала ерзать по лавкѣ, потомъ забѣгалъ какъ угорѣлый, по избѣ, а когда я напрямикъ спросилъ, не знаетъ ли онъ чего о моей лошади, Петруха выхватилъ изъ подъ лавки топоръ, поднесъ къ моей шеѣ и заревѣль: какъ ты, такой — сякой, смишешь думать, что я знаю о краденыхъ лошадяхъ, голову отрублю. Долго еще матюкаль меня Петруха, еще три раза подѣгалъ съ топоромъ, все хотѣлъ мнѣ голову отсѣчь, да я не уходилъ, не отступно просилъ сказать, где моя лошадь, обѣщалъ дать 20 руб., въ ноги подлецу кланялся. Наконецъ Петруха смякъ — поздно пришелъ, твоя лошадь теперь далеко, теперь не достать.—У крестьянки деревни Маюкова укралъ 12 холстовъ съ луга, на которомъ они бѣлились. Она была у знающаго человѣка въ деревнѣ Осьевской, дала ему 3 руб., а на другой день утромъ нашла холсты на томъ мѣстѣ, где они были украдены. (Новгород. г. Черепов. у. Власовъ). Бываетъ, наконецъ, что самъ воръ отыскиваетъ для хозяина краденые вещи, особенно когда оказывается труднымъ ихъ сбыть. (Болховск. у. Костинъ).

Таковы два главныхъ типа отыскивателей краденаго имущества. Нерѣдко бываетъ, впрочемъ, что подобными же отыскиваниемъ занимаются крестьяне, не имѣющіе прямыхъ сношеній съ ворами, но разумѣется для такихъ людей отыскиваніе краденаго не является ремесломъ, а скорѣе особаго рода спортомъ, далеко не всегда мо-

гущимъ расчитывать на успѣхъ. Очень нерѣдко бываетъ, что они берутъ впередъ деньги за отысканіе, и ничего не находятъ, такъ что на практикѣ бываютъ случаи предъявленія при безуспѣшности розыска исковъ о возвратѣ выданныхъ за отысканіе впередъ денегъ (напримѣръ Рязанск. г. Скопинск. у. Чепуринъ).

Наконецъ, бываютъ на практикѣ случаи умышленной утайки чужихъ животныхъ и вещей съ цѣлью взять деньги за отысканіе этихъ животныхъ и вещей. Это не есть отысканіе краденаго имущества, а лишь видъ мошенничества — получение награды подъ ложнымъ предлогомъ. (Полное описание есть у кор. Болховск. у. Костина).

§ 27. Отыскиваніе воровъ по оставленнымъ ими слѣдамъ. Повѣрія о горячемъ слѣдѣ.

Отыскиваніе воровъ производится въ большинствѣ случаевъ по оставленнымъ ими слѣдамъ. Прежде всего обращаютъ вниманіе на слѣды, оставленные обувью вора — „тщательно вымѣряютъ влоль и поперекъ слѣдъ сапога, считаютъ гвозди въ каблукѣ, замѣчаютъ ихъ расположеніе, измѣряютъ длину шага, снимаютъ шаблонъ съ угла отклоненія носка сапога отъ прямой линіи дороги, т. е. опредѣляютъ, насколько воръ при ходьбѣ выворачиваетъ пятку“.(Черепов. у. Власовъ). Обращаютъ вниманіе и на предметы, оставленные воромъ на мѣстѣ преступленія. Такъ, „при кражѣ мѣшковъ изъ мельницы одного крестьянина, черезъ окно мельницы, воръ оторвалъ кусочекъ шарфа, и этотъ кусочекъ носили по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ для опознанія“ (тамъ-же). При сличеніи слѣдовъ также обращаютъ вниманіе какой слѣдъ, лошадиный, человѣчій, отъ сапога теплого или холоднаго, отъ лаптя, отъ саней или отъ телѣги. Для сличенія слѣдовъ у заподозренного берутъ сапогъ или лапоть и ставить его на найденный слѣдъ, чтобы онъ не уничтожился, и смотрѣть,

не совпадает ли следъ съ обувью. Для сличенія следовъ, оставленныхъ санями или телѣгою, вывѣряютъ разстояніе отъ одного полоза до другого, а также и ширину положевъ и колесъ и сличаютъ ихъ размѣры съ размѣрами оставленныхъ следовъ. Также сличается и размѣръ конскаго копыта съ оставленнымъ следомъ, причемъ обращается вниманіе, кованая ли лошадь, или нѣтъ, на сколько ногъ кованы и всѣ ли гвозди цѣлы на подковахъ.

Вообще при разслѣдованіи следовъ, оставленныхъ воромъ, народъ обращаетъ вниманіе на множество различныхъ оттѣнковъ, которые, несмотря на свою мелочность, служатъ нерѣдко къ обнаруженню преступниковъ. Такъ, крестьянинъ деревни Курьянова, Мурашкинъ зимой 1896 года увезъ два мышка ржи изъ вѣтряной мельницы, находящейся въ двухъ верстахъ отъ деревни. Владѣлецъ мельницы, Болдыревъ, обнаруживъ пропажу, и внимательно осмотрѣвшись, замѣтилъ отъ мельницы по направленію къ Курьянову свѣжій, хорошо сохранившійся, санный следъ. Болдыревъ пригласилъ понятыхъ изъ соѣдніихъ деревень и вымѣрилъ слѣды санный и конный. При измѣреніи было замѣчено, что одинъ полозъ оставилъ совершенно гладкій следъ, другой—негладкій, съ нѣкоторыми возвышеніями по срединѣ, которыя объясняли, что одинъ изъ положевъ былъ съ трещиной по срединѣ. Потерпѣвшій отправился въ Курьяново и въ присутствіи сельского старосты сталъ обмѣрять сани. Обмѣръ этотъ обнаружилъ, что сани Мурашкина совершенно одинаковы съ тѣми санями, отъ которыхъ остался следъ близъ мельницы и на одномъ изъ положевъ этихъ саней была трещина по серединѣ. У Мурашкина произвели обыскъ и обнаружили въ сараѣ подъ сѣномъ пропавшіе мышки Болдырева". (Смолен. г. Юхновск. у. Кушнеревъ).

При осмотрѣ слѣдовъ обыкновенно стараются обнаружить, куда ведутъ слѣды, и, если они приводятъ къ известному дому, у владѣльца дома и производятъ обыскъ. Если же слѣды ведутъ къ деревнѣ и нельзя опредѣленно сказать, къ чьему именно двору, кре-

стяне не останавливаются и передъ повальными обысками по цѣлымъ деревнямъ (ср. Кромск. у. Козловъ).

Что касается разслѣдованій по лѣснымъ проступкамъ, то они въ большинствѣ случаевъ оказываются затруднительными. Обыкновен-ный пріемъ—примѣрка отрѣзковъ отъ пней къ находимымъ бревнамъ, далеко не всегда удается, ибо ловкие воры сами отрѣзаютъ куски отъ пней и сжигаютъ ихъ. Въ большинствѣ случаевъ при доказательствѣ лѣсныхъ порубокъ приходится довольствоваться косвен-ными уликами. (Владимір. г. Юрьевск. у. и Ярославск. г. Ростовск. у. Дружининъ).

Чтобы привести вора къ раскаянію или нанести ему вредъ, производятся еще во многихъ мѣстностяхъ сувѣрныя дѣйствія надъ оставленными ими горячими слѣдами. Сюда относится прежде всего сжиганіе горячаго слѣда, причемъ полагаютъ, что вора начнетъ корчить и онъ самъ принесетъ украденную вещь. Другое же горячій слѣдъ вѣютъ на четыре стороны: этотъ слѣдъ вора сышетъ и при-ведетъ. (Костромск. губ. Ветлужскій у. Кузнецовъ, Калужск. губ. Жиздринск. у. Лебедевъ). Существуетъ далѣе, еще слѣдующее по-вѣріе: „если покраденная вещь останется неразысканной и воръ не обнаруженъ по слѣдамъ, то нѣкоторые изъ потерпѣвшихъ обрашаются къ захарю или захаркѣ, привозятъ ихъ на мѣсто оставленнаго воромъ слѣда, захари вынимаютъ изъ подъ лѣвой пяты слѣда землю, забиваютъ на это мѣсто осиновый колъ, послѣ чего говорятъ потерпѣвшему, что воръ скоро обнаружится, такъ какъ онъ долженъ въ одну изъ двѣнадцати ночей прийти и вытащить изъ земли этотъ осиновый колъ, почему его и караулятъ 12 ночей, а если воръ того кола не вытащить изъ земли, то захвораетъ и умретъ“. (Орловск. г. Кромск. у. Козловъ). Есть, засимъ, еще повѣріе, что захарки могутъ сдѣлать такъ, что воръ принесетъ украденную вещь. „Подаютъ за укравшаго сорокоустъ (поминаніе 40-го дня, какъ за умершаго) и по повѣрію вора начинаетъ корчить и

онъ приносить украденую вещь“. (Костромск. губ. Макарьевск. у. Костинъ). Привожу еще одинъ характерный рассказъ о существующемъ въ народѣ суевѣріи, что посредствомъ извѣстныхъ дѣйствій возможно покарать вора смертью. Именно, есть „повѣrie, что если взять палочку, щепочку или какой нибудь небольшой предметъ, съ которымъ соприкасался воръ во время кражи, а еще лучше вещь, которая была у вора въ рукахъ, или хоть лежала рядомъ съ украденной вещью и замазать ее въ печное чело такъ, чтобы выходящій изъ печи жаръ ударялъ въ замазанный предметъ, жегъ бы его, тогда у вора явится внезапно болѣзнь, его станетъ корчить и, наконецъ, онъ умретъ. Только дѣлать такъ—страшный грѣхъ, да и сдѣлать нужно не спроста, умѣючи. Крестьянка деревни Дорина рассказала мнѣ по этому поводу слѣдующее: „у насъ украли лошадь. Я пошла къ ворожеѣ. Вѣдунъ сказалъ, что укралъ воръ не простой, а „знающій, укралъ съ заговоромъ, поэтому онъ открыть его не можетъ“. А вотъ, буде Богъ, говорить, укажетъ, сдѣлай какъ велю“. И велѣль онъ мнѣ взять шерсти изъ хомута, какая осталась—на немъ отъ гривы украденной лошади, да въ самую полночь самой раздѣться до нага, снять съ шеи крестъ и положить подъ пяту лѣвой ноги и замазать ту шерсть въ чело, такъ, чтобы часть ея была замазана, а другая оставалась бы на волѣ. При этомъ онъ научилъ меня говорить слова мудреныя такія, я ужъ ихъ позабыла. На другой день, какъ только я затопила печку, начало „корежить“ вора, какъ у меня шерсть въ челѣ, а черезъ день онъ померъ“. Тутъ старуха заплакала: воромъ оказался ея родной братъ, жившій отдельно отъ сестры. Женщина сочла себя убийцею брата и кореннымъ образомъ измѣнила свою жизнь, покинула родную деревню, поселилась въ избушкѣ въ лѣсу, въ 3-хъ верстахъ отъ нашей церкви, не пропускаетъ ни одной церковной службы и дома, говорить, постоянно молится. Свой „неотмоляющій грѣхъ она всемъ разсказываетъ и предостерегаетъ другихъ отъ такого прегрѣшенія.

Есть еще способъ покарать вора, болѣе простой, но не менѣе грѣховный; нужно купить въ церкви свѣтчу и поставить передъ иконой вверхъ нижнимъ концомъ; это нужно сдѣлать тоже въ полночь, чтобы никто не видаль, какъ будеть ставится свѣтчка, чтобы никто не видаль ея свѣта: какъ медленно горѣла свѣтча и потомъ погасла, такъ медленно будеть чахнуть воръ и потомъ умретъ. Землю взятую со слѣда вора, нужно снести въ лѣсъ въ Христовскую зутреню и съ какимъ то наговоромъ и заклинаніемъ бросить тамъ: воръ заблудится въ лѣсу и умретъ съ голоду. (Новгородск. губ. Чероповецк. у Власовъ).

Или, вотъ другой характерный разсказъ: крестьяне нашей мѣстности безусловно вѣрять, что если найти слѣдъ вора и взять съ этого слѣда земли или снѣгу и потомъ этотъ снѣгъ или землю бросить въ огонь, когда топится печка, и при этомъ сказать: какъ эту землю (или этотъ снѣгъ) сбѣдастъ и мучить печной огонь, такъ чтобы сбѣль и измучилъ ногу того человѣка вора, который укралъ наше добро, антоновъ огонь.—Послѣ этого у вора непремѣнно заболятъ ноги и приключится антоновъ огонь. Вѣра эта до того распространена, что нѣкоторые крестьяне, занимающіеся воровствомъ, серьезно бояться этой угрозы и стараются дѣлать незамѣтные слѣды. Но такой способъ тогда дѣйствуетъ, когда слѣдъ еще не остылъ, т. е. черезъ него никто не переходилъ, не наступалъ на него, а также когда слѣду не прошло еще сутокъ. Если вмѣсто воровскаго слѣда попадется слѣдъ невиннаго въ этомъ дѣлѣ человѣка, то онъ ему никакого вреда не дѣлаетъ. Кромѣ этого дѣйствія надъ горячимъ слѣдомъ, еще практикуется слѣдующее. Когда замѣтятъ во время осмотра подозрительный воровской слѣдъ; то тщательно снимаютъ его такъ, чтобы его взять цѣликомъ, т. е. во всю ступню. При этомъ слѣдъ должна снимать обязательно женщина замужняя, распустивъ изъ подъ повойника одну косу. Когда слѣдъ женщина вырѣжетъ ножикомъ и обязательно спинкой, а не лезвіемъ, то на

мѣсто вырѣзаннаго слѣда кладеть углѣй съ жаромъ. Сдѣлавъ это, женщина несеть вырѣзанный слѣдъ захаркѣ, чтобы поворожить, что воръ издохнетъ или нѣтъ. Захарка береть горшокъ, наливаетъ туда квасу молозева, т. е. только еще заболтана, и въ горшокъ съ молозевомъ сыпеть принесенный женщиной слѣдъ (это все равно, будь слѣдъ изъ земли или изъ снѣгу), кладеть туда три угла осиновыхъ, накроеть горшокъ тряпцей и поставить на печкѣ, а сама начнетъ молиться Богу, прося наказать и указать вора человѣка обидчика. Когда захарка молится, то заставляеть принесшую слѣдъ женщину слушать, что, пыхтитъ молозево въ горшкѣ, или нѣтъ. Если женщина не услышеть никакого пыхтѣнья, то захарка снова начинаеть свое моленье и до тѣхъ поръ молится, пока молозево запыхтитъ. Когда молозево запыхтитъ, тогда хнахарка береть горшокъ съ печи, ставить его возлѣ порога и заставляеть женщину 3 раза перешагнуть черезъ него. Послѣ этого захарка откроеть горшокъ, смотрить въ него и говорить, что воръ будетъ обязательно наказанъ по прошествіи 3 лѣтъ. Потомъ вырывается на дворѣ около воротъ яму—могилу и вливаетъ въ нее все содержимое въ горшкѣ и закапываетъ. Три осиновыхъ угля означаютъ три года, зарыванье въ яму означаетъ, что воръ черезъ три года, если не лишится ногъ, то обязательно подохнетъ и его зароютъ въ могилу. Это считается за самое вѣрное средство наказать вора, а для вора оно бываетъ самымъ страшнымъ наказаніемъ. Въ доказательство ихъ вѣры въ такія средства служить то, что воры, какъ только узнаютъ, что слѣды не успѣли остыть, а ужъ надѣялись дѣлають вышеозначенные средства, то приходили къ хозяину, у котораго покрали вещи и просили у него прощенія. (Орловск. губ. Болховск. у. Костинъ).

§ 28. Вещественные доказательства. Вещи, найденные у подозрительного лица, принадлежность коихъ неизвѣстна. Принудительное взятіе вещей, служащихъ доказательствомъ преступленія или обезпеченіемъ иска. Приводъ вора на судъ съ поличнымъ.

Почти повсемѣстно существуетъ въ крестьянскомъ быту правило, по которому найденыя у подозрительного лица вещи, завѣдомо ему не принадлежащи, сдаются на храненіе сельскому старостѣ, сельскому сотскому, или кому либо изъ крестьянъ, извѣстному своею добросовѣстностью. Впрочемъ изъ описанія имѣющихся случаевъ этого рода вытекаетъ, что сравнительно рѣдки тѣ случаи, когда отбираются вещи, хозяинъ коихъ совершенно неизвѣстенъ. Главная масса случаевъ, сюда относящихся—нахожденіе вещей при обыскѣ, производящемся послѣ совершеннія у кого либо кражи. Здѣсь потерпѣвшій отъ кражи беретъ съ собой старосту, сотского и понятыхъ и производится нерѣдко повальный обыскъ по всей деревнѣ. Находимыя вещи передаются на храненіе вышеуказаннымъ порядкомъ и отъ хранителя берется расписка. Бываетъ на практикѣ нерѣдко, что вещи передаются немедленно же, до суда, ихъ настоящему владѣльцу, когда таковой извѣстенъ (напр. Тихв. у. Закатовъ), особенно же часто передаются непосредственно собственнику найденыя животныя, ибо на ихъ кормлѣніе необходимо нести расходы, которыя кромѣ собственника никто на себя не возметъ. (Вятск. губ. Котельн. у. Сазоновъ). Рѣдки, но возможны, далѣе, случаи отдачи вещей на храненіе и тому, у кого ихъ нашли, причемъ берется расписка, что за растрату будетъ отвѣтчикъ (Саратовск. г. Кузнецк. у. Смирновъ). Возможна, наконецъ, отдача вещей на храненіе въ волостное правленіе, но нерѣдки случаи, что въ волостномъ правленіи хранимыя вещи пропадаютъ безслѣдно. „Принесли однажды дрова краденые, ихъ сожгли за неимѣніемъ отопленія, также лугу, принесенную на

храненіе, сторожъ продалъ и прошилъ деньги съ писаремъ, товаръ отобранный у того, кто безъ правъ торгуетъ (табакъ, спички, вино)—уничтожаются безъ слѣда, а потому и дѣла остаются безъ послѣдствій". (Орловск. у. Михѣевъ).

Принудительное взятіе найденной у виновнаго вещи, могущей служить доказательствомъ преступленія (въ большинствѣ случаевъ съ участіемъ сельскихъ властей и понятыхъ) практикуется весьма нерѣдко. Взятіе такихъ вещей практикуется иногда потерпѣвшимъ просто для возвращенія своей собственности, причемъ въ большинствѣ случаевъ не возбуждается никакого судебнаго производства. (Калужск. губ. Козельск. у. Лопшановъ, Орловск. г. Каравеевск. у. Морозовъ). Но чаще отображеніе вещей производится, какъ для доказательства воровства, такъ и для обеспеченія иска, или же съ одной изъ этихъ цѣлей. При этомъ возможно отображеніе какъ украденного предмета, такъ и орудія преступленія (напр. топора при лѣсныхъ порубкахъ, узды, веревки, шлеи при потравахъ или уводѣ лошади). (Вологодск. губ. Кадниковск. у. Дилакторскій, или Хмѣлевск. у. Шустъковъ).

Всѣ имѣющіеся матеріалы приводятъ къ убѣжденію, что обычная представлять вора на офиціальный судъ съ привѣшаннымъ къ нему поличнымъ не существуетъ (единственное противоположное свидѣтельство Казанск. губ. Спасск. у. Иванова указываетъ, что существуетъ обычай представлять вора на судъ съ поличнымъ, повѣшаннымъ на спинѣ, шеѣ или на плечахъ, но не указано, о какомъ судѣ идетъ рѣчь, объ офиціальномъ волостномъ, или нѣтъ).

Иное значеніе имѣть употребляемое нерѣдко выраженіе представить вора на судъ съ поличнымъ, означающее просто представленіе суду вещественныхъ доказательствъ кражи (Тихвинск. у. Захаровъ, Рязанск. губ. Скопинск. у. Чечуринъ).

Засимъ, возможны случаи представленія вора съ привѣшаннымъ къ нему поличнымъ въ волостное правленіе или къ полицей-

скому уряднику, а также бывають случаи привода вора съ привѣшаннымъ къ нему поличнымъ на неофициальный судъ сельского схода (напр. Болховск. у. Костинъ, Карабчевск. у. Римкинъ). Бываетъ, наконецъ, что на вора привѣшиваютъ украденную вещь съ цѣлью посрамленія и водятъ его въ такомъ видѣ по селу. (Вологодск. губ. Кадниковск. у. Мерцаловъ). „При поимкѣ на мѣстѣ преступленія, привѣшиваютъ вору ту вещь, которую онъ укралъ, и водятъ по деревнѣ для смѣха и народъ за нимъ гайкаетъ“. (Болховск. у. Перъковъ). „Если поймаютъ вора на базарѣ или ярмаркѣ, то его привязываютъ къ той лавкѣ, въ которой онъ совершилъ кражу, и дѣлаютъ надъ нимъ разныя посрамленія, въ особенности потергѣвший. Тутъ вору наносятся побои и плюютъ ему въ глаза“. (Вятск. губ. Орловск. у. Гребеневъ). О подобныхъ расправахъ, намъ уже приходилось говорить при разборѣ вопроса о самосудѣ и о неофициальныхъ народныхъ судахъ.

§ 29. Пріемы, употребляемые при сличеніи предметовъ, отобранныхъ у заподозрѣнныхъ лицъ.

Способы сличенія предметовъ, отбираемыхъ у заподозрѣнныхъ въ кражѣ лицъ, имѣютъ наибольшее практическое значеніе при сличеніи предметовъ, какіе бывають почти въ обиходѣ каждого крестьянина. Существование предметовъ однородныхъ въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ дѣлаетъ розыскъ украденныхъ предметовъ этого рода особенно затруднительнымъ. Тѣмъ не менѣе въ крестьянскомъ быту выработались довольно тонкіе пріемы слички подобныхъ предметовъ, иногда приводящіе къ безошибочному выводу относительно виновника кражи. Разсмотримъ существующіе пріемы слички разныхъ предметовъ.

1. Сличка зеренъ. При слички хлѣба въ зернахъ обращается вниманіе на сортъ хлѣба, цветъ и очистку его. Смотрѣть и

на то, „рыженая рожь или сырая“; обмолочень на молотилкѣ или нѣть, въ хлѣбѣ, обмолоченномъ на веретьѣ, разостланномъ на току, земли не бываетъ (Орловск. у. Михеевъ). Смотряя и на то, что чистка вывѣйки зерна у разныхъ хозяевъ бываетъ неодинакова, и по ней крестьяне безъ труда различаютъ хлѣбъ одного хозяина отъ хлѣба другого: въ этомъ изрѣдка попадаютъ колоски, а въ томъ есть сѣмона торицы или клопины, а въ этомъ нѣть. Крестьяне узнаютъ по зерну, на какомъ току хлѣбъ молочень—на земляномъ или на мишеномъ деревянномъ, потому что въ первомъ случаѣ въ зернѣ есть песокъ, а во второмъ нѣть; чтобы убѣдиться въ этомъ, зерна подсѣваютъ ситомъ, сквозь которое песокъ пройдетъ. Овесъ молотятъ двумя способами: одни молотятъ какъ и рожь, цѣшами, а другіе „трутъ“ лошадьми. Зерно того и другого обмолота различаютъ по присутствію въ послѣднемъ кусочковъ лошадинаго помета. Прибѣгаютъ также къ взвѣшиванію четверика или гарнца зерна: вѣсь не „попова душа“,—вѣрно скажетъ. (Новгородск. г. Череповецк. у. Власовъ). Бываетъ и такъ, что въ рожь подсыпаютъ понемногу гороха, гречи и потому по присутствію гороха или гречи узнаютъ эту рожь. (Карачевскій у. Морозовъ). Иногда имѣеть значеніе присутствіе въ ржи специфического запаха (при раскусываніи отдастъ чеснокомъ). (Орловск. г. Хотынецъ Сахаровъ).

При сличеніи овса, большинство нюхаетъ, потомъ пробуетъ на вкусъ его, и наконецъ берутъ по горсти найденнаго овса и оставшагося у потерпѣвшаго и бросаютъ въ чашку съ водою. Если всплываетъ одинаковое, приблизительно число зеренъ, то овесъ тождественъ. (Тульской г. Веневскій у. Шаталинъ).

2. Сличка муки. При сличкѣ муки обращаютъ вниманіе на то, чья мука бѣлѣе, чья темнѣе, въ какой есть примѣсь песку, а въ какой нѣть, пробуютъ на вкусъ—какая мука горчить или имѣеть вкусъ сладкій, различаютъ, какая суша, какая сырье. (Орловск. г. Михеевъ, ср. также Черепов. у. Власовъ).—„Муку, со-

лодъ опредѣляютъ по вкусу, сушкѣ и по молу. Одинъ крестьянинъ солодъ мелеть крупно для шива, другой помельче, у одного солодъ или рожь запарила и на вкусъ ужъ слышна, у другого неѣть, у одного она суха и немного красновата отъ этого, у другого плохо просушена, отъ чего бѣла и плохо вязнетъ въ зубахъ". (Костромск. г. Ветлужск. у. Кузнецовъ).

3. Сличка хлѣба въ снопахъ. При сличкѣ сноповъ обращаютъ вниманіе на связку, величину снопа, какая связка, т. е. изъ чего она сдѣлана и какимъ узломъ связана снопъ. (Саратовск. г. Хвалынск. у. Мироновъ). „Снопы меѣтятся разно. Одинъ дворъ дѣластъ куклу направо, а другой на лѣво, а иной наминастъ ее въ середку. Даже у каждой бабы своеобразная вязка, такъ что таковыя могутъ свой снопъ выбрать изъ тысячи сноповъ. Нѣкоторая же, для того, чтобы примѣту сдѣлать болѣе надежной, доказательной, — это дѣлается тамъ, гдѣ въ большомъ ходу увозъ копенъ съ поля, при вязкѣ въ снопъ вкладываютъ камушекъ, щепку, или еще какой либо инородній предметъ. При стилѣ замашекъ бабы тоже ихъ меѣтъ, дѣлая гдѣ либо надломы или надрѣзы — одна ближе къ головкѣ, другая по серединѣ, такъ, чтобы этотъ надломъ приходился во всѣхъ снопахъ въ одномъ меѣстѣ". (Карабашевск. у. Морозовъ).

4. При сличкѣ сѣна обращаютъ вниманіе на присутствіе въ немъ тѣхъ или другихъ травъ. На каждомъ лугу ростетъ какойнибудь особый видъ травы и привычный глазъ крестьянина всегда отличить одно сѣно отъ другого, развѣ только покосы расположены рядомъ. (Новгородск. г. Череповецк. у. Антиповъ). Смотрѣть и на то, каково качество сѣна: заливное, суходольное, обложное, лѣсное сѣно; сѣно съ цвѣткомъ, съ листкомъ, съ осокой и проч. (Юхновск. у. Кушнеревъ).

5. Пеньку различаютъ чья больше въ рѣкѣ лежала, а какая не вымокла, — по цвѣту, по росту сноповъ (Орловск. г. Михе-

евъ). Такъ какъ пенька мочится не при одинаковыхъ степеняхъ тепла и холода и неодинаковые періоды времени, то одна пенька легко отдѣляется отъ трости, другая труднѣе, почему и остается на ней болѣе каstry (обломковъ стебелей). (Орловск. г. Хотынецъ Сахаровъ).

6. При сличеніи холстовъ нерѣдко вызываютъ бабъ—экспертовъ (Новгородск. г. Череповец. у. Власовъ). Онъ смотрятъ, на сколько равны нитки того и другого холста, на бѣлизну и ширину, считаютъ число пасмъ въ основѣ, опредѣляя ихъ по числу нитокъ на концѣ холста. Моты пряжи считаютъ также по числу пасмъ и численокъ и по ниточкѣ, какою перевязаны пасмы. Полотна опредѣляютъ по оставшимся концамъ: ткани приставляютъ, чтобы узнать сходится ли конецъ найденного полотна съ концомъ полотна одного тканья съ ворованнымъ; для большей точности считаютъ нитки въ основѣ полотна, или разматриваютъ, какой бумагой учено. Такой способъ сличенія основанъ на чрезвычайномъ разнообразіи величины бердъ, употребляемыхъ бабами при тканьѣ. Моты опредѣляются по пасмамъ и численикамъ и по мотовилу. Одна баба мотаетъ на мотовилѣ двадцаткѣ, т. е. въ пасму идетъ 20 численицъ, другая на тридцаткѣ, мотовило тридцатка имѣть полтора аршина вышины, двадцатка побольше; численица имѣть три нитки. (Костромск. г. Ветлужск. у. Кузнецовъ).

7. При сличеніи кружковъ бревенъ съ оставшимися послѣ поборки пнями прикладываютъ отрѣзки первыхъ къ послѣднимъ. Если воръ успѣль отрѣзать отъ пня кусокъ, то производятъ сличку, принимая во вниманіе породу дерева, качество его и слои, которыми производится подсчетъ. „Если украденное дерево окажется по наслѣнію 60 лѣтъ, да и найденное окажется тѣхъ же лѣтъ, одной и той же породы и качества, то считается это за явный признакъ, что оно то самое, которое было крадено“. (Вологодск. г. Хмѣлевск. у. Шустиковъ).—При сличкѣ гвоздей принимается во вниманіе, изъ какого материала они сдѣланы. Однажды при обыскеъ у подозрѣва-

емаго въ кражѣ нашли около 30 пудовъ желѣза. Изъ разсчетной книжки полозрѣваемаго видно было, что за недѣлю передъ тѣмъ онъ отвезъ хозяину выработанные раньше гвозди и взялъ вновь 40 пудовъ желѣза. Изъ 40 пудовъ взятаго желѣза наковано гвоздей 20 пудовъ; потерялось желѣза при расковкѣ около 2 пудовъ. Слѣдовательно желѣза должно было оставаться около 17—18 пудовъ, въ дѣйствительности же нашлось 30 пудовъ. Кромѣ того украденое желѣзо состояло изъ мелкихъ полосокъ, потому, что нарѣзано было изъ мелкаго браку, тогда какъ у того хозяина, на котораго ковалъ виновный, было желѣзо въ длинныхъ полоскахъ, аршина $2\frac{1}{2}$ —3, потому, что нарѣзано было изъ старыхъ желѣзно-дорожныхъ рельсъ. Этихъ данныхъ было вполнѣ достаточно, чтобы привлечь вора къ ответственности. (Новгородск. губ. Чероповецк. у. Антиповъ).—Есть далѣе, интересные разсказы о нахожденіи пропавшихъ вещей по особымъ мѣткамъ, которыя сдѣланы были заранѣе на всякий случай ихъ владельцами. Напримѣръ, случай нахожденія телѣги черезъ четыре года послѣ ея пропажи по винтамъ, которыми она была скована, а винты эти хозяинъ замѣтилъ тѣмъ, что на каждомъ высѣкъ по три черточки, кроме того на подушкѣ было забито шесть конныхъ гвоздей. (Орловск. г. и у. Костинъ); случай нахожденія бороны въ чужой деревнѣ несмотря на то, что она была передѣлана, по такимъ примѣтамъ: въ третій клецъ отъ краю забить одинъ гвоздь, а съ другого бока на четвертомъ клепу забить гвоздь въ конецъ верхній, а по срединѣ маленькимъ буравчикомъ провернута дырочка“. (Орловск. у. Костинъ). Нерѣдко мѣтять гусенятъ тѣмъ, что прокалываютъ на лапкахъ одну дырочку шиломъ или гвоздемъ, а иногда двѣ лапки. Иногда молодымъ гусенятамъ и ягнятамъ свѣчкою выцаливаютъ шерсть или перья на головѣ и на шеѣ. (Дорогобужск. у. Гриневъ). Также весьма часто мѣтять матеріи особыми узорами или вышивками.

ГЛАВА VI.

Судебное рѣшеніе.

§ 30. Составленіе рѣшеній въ волостномъ судѣ. Отобраніе голосовъ. Порядокъ объявленія рѣшеній. Заочныя рѣшенія и порядокъ ихъ объявленія.

По разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣлъ, волостной судъ составляетъ приговоръ. Лишь въ несложныхъ дѣлахъ суды разрѣшаютъ дѣло, не выходя изъ зала засѣданія, въ большинствѣ же случаевъ они удаляются въ совѣщательную комнату. Совѣщаніе весьма не рѣдко происходитъ въ присутствіи писаря, который приноситъ съ собою законы, на основаніи которыхъ рѣшается дѣло. При разногласіи судей, дѣло рѣшается по большинству голосовъ, при равенствѣ голосовъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. На практикѣ при разногласіяхъ между судьями мнѣніе писаря фактически оказывается большое вліяніе на исходъ дѣла. Послѣ рѣшенія судьями дѣла по существу писарь составляетъ текстъ рѣшенія, иногда въ совѣщательной комнатѣ, иногда и въ залѣ засѣданія (въ послѣднемъ случаѣ суды, выйдя, шепчутъ писарю на ухо существо рѣшенія, засимъ ждутъ, пока писарь напишетъ текстъ, засимъ текстъ этотъ уже прочитывается писаремъ вслухъ).

Самый текстъ рѣшенія составляется въ большинствѣ случаевъ въ видѣ выписки изъ протокола засѣданія, послѣ коей слѣдуетъ краткая мотивировка рѣшенія и ссылка на законъ, особенно на ст. 15 и 25 ст. врем. прав. о вол. судѣ. Существуетъ указаніе на то,

что некоторые суды при добросовѣстномъ рѣшеніи дѣла всегда ссылаются на соотвѣтствующій законъ, когда же суды подкуплены и подвести желательное рѣшеніе подъ законъ невозможно, дѣлается почти всегда ссылка на мѣстный обычай. (Новгородск. г. Череповец. у. Власовъ)

Объявляется рѣшеніе сторонамъ тутъ же въ засѣданіи. Стороны расписываются въ книгѣ рѣшеній, что рѣшеніе имъ объявлено. Иногда указываютъ, что рѣшеніемъ они довольны или недовольны. Въ послѣднемъ случаѣ просящей о томъ сторонѣ выдается кошѣя рѣшенія.

Заочныя рѣшенія въ волостныхъ судахъ нерѣдки. Они возможны конечно только въ томъ случаѣ, если сторона, получивъ повѣстку, не явилась. Многіе волостные суды избѣгаютъ заочныхъ рѣшеній, боясь односторонне рѣшить дѣло. Заочныя рѣшенія объявляются отъ существующей въ засѣданіи сторонѣ черезъ сельскую администрацію подъ роспись, и срокъ обжалованія рѣшенія считается этой сторонѣ со дня объявленія ей рѣшенія. Въ случаѣ, если рѣшеніе остается необжалованнымъ въ установленный закономъ срокъ, оно приводится въ исполненіе совершенно тѣмъ же порядкомъ, какъ и рѣшеніе, состоявшееся въ присутствіи стороны.

§ 31. Вознагражденіе за разбирательство дѣль.

Судебныхъ пошлина въ законномъ смыслѣ слова въ волостныхъ судахъ не установлено, и на практикѣ по единогласному свидѣтельству имѣющихся данныхъ, не примѣняются.

Также не установлено въ волостныхъ судахъ уплаты судебныхъ издержекъ въ гражданскихъ дѣлахъ или уплаты вицовнымъ за „судебную волокиту“ обиженному въ уголовныхъ. Правда, подобная присужденія изрѣдка имѣютъ мѣсто на практикѣ. (Череповецк. у. Власовъ, Орловск. у. Костинъ, Вологодск. губ. Хмѣлевск. у.

Шустьковъ, Жиздринск. у. Зоринъ, Владимірск. г. Юрьевск. у. и Ярославск. г. Ростовск. у. Дружининъ). Рѣшенія такого рода, ввиду ихъ незаконности, отмѣняются Уѣздными Съѣздами.

Угощеніе судей сторонами, подкупъ и подпаиваніе ихъ—на практикѣ явленіе почти повсемѣстное. До 1890 года суды не получали жалованья и подпаиваніе ихъ производилось въ еще болѣе беззастѣнчивыхъ размѣрахъ, чѣмъ теперь.—Но и въ настоящее время угощеніе судей сторонами далеко не вышло изъ употребленія. „Взяточничество, по временамъ самое наглое, и могарычи дѣйствуютъ у насъ во всей силѣ. Стараются прежде всего брать съ праваго, въ такомъ случаѣ въ роли посредника между судомъ и истцомъ является волостной писарь, который представляеть просителю разныя затрудненія, если не подмазать судей“. (Никольск. у. Ржаницынъ). Волостныхъ судей иногда въ одиночку принято попотчивать передъ судомъ, для того, чтобы они поддержали дѣло на судѣ и рѣшили въ пользу того, который потчуетъ. Крестьяне смотрятъ на подобныя вещи, какъ на необходимость, безъ которой пожалуй и вѣрное дѣло можно проиграть. Народъ въ такихъ случаяхъ говорить—ничего не подѣлаешь, видно, сухая ложка ротъ деретъ. (Череповец. у. Васильевъ). Въ Уломскомъ правленіи про предсѣдателя суда сложилось нѣсколько пѣсень „нашъ предсѣдатель плутана, дѣла не судить безъ вина. А принеси ему вина, простится всякая вина. Суды судять за вино, всѣ плутаютъ за одно.—Послѣ обильного угощенія у истца, предсѣдатель идетъ къ отвѣтчику и ему напѣваютъ ту же пѣсню. Послѣ разбора дѣла онъ выигравшей сторонѣ рассказываетъ по секрету: совсѣмъ было твое дѣло провалилось, да я настоящъ. Проигравшему онъ говорить: настаивалъ я, братъ, чтобы рѣшили дѣло по тебѣ, да ничего не могъ сдѣлать, уперлись вонъ тѣ двое. Ну да, можетъ быть, какъ нибудь и поправимъ“. (Новгородск. губ. Черепов. у. Антишовъ). Когда судъ отправляется рѣшать дѣло

на мѣстѣ, угощениe при этомъ вещь самая обыкновенная. (Карачевск. у. Морозовъ).

Вліяніе подобныхъ угощений на исходъ дѣла разное. Иногда оно существенно, иногда его вовсе нѣтъ—когда суды берутъ угощениe съ обѣихъ сторонъ, но при рѣшеніи съ нимъ не считаются.

Бываетъ, также, что суды принимаютъ угощениe отъ сторонъ послѣ рѣшенія дѣла. „За разбирательство каждого дѣла берется вознагражденіе, но не деньгами, а водкой—все это берутъ суды и волостной писарь съ того, въ чью пользу окончилось дѣло. (Орловск. у. Михеевъ).

Угощениe свидѣтелей стороныю, по ссылкѣ которой они вызваны въ судъ проходитъ повсемѣстно, но иногда только въ случаѣ рѣшенія дѣла въ пользу данной стороны.

Крестьяне не видятъ въ угощениe свидѣтелей подкупа, и даже угощениe судей, несмотря на получаемое ими жалованье, признаютъ нормальнымъ явленіемъ. Порицаніе и осужденіе подобныхъ порядковъ на практикѣ встречается рѣдко.

§ 32. Отвѣтственность истца или обвинителя за неправильное предъявленіе иска или обвиненія.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ неправильное предъявленіе уголовнаго обвиненія или гражданскаго иска, кромѣ оправданія обвиняемаго или отказа въ искѣ, не влечетъ за собой никакихъ последствий для обвинителей и истцовъ. Волостные суды не имѣютъ по закону и права налагать на нихъ штрафа за неправильное предъявленіе обвиненія или иска.

Единичные случаи присужденія судомъ штрафа за „безчестіе“ или неправильное предъявленіе иска на практикѣ, однако, бываютъ. (Калужск. у. Лебедевъ, Костромск. губ. Ветлужск. у. Кузнецовъ). Этихъ случаевъ, являющихся нарушеніемъ закона и влекущихъ за

собой отмѣну при аппеляції, нельзя смышивать съ тѣми, когда при недобросовѣстномъ обвиненіи оправданная сторона предъявляетъ сама обвиненіе противъ обвинителя въ ложномъ доносѣ или въ клеветѣ передъ судомъ. (Новгородск. г. Череповецк. у. Антиповъ, Власовъ, Пощеконск. у. Баловъ, Рязанск. г. Скопинск. у. Чепуринъ, Новгородск. г. Тихвинск. у. Захаровъ). Въ этихъ случаяхъ судъ разбираеть возникающія такимъ образомъ дѣла. Но на практикѣ подобныя обвиненія рѣдко возбуждаются и еще реже достигаютъ цѣли.

§ 33. Грѣхъ пополамъ, или присужденіе половины исковыхъ требованій при сомнительной доказанности иска или неумышленномъ причиненіи ущерба.

Принципъ „грѣхъ пополамъ“, или присужденіе судомъ половины исковыхъ требованій примѣняется на практикѣ если не всѣми, то иногда волостными судами въ случаѣ сомнительности доказательствъ иска, а также при неумышленномъ причиненіи вреда или убытковъ.

Крестьянинъ деревни Мамышей привезъ одному торговцу бочку масла цѣною на 50 рублей. Когда бочку поставили на вѣсы для взвѣшиванія то, веревка, поддерживавшая коромысло вѣсовъ, оборвалаась, бочка упала на каменный полъ и разбилась, а масло пролилось по полу. Крестьянинъ подалъ на торговца искъ въ 50 руб., но судъ присудилъ въ пользу потерпѣвшаго только 25 руб. (Смоленск: г. Юхновск. у. Кушнеревъ). Часто по тому же принципу присуждаются убытки съ пастуха за процащенную изъ стада чужую скотину. Такое произвольное присужденіе судомъ половины иска при неумышленности причиненія ущерба или при недостаточной доказанности иска не имѣть за собой никакихъ законныхъ основаній и уѣздными съѣздами подобныя решения всегда отмѣняются.

Въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ волостные суды уже понимаютъ, что не имѣютъ права выносить такія рѣшенія и формулу „грѣхъ попаламъ“ примѣняютъ только какъ примирительную, предлагая ее какъ основаніе мировой сдѣлки сторонамъ, и присуждая половину иска лишь съ согласія послѣднихъ (напр. Новгородск. губ. Череповецк. у. Васильевъ, Вологод. г. Кадниковск. у. Мердаловъ).

Въ личной практикѣ автора по Брянскому Уѣзду произвольныя присужденія волостными судами по формулѣ „грѣхъ пополамъ“ встрѣчались неоднократно.

§ 34. Обычное право, какъ источникъ рѣшеній волостныхъ судовъ.

Въ распоряженіи автора имѣется весьма немного свѣдѣній относительно того, въ какой мѣрѣ наши волостные суды руководствуются обычнымъ правомъ. По мнѣнію однихъ наблюдателей суды ими руководствуются мало, предпочитая положительные законы, по отзыву другихъ, волостные суды примѣняютъ обычай болѣе законовъ. Одно не подлежитъ сомнѣнію—это то, что нигдѣ нѣть твердой, установленной практики и распространенныхъ, хорошо укоренившихся юридическихъ обычаевъ въ нашемъ крестьянскомъ быту почти нельзя указать.

Чаще всего волостные суды примѣняютъ обычное право въ дѣлахъ, вытекающихъ изъ раздѣловъ семейнаго имущества, по наслѣдованію крестьянскаго имущества, по земельному устройству крестьянскому (напр. Новгород. г. Череповец. у. Антиповъ; Васильевъ), при опредѣленіи долей изъ общаго имущества не выданныхъ въ замужество и замужнимъ дочерямъ при сыновьяхъ, при раздѣлѣ имущества между законными и незаконнорожденными дѣтьми, при раздѣлѣ имущества между дѣтьми разнаго поведенія, при искуствовскаго пая иѣсколькими сыновьями, если отецъ былъ на попе-

ченія одного изъ нихъ, затѣмъ при предъявленіи исковъ по документамъ, отчасти опложенными, но безъ наличности отмѣтки обь уплатѣ на самомъ документѣ; по искамъ обь отобранія продавцемъ отъ покупателя проданной вещи въ тѣхъ случаяхъ, когда покупатель не уплатилъ условную сумму; по искамъ обь обратномъ возвращеніи задатка, по искамъ, возникающимъ между супругами; по искамъ приданаго, по искамъ по возмѣщенію расходовъ, употребленныхъ напрасно истцемъ по случаю приготовленія къ свадьбѣ, неудавшейся по винѣ отвѣтчиковъ, по искамъ, возникающимъ въ виду заключенія незаконныхъ обязательствъ и условій, по искамъ съ поручителя и т. д. (Вологодск. губ. Кадниковск. у. Дилакторский). Привожу дальнѣйшее подобное описаніе примѣровъ:

Для указанія на существованіе мѣстнаго убычая въ отношеніи опредѣленія для наслѣдства дочери при сыновьяхъ сошлюсь на рѣшеніе С—скаго волостного суда. 7 октября 1891 года крестьянская дѣвица д. Пл. О. Р. обратилась въ судъ съ исковой просьбой о выдачѣ ей слѣдующей доли изъ общаго отцовскаго наслѣдственнаго имущества, находящагося въ распоряженіи брата и племянниковъ просительницы. На судѣ выяснилось, что истица уже получила изъ общаго имущества на свой пай разнаго имущества на сумму 94 рубля и что она, будучи дѣвицей, уже имѣла трехъ дѣтей, а кромѣ того и въ моментъ судебнаго разбирательства истица, судя по наружному виду, была, безъ сомнѣнія, беременна. Судъ рѣшилъ такъ: за дурное поведеніе просительницѣ въ кускѣ хлѣба отказать, присудивъ съ брата ея Ф. А. и М. Р. дать 12 рублей на отдельный пріютъ или уголь въ домѣ, а если найдутъ это для себя неудобнымъ, то выстроить ей келью.

Изъ разсмотрѣнія судебной практики волостныхъ судовъ выясняется, что иногда судъ игнорируетъ утвержденныя окружнымъ судомъ духовныя завѣщанія или опредѣленія обь утвержденіи кого нибудь въ правахъ наслѣдства, если они не соответствуютъ мѣстнымъ

обычаемъ и наоборотъ,—принимаетъ въ уваженіе завѣщанія, по которымъ имущество опредѣлено исключительно по волѣ завѣщателя и несогласно съ указаниемъ гражданскихъ законовъ.

Въ К—ческій волостной судъ поступило прошеніе отъ двухъ родныхъ братьевъ на третьяго обѣ опредѣленіи имъ одного надѣла земли, взятаго при семейномъ раздѣлѣ отцомъ ихъ на себя, такъ какъ родитель жилъ передъ смертью у третьяго сына, отвѣтчика, то и надѣль остался во владѣніе третьяго сына. Судъ, въ виду того, что отецъ находилъ пріютъ и содержаніе у третьяго сына и никакой помощи отъ обоихъ сыновей истцовъ не видѣлъ, въ искѣ отказалъ.

М. А. была замужемъ 7 лѣтъ и послѣ смерти своего мужа, за неимѣніемъ дѣтей, возвратилась въ свой родительскій домъ. Бу-дучи вдовой, она просила присудить ей полѣтки (лѣтній заработка) за 7 лѣтъ. Судъ просьбу ея уважилъ и исковыхъ требованія удовлетворилъ, присудивъ въ ея пользу 70 руб. со свекра.

Въ К—ческій волостной судъ поступило прошеніе М. о взысканіи въ пользу его двойныхъ задаточныхъ денегъ, задатокъ на задатокъ. М. купилъ у Х. быка за 30 рублей и далъ задатокъ 3 рубля, а быка не увель. Когда покупатель явился за быкомъ, то отвѣтчикъ не выдалъ ему ни быка, ни задатка потому, что толь поздно явился. Отвѣтчикъ привелъ на судъ двухъ свидѣтелей, ко-торые показали, что они слышали какъ при нихъ Х. приказывалъ М. явиться за быкомъ въ извѣстный день. Судъ въ исковыхъ тре-бованіяхъ М. съ Х. ввиду свидѣтельскихъ показаній—отказалъ.

Одна крестьянская жена обратилась въ мѣстный волостной судъ съ просьбой на своего мужа, чтобы судъ приказалъ ему про-писать дѣтямъ все принадлежащее ему (а не ей) имущество, иначе она отказывается отъ совместной жизни съ мужемъ. Судъ постано-вилъ: взыскивать съ мужа просительницы на пропитаніе дѣтей его, до совершеннолѣтія ихъ, по одному пуду въ мѣсяцъ на каждого изъ нихъ, малолѣтнихъ дѣтей.

Крестьянинъ той же волости Е. В. жаловался на свою жену, что она не повинуется ему и самовольно, безъ его разрѣшенія, ушла отъ него къ своей роднѣ, почему и просить судъ наказать жену и приказать ей жить съ нимъ вмѣстѣ. Изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что С. П. ушла отъ мужа безъ всякихъ причинъ на то со стороны мужа. Судъ постановилъ такъ: женѣ возвратиться къ мужу и жить съ нимъ вмѣстѣ, а мужу содержать ее и ни въ чемъ безъ законныхъ причинъ ее не притѣснять.

По искамъ приданаго въ нашемъ уѣздѣ существуетъ повсемѣстный обычай возвращать вдовѣ, въ особенности бездѣтной, при возвращеніи ея въ родительскій домъ, все принадлежащее ей приданое.

Крестьянинъ А. В. подалъ въ судъ жалобу на П. С. прося взыскать съ послѣдняго 25 рублей, которые просителемъ были напрасно истрачены на приготовленіе къ свадьбѣ, которая разстроилась по винѣ семьи отвѣтчика. На судѣ отвѣтчикъ заявилъ, что исковыя требованія очень преувеличены и согласился уплатить добровольно два рубля. Судъ призналъ возраженіе отвѣтчика правильнымъ и присудилъ съ него взыскать въ пользу просителя только 2 рубля. Вообще при такихъ искахъ всегда ихъ размѣры бываютъ повышенны, и суть всегда присуждается ту или другую, но значительно уменьшенную сумму.

Въ Д—скомъ волостномъ судѣ разматривалось дѣло: крестьянину деревни Ч., П. К. захотѣлось устроить новый домъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ пришедший въ ветхость, между тѣмъ разстояніе этого дома до сосѣдняго было не настолько значительно, чтобы можно было соблюсти правила строительного устава. Тогда онъ собралъ деревню и просилъ у нея разрѣшенія; селеніе предложило ему войти въ соглашеніе съсосѣдомъ. Съ нимъ П. К. вошелъ въ соглашеніе письменное, по которому этотъсосѣдъ не будетъ ни спорить, ни препятствовать строить домъ. Послѣ того, какъ П. К. выстроилъ себѣ домъ,сосѣдъ подалъ въ судъ жалобу на П. К.,

прося судъ присудить домъ къ сломкѣ, какъ построенный безъ со-
блюденія пожарного строительного устава. Судъ постройку призналъ
неправильною и домъ присудилъ къ сломкѣ. П. К. перенесъ домъ
на новое мѣсто, подалъ въ судъ исковое прошеніе на своего сосѣ-
да, прося, чтобы тотъ уплатилъ ему ту сумму, которую онъ на-
прасно израсходовалъ по винѣ отвѣтчика, нарушившаго свое обяза-
тельство. Судъ присудилъ взыскать искомую сумму съ отвѣтчика
въ пользу истца, въ силу заключенного ими условія. Такое рѣше-
ніе суда съѣздомъ было отмѣнено.

Такимъ образомъ оказывается, что суды принимаютъ и неза-
конные обязательства.

Волостной судъ нерѣдко присуждаетъ взысканія денегъ не съ
самого должника, а съ поручителя его, предоставляемъ послѣднему
взыскивать присужденную съ него судомъ сумму съ того лица, за
котораго онъ поручился передъ истцомъ.

Тесть И. К. желалъ взыскать съ своего зятя имущество,
принадлежащее дочери просителя. Дѣло возникло изъ за того, что
жена отказалась жить вмѣстѣ съ мужемъ и ушла къ своему отцу.
Жена отвѣтчика на вопросъ суда: что ее вынудило уйти отъ му-
жа— отвѣчала, что у нея болитъ рука, а мужъ заставляеть работ-
ать черезъ силу. Отвѣтчикъ выразилъ, что онъ работать жену
черезъ силу не неволить и не нудить, и если она на будущее
время не будетъ уходить отъ него самовольно къ своему отцу, то
онъ согласенъ взять ее къ себѣ обратно сейчасъ. Судъ постановилъ
приказать женѣ отвѣтчика жить съ мужемъ и во всемъ слушаться
мужа, но силъ возможности должна работать; если же она будетъ
уходить отъ мужа безъ притѣсненія, въ наказаніе имѣнія, принад-
лежащаго ей, не выдавать, а просителю въ искѣ отказать, какъ
сграбзителю и подражателю своей дочери и кромѣ того К. безъ
дозволенія мужа (т. е. зятя) дочь У. въ домѣ у себя не держать
даже одной ночи и отправлять ее всегда къ мужу.

Какъ на примѣръ отсутствія всякой формальности въ иныхъ случаяхъ и разрѣшенія дѣлъ по жизненнымъ требованіямъ и здравому смыслу (въ основѣ чего лежитъ желаніе рѣшить по совѣсти и справедливости) приведу случай рѣшенія К—го волостного суда. Вдова изъ деревни С., П. Р. отдала въ аренду полосу земли А. Р. на три года по 50 коп. въ годъ и деньги 1 р. 50 коп. получила впередъ за три года. Спустя два года послѣ этого, она вышла во второе замужество и стала сама нуждаться въ землѣ, почему мужъ ея сталъ запрещать арендатору Р. пользоваться на третій годъ этой землей; вслѣдствіе этого арендаторъ вынужденъ былъ обратиться съ исковой просьбой, чтобы судъ возстановилъ ему владѣніе, нарушенное мужемъ П. Р. и его семьей. Судъ постановилъ такое опредѣленіе: П. Р. хотя и отдавала полосу въ аренду Р. и за три года получила впередъ аренду по 50 коп. овсомъ, но нынѣ отдавать ее не соглашается, такъ какъ нужно самой, а тѣмъ болѣе состоять нынѣ въ замужествѣ. Затѣмъ Р. хотя и уплатилъ деньги въ счетъ аренды, то и, завладѣлъ таковыя (выручилъ ихъ изъ доходовъ отъ арендуемой земли) за два года; въ таковыхъ соображеніяхъ судъ въ искѣ полосы отказалъ и при-нудилъ взыскать съ отвѣтчицы въ пользу истца 1 пудъ овса. (Вологодск. губ. Кадниковск. у. Дилакторскій).

Привожу другіе характерные перечни и разсказы объ употребленіи обычаго права въ волостныхъ судахъ.

Волостные суды при рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ руководствуются мѣстными юридическими обычаями, обычаи эти могутъ быть сведены къ слѣдующимъ формуламъ и тѣмъ лаконичекимъ выраженіямъ народа, которыя вошли въ поговорки. Долженъ—плати. Не долженъ—не плати. Нанялся—продался, отжился—выкупился. Рукамъ воли не давай, а языкомъ болтай. Пьянь да умень—два угодья въ немъ. Пьянь то пьянъ, а обь стѣну головой не бьется. Чужаго не бери и своего не упускай. Твоя скотина—ты за ней и

смотри (относительно потравъ). Замужняя женщина, баба—отрѣзанный ломоть. Чья яблонка, того и яблочки. Чья корова, того и молочко. Чья обратка (недоуздокъ) того и лошадка. Чья овечка, того и шерсточка. Написано перомъ, не вырубиши топоромъ. Всѣ эти по-говорки за исключениемъ лишь: „замужняя баба отрѣзанный ломоть“ совпадаютъ со взглядами нашихъ общихъ законовъ. Замужняя баба означаетъ, что съ выходомъ въ замужество всѣ счеты съ прежней семьей покончены, а замужняя женщина является какъ бы отрѣзаннымъ ломтемъ отъ хлѣба (семьи). Поэтому то по крестьянскому обычаю отданная въ замужество считаются какъ бы надѣленными и послѣ смерти родного отца не въ правѣ наследовать его имущество. Такой взглядъ оправдывается тѣмъ, что при выдачѣ въ замужество невѣста надѣляется приданымъ, состоящимъ какъ въ нарядахъ и необходимой одеждѣ для себя, будущаго мужа и потомства, такъ и въ скотѣ, постройкахъ и землѣ, если не на вѣчное и потомственное владѣніе, то въ пожизненное, или временное, на условленное количество лѣтъ. По обычаю крестьянъ недвижимое имущество, въ видѣ строеній, считается собственностью того, кѣмъ оно возведено, несмотря на то, кому принадлежитъ земля, на которой возведены постройки. Давность на право владѣнія народными обычаями не признается. (Орловск. г. Хотынецъ, Сахаровъ).

Споры о наслѣдствахъ и раздѣлѣ и т. п. иски волостной судъ рѣшаеть на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Но нѣкоторыя статьи гражданскихъ законовъ (т. X ч. I) стали проникать и въ крестьянскую среду. Такъ, на волостномъ судѣ разбиралось дѣло о наслѣдствѣ. Послѣ смерти одного крестьянина, находившагося на военной службѣ, оставалось кое-какое имущество, стоимостью въ тридцать рублей. Военное начальство сдѣлало запросъ, кому выдать деньги. Дома у умершаго остались: отецъ, мать, жена и ребенокъ. Жена скоро вышла замужъ, взяла съ собою ребенка. Между отцомъ и женой солдата возникъ споръ: первый говорить, что ему

должно принадлежать имущество сына, такъ какъ, отдавая сына въ службу, онъ снарядилъ его, понесъ много убытковъ; вторая говорила, что у покойнаго есть ребенокъ, которому и должно принадлежать имущество.

Посторонние мужики говорили, что отецъ правъ, вѣдь и внукъ, сколько ни живи у отчима, а все придется къ дѣдушкѣ. Дѣло дошло до волостного суда. Волостнымъ судьямъ известны статьи десятаго тома о наследствахъ и, на основаніи этихъ статей, присудили имущество малолѣтнему—наперекоръ крестьянскому обычая. Но когда дѣло дошло до уѣзднаго съѣзда, то онъ объяснилъ, что волостному суду не обязательно руководствоваться гражданскими законами и во второй разъ судъ рѣшилъ дѣло, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, въ пользу отца умершаго. (Симбирск. губ. Алатырск. у. Роздинъ).

Нѣть сомнѣнія, что приведенные примѣры имѣютъ единичный характеръ и что дѣлать изъ нихъ сколько нибудь широкія обобщенія о существующихъ въ крестьянскомъ быту обычаяхъ было бы рисковано.

Существуютъ кромѣ того указанія, что волостные суды руководствуютъся обычаями въ вопросахъ, не нормированныхъ закономъ (напр. Вологодск. губ. Хмѣлевскій у. Шустъковъ). Но еще болѣе распространены ссылки судовъ на „мѣстный обычай“ въ обходъ и нарушение существующаго закона и очевидной справедливости. Злоупотребление ссылкой на обычай въ весьма большомъ ходу у волостныхъ писарей; привожу характерные примѣры подобныхъ злоупотреблений.

Нашъ волостной судъ широко руководствуется „мѣстными обычаями“, иногда въ судѣ бываетъ рѣшено дѣло на основаніи такого мѣстнаго обычая, о которомъ ни сами крестьяне, ни отцы и дѣды ихъ и не подозревали; такой обычай существуетъ не у крестьянъ, а въ фантазіи волостного писаря. Беру первую попав-

шуюся книгу волостного суда. Вотъ что гласить книга за 1890 годъ, когда судъ уже находился подъ контролемъ земскаго начальника.

а) Дѣло № 8. Крестьянскимъ дѣвицамъ Никитинымъ въ искѣ недвижимаго имущества послѣ смерти отца ихъ отказано; а потому по нашему мѣстному крестьянскому обычаю въ просьбѣ Никитинимъ отказать по преждевременности. У народа нѣтъ такого обычая, чтобы дѣти не могли наслѣдовать имущество отца.

б) Дѣло № 15. Иванъ Кудряшевъ предъявилъ искъ къ Арсению Александрову на 1 р. 90 к. за полковъку соли. Александровъ долгъ отрицаешь, говорить, что соли не бралъ; свидѣтелей нѣть— „постановили: по нашему мѣстному крестьянскому обычаю, взыскать съ Александрова въ пользу Кудряшева 95 коп.“ Обычай такой: сколько взялъ, столько и отдай.

в) Дѣло № 21. Ивановъ просить привлечь Артемьеву за безчестье на словахъ. Отвѣтчикъ Артемьевъ объяснилъ, что Ивановъ его тоже ругалъ „По нашему мѣстному крестьянскому обычаю постановили: Артемьеву наказать десятью ударами розогъ“, пишеть писарь. Такого народнаго обычая нѣть. Народный обычай говоритъ: „ты меня ударилъ и я тебя ударилъ, ты меня ругалъ и я тебя ругаль—мы квиты“.

г) Трифоновъ просить взыскать съ Надежды Петровой 7 р. Петрова объяснила суду, что 7 рублей Трифонову былъ долженъ ея покойный мужъ. Все имущество мужа осталось въ пользованіи Петровой и ея малолѣтнихъ дѣтей. „По нашему мѣстному крестьянскому обычаю постановили: въ просьбѣ Трифонову отказать“. Напротивъ, по обычаю, наследники обязаны уплатить долгъ умершаго отца, чтобы кости въ могилѣ не шевелились.

д) Дѣло № 23. Власовъ просить съ Федорова взыскать 3 рубля. Федоровъ объяснилъ, что дѣйствительно скосиль у Власова сѣна на три рубля. „Судъ по мѣстному обычаю постановилъ: взыскать съ Федорова въ пользу Власова одинъ рубль“.

е) Дѣло № 26. Кирилова просить на Потапову, что та унесла у нея мотушку лыку, 11 пасомъ и говорить, „что еще не то унесу“. Потапова виновность отрицаеть, свидѣтелей нѣть. Судъ по мѣстному обычаю рѣшаеть: „взыскать съ Потаповой за мотушку 30 коп., а за поступокъ арестовать на 5 дней“. Туть народный обычай извращенъ два раза: во первыхъ, обычай противъ наказанія поступка за такую мелкую кражу, а во вторыхъ народъ говоритъ: „не поймань, не воръ“.

ж) Дѣло № 27. Семеновъ просить взыскать съ Никанорова шесть рублей, „за переборъ за работу“. Никаноровъ на судъ не явился. Свидѣтель Дормидонтовъ показалъ, что онъ не знаетъ, долженъ ли Семенову Никаноровъ, но знаетъ, что работаль. По мѣстному обычаю постановлено: взыскать съ Никанорова въ пользу Семенова шесть рублей и арестовать на семь дней“. Ограничиваюсь этими выписками, хотя ихъ можно бы было сдѣлать очень много; добавлю только, что есть постановленія, основанныя, по словамъ волостного суда, на мѣстномъ обычаѣ, совершенно противорѣчивыя: „Такъ какъ драка была обоюдная, гласить постановленіе, дѣло прекратить“, „такъ какъ драка была обоюдная, то за нарушеніе тишины и спокойствія обоихъ наказать розгами“; а то на основаніи того же обычая зacinщикъ драки наказанъ, а другie участники той же драки оставлены безъ наказанія. Изъ приведенныхъ фактovъ видно, что хотя волостной судъ и часто береть основаніемъ своихъ приговоровъ, мѣстный крестьянскій обычай, но рѣшаеть дѣло вовсе не по обычаю, а по желанію писаря, и выражение „мѣстный обычай“, служить только ширмой для прикрытия беззаконности рѣшенія. (Новгородск. г. Череповец. у. Власовъ, ср. Смоленск. г. Юхновск. у. Кушнеревъ).

Кромѣ того имѣется указаніе на обычай судопроизводственного характера, заключающійся въ томъ, что суды обыкновенно считаютъ необходимымъ для доказательства факта преступленія показаніе

свидѣтелей. Въ видѣ исключенія изъ этого правила жалоба родителей на дѣтей за дурное обращеніе принимается на вѣру и признается достаточной для присужденія дѣтей къ наказанію. (Смоленск. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ). Указаніе это на столько единично, что обобщать его было бы рисковано.

§ 35. Порядокъ обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ.

По вопросу объ обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ практика вполнѣ согласна съ закономъ. Законъ этотъ гласитъ: „жалобы на рѣшенія волостного суда могутъ быть приносимы участвующими въ дѣлѣ лицами въ теченіи тридцати дней со дня объявленія рѣшенія. Жалобы эти приносятся земскому начальнику черезъ волостной судъ, рѣшившій дѣло; съ приложеніемъ копіи сей жалобы. Волостной судъ, сообщивъ копію противной сторонѣ, представляетъ жалобу земскому начальнику, вмѣстѣ съ точною выпискою изъ книги рѣшенія и всѣми представленными сторонами документами (ст. 140 Общ. Пол. о крестьян. изд. 1902 года). Земской начальникъ передаетъ дѣло на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда, но по дѣламъ о проступкахъ, за которые подсудимый приговоренъ къ простому аресту не свыше трехъ дней или къ денежному взысканію не свыше пяти рублей и по которому вознагражденіе потерпѣвшаго за вредъ и убытокъ присуждено въ суммѣ, но превышающей 30 рублей, если при томъ требование о таковомъ вознагражденіи предъявлено потерпѣвшимъ въ суммѣ не свыше 30 рублей—лишь тогда, когда рѣшеніе волостного суда постановлено съ нарушениемъ предѣловъ его власти или признается со стороны земскаго начальника неправосуднымъ (тамъ же ст. 141).

§ 36. Исполнение решений волостных судовъ.

Рѣшенія волостныхъ судовъ по вступлениі въ законную силу приводятся въ исполненіе волостнымъ старшиною. Послѣдній не всегда въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ лично, а нерѣдко передаетъ свои права мѣстному сельскому старостѣ или другому члену волостного правленія. Въ болѣе важныхъ случаяхъ старшина исполняетъ рѣшеніе суда самъ.

При гражданскихъ взысканіяхъ отвѣтчику обыкновенно посыпается повѣстка объ уплатѣ присужденной суммы въ извѣстный срокъ; если добровольной уплаты не послѣдуетъ, производится, распоряженіемъ старшины, опись имущества отвѣтчика и засимъ имущество сіе продается съ торговъ на удовлетвореніе иска. При описи и продажѣ однако не должно быть разстраиваемо крестьянское хозяйство; нельзя продать послѣднія — избу съ дворомъ, лошадь, корову, необходимые экипажи и земледѣльческія орудія и нужное количество хлѣба до новаго урожая (см. Новгородск. губ. Череповец. у. Власовъ). Если у отвѣтчика ничего не окажется могущаго подлежать продажѣ, старшина составляеть актъ о его несостоятельности и актъ этотъ передается истцу. Послѣ сего уже дальнѣйшія взысканія производятся только по указанію истцомъ имущества отвѣтчика, могущаго быть описанымъ. Бываетъ однако, на практикѣ, что волостной старшина сажаетъ назавшагося несостоятельнымъ отвѣтчика подъ арестъ впередъ до уплаты присужденныхъ денегъ; подъ арестомъ отвѣтчикъ сидитъ не ежедневно, а черезъ день по два дня, такъ какъ волостной старшина имѣть право посадить подъ арестъ только на двое сутокъ. Буде же и это наказаніе не дѣйствуетъ, старшина закладываетъ или отдаетъ его земельный надѣль въ пользованіе другому лицу, а вырученныя деньги передаетъ истцу (Орловск. губ. Болховск. у. Перъковъ).

Подобное сажаніе отвѣтчика подъ арестъ есть, конечно, случай злоупотребленія старшиною своими административными правами.

При уголовныхъ взысканіяхъ, когда виновный приговоренъ къ штрафу, взысканіе его производится въ томъ же порядкѣ, какъ и взысканіе гражданское, но при несостоительности виновнаго старшина возвращается дѣло въ судъ, который дѣлаетъ постановленіе о замѣнѣ штрафа арестомъ. Бываетъ также, что судъ дѣлаетъ постановленіе о замѣнѣ при самомъ составленіи приговора по существу. Согласно ст. 150 Общ. Полож. о крестьян. изд. 1902 года штрафъ замѣняется простымъ арестомъ или отдачею на общественные работы съ зачетомъ двухъ рублей штрафа за день ареста или работы.

Если виновный приговоренъ судомъ къ аресту, онъ вызывается въ волостноеправление повѣсткой, и, въ случаѣ неявки, подвергается приводу черезъ сельскія власти или черезъ полицію.

§ 37. Возобновленіе дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами, по вновь открывшимся обстоятельствамъ.

По вопросу о возобновленіи дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами, по вновь открывшимся обстоятельствамъ, въ законѣ о волостномъ судѣ (Общ. Пол. о крест.) нѣть опредѣленныхъ указаний.

По отзывамъ наблюдателей, трудно сдѣлать выводы объ единообразной практикѣ нашихъ волостныхъ судовъ въ этомъ отношеніи. Одни утверждаютъ, что случаевъ возобновленія дѣлъ вовсе не бываетъ, другіе—что волостные суды иногда входять въ разсмотрѣніе дѣлъ уже прежде рѣшенныхъ, но въ большинствѣ случаевъ не иначе какъ съ разрѣшеніемъ высшей инстанціи, рѣже земскаго начальника, чаще—уѣзданаго съѣзда, иногда губернского присутствія.

ГЛАВА VII.

Наказания, налагаемые волостными судами.

Согласно закону волостной судъ назначаетъ за подсудные ему проступки: 1) выговоръ въ присутствіи суда; 2) денежное взысканіе отъ двадцати пяти копеекъ до тридцати рублей; 3) арестъ до пятнадцати дней, простой или строгий (съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ), а въ случаѣ, предусмотрѣномъ ст. 148, до тридцати дней и 4) наказаніе розгами до двадцати ударовъ (Общ. Полож. о крест. изд. 1902 г., ст. 143).

Ст. 148 предусматриваетъ корыстный преступленія (Уст. о нак. ст. 169 и 172—174), мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство, а также нарушеніе условій найма.

Наказаніе розгами (ст. 143 п. 4) отмѣнено Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 11 августа 1904 года.

§ 38. Выговоръ въ присутствіи суда.

Выговоръ въ присутствіи суда примѣняется на практикѣ очень рѣдко, ибо признается крестьянами мѣромъ мало дѣйствительной. Въ народномъ сознаніи не укоренилось еще убѣжденіе о позорѣ, заключающемся въ самомъ фактѣ осужденія судомъ. Сдѣлать выговоръ крестьянину— одинъ грѣхъ и смѣхъ, говорилъ мнѣ судья, крестьянинъ.—

Этимъ его не проймешь, толста шкура. (Орловск. губ. Хотынецъ Сахаровъ).

§ 39. Денежное взысканіе.

Денежные взысканія назначаются въ пользу мірскихъ суммъ. Они назначаются всегда въ денежныхъ знакахъ и никогда въ вещахъ или продуктахъ. При определеніи размѣра денежныхъ взысканій судъ на состоятельность виновнаго, на семейное положеніе его и на возможность уплатить повинности обращаетъ вниманіе далеко не всегда. Есть случаи, когда, благодаря злоупотребленіямъ писарей, штрафъ налагается за одинъ и тотъ же проступокъ на богатаго меншій, чѣмъ на бѣднаго. (Новгородск. г. Череповецкій у. Власовъ). Есть также случаи оштрафованія за недоимку по принципу: „клинь клиномъ вышибай“ (тамъ же).

По вопросу о назначеніи денежныхъ взысканій въ пользу потерпѣвшихъ отъ преступленій независимо отъ штрафа въ пользу мірскихъ суммъ и отъ возмѣщенія гражданскаго ущерба въ сообщеніяхъ наблюдателей не имѣется точныхъ и единообразныхъ указаній. По закону оно возможно только при оскорблениихъ, и то лишь по требованію обвинителя.

Замѣна денежного взысканія по закону возможна только арестомъ и притомъ по разсчету 1 день за 2 рубля, и лишь при несостоятельности виновнаго. Есть указаніе и на случай замѣны штрафа розгами. (Вологодск. губ. Кадниковскій у. Дилакторскій), но и до Манифеста 11 Августа 1904 года такая замѣна была явно незаконной.

§ 40. Арестъ.

Арестъ, назначаемый по приговорамъ волостныхъ судовъ, отбывается при волостномъ правлениі. Описанія арестныхъ помѣщеній при волостныхъ правленияхъ не представляютъ разнообразій и особыхъ характеристическихъ чертъ „при волостномъ правлениі устроены двѣ комнаты и „холодная“, куда и сажаютъ арестованныхъ; одна комната для строгаго ареста, другая для нестрогаго. Комната для строгаго ареста сдѣлана съ однимъ окномъ, въ которое вдѣлана желѣзная рѣшетка, чтобы арестованный не могъ убѣжать. Нары безъ постелей. Арестованнымъ строгимъ арестомъ полагается въ пищу только хлѣбъ и вода. Комната для легко арестованныхъ тоже съ однимъ окномъ, только безъ желѣзной рѣшетки, эта комната не запирается. (Новгородск. губ. Череповец. у. Васильевъ). Конечно подробности устройства арестантскихъ помѣщеній варьируютъ. Число оконъ, размѣры, замки, присутствіе или отсутствіе наръ, или соломы для лежанія, большая или меньшая грязь, близость къ отхожему мѣсту, степень отопленія, большая или меньшая свобода для арестованныхъ—все это различно въ разныхъ мѣстахъ. Крестьяне называютъ это помѣщеніе „рестанской“, „казаматкой“, „блашницей“, „кутузкой“, „клоповникомъ“, „западней“ и другими прозвищами (напр. Череповец. у. Антиповъ). Иногда помѣщеніе настолько удобное, что крестьяне говорятъ „здѣсь, Боже мой, какъ хорошо, а кабы капиталишка перепадаль (пища хорошая), то лучше бы этой жизни и не надо. (Орловск. у. Михеевъ). Содержатся арестованные въ большинствѣ случаевъ свободно, они исполняютъ разныя работы при правлениі; нерѣлко ихъ пускаютъ гулять по селу; бесѣды со сторожами правления или съ писаремъ нерѣлки. Покушеній къ побѣгу почти никогда не бываетъ. Держать себя крестьяне подъ арестомъ въ большинствѣ случаевъ совершенно смироно.

§ 41. Наказаніе розгами.

Тѣлесное наказаніе, какъ уже было выше указано, отмѣнено 11 Августа 1904 года. Тѣмъ не менѣе интересно отмѣтить отношеніе къ нему населенія. Огромное большинство наблюдателей указываетъ, что крестьяне признавали розги наиболѣе тяжкимъ наказаніемъ изъ всѣхъ налагаемыхъ волостнымъ судомъ и притомъ не столько ввиду причиняемой ими физической боли, сколько ввиду ихъ позорности. Употреблялось тѣлесное наказаніе вообще очень рѣдко — лишь въ единичныхъ случаяхъ и каждый разъ съ разрѣшенія земскаго начальника. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ девяностыхъ годахъ. Многіе земскіе начальники, вообще, не разрѣшали приводить въ исполненіе приговоры о тѣлесномъ наказаніи, всегда замѣняя его арестомъ, на что имъ было предоставлено по закону право. Приговоренные къ розгамъ дѣлали все возможное, чтобы избѣжать этого наказанія, просили земскихъ начальниковъ о замѣнѣ, посыпали за себя ходатаевъ и т. д. Тяжесть наказанія розгами косвенно подтверждала и тѣ, кто сочувствовалъ ему: „вотъ прежде было, такъ иная статья, наказаніе можно сказать, было отчетливое; какъ похлещущь, бывало свѣженъкими прутиками, такъ мужикъ то во весь вѣкъ не забудеть; ну тогда и боялись, строго держали себя“. (Ярославск. губ. Ростовскій у. Фоминъ). Вообще за послѣднее время сочувствіе розгамъ стало явленіемъ рѣдкимъ въ народѣ; но чтобы самъ наказываемый предпочиталъ розги аресту или штрафу — бывали разве только единичные случаи. Большинство предпочитало годъ въ острогѣ тѣлесному наказанію. Привожу наиболѣе характерные разсказы:

У крестьянъ есть пословицы: „на ж—гѣ не рѣшу сѣять, но огородъ городить“, „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“, но онѣ говорятся про наказаніе дѣтей, которое и для нихъ ограничено: „учи пока поперекъ лавки лежить, вдоль ляжетъ—поздно будетъ“.

Сами крестьяне страшно боятся розгъ и не физической боли отъ нихъ (ее крестьяне переносятъ съ удивительной стойкостью), а больше всего оскорблениі ихъ человѣческаго достоинства позоромъ публичнаго наказанія. (При экзекуціяхъ могутъ присутствовать постороннія лица). Бывали, разсказываютъ случаи, что приговоренные къ розгамъ, ровѣли, какъ ребята малы, Христомъ Богомъ молили судей отмѣнить приговоръ, въ ногахъ у нихъ волялись. Одинъ крестьянинъ рассказалъ мнѣ про свои душевныя мученія, когда онъ былъ приговоренъ судомъ къ розгамъ. „Мне было 19 годовъ, какъ присудили выдѣлать за драку въ праздникъ. Какъ прочитали приговоръ, ровно подо мной земли не стало, ровно все заходило вокругъ, такъ все нутро и перевернулось. Не помню какъ ушелъ изъ суда и какъ пришелъ домой; я все думалъ, что мнѣ это приснилось, или въ правленіи пошутили. Все думалъ о розгахъ, проснусь о розгахъ въ голову лѣзеть, одинъ останусь, съ ума розги не сходять. Думалъ убѣжать, да куда сбѣжишь то. Однажды пришелъ староста, сказалъ, что завтра въ правлѣніе требуютъ. Тутъ ужъ я задумалъ руки на себя наложить. да Господь милостивъ: тятка замѣтилъ, что я не въ умѣ, сталъ глядѣть за мной и не далъ. На другой день тятка пошелъ со мной въ правлѣніе, не пустилъ одного, видно боялся. Что же, больно было? Не помню: отецъ подъ руки изъ правлѣнія домой привелъ. Этотъ же крестьянинъ съ веселымъ смѣхомъ разсказываетъ, какъ отецъ отхлесталъ его ременнымъ черезсѣдельникомъ съ желѣзнымъ кольцомъ на концѣ за то, что прогулялъ долго на праздникъ у Николы въ Ильинскую пятницу, когда съно еще не все убрано было. А не такъ больно было, какъ въ правлѣніи? Ой ты, чудакъ, да въ десять разъ больнѣе было, съ недѣлю и руки подымать не могъ, такъ по плечамъ нахлесталъ онъ мнѣ. Да что, вѣдь это батько. А за правленскую дрань я бы годъ дарьма проработалъ, только не трогали бы“. Неудивительно поэтому, что крестьяне арестъ и денежное взысканіе предпочитаютъ тѣлесному нака-

занію, даже самый бѣдный мужикъ лучше заплатить большой штрафъ, чѣмъ пойдеть подъ розги. На арестъ крестьяне смотрятъ тоже какъ на позоръ для себя, конечно, не такой, какъ розги, и денежному взысканію отдаются предпочтеніе предъ арестомъ. Крестьянинъ села Никольского Степанъ Акимовъ, имѣющій среднее состояніе, былъ приговаренъ судомъ на три дня подъ арестъ, за неисправное содержаніе дороги на купленной землѣ съ замѣною ареста шести рублей штрафомъ, если того обвиняемый пожелаетъ. Акимовъ заплатилъ 6 рублей. Говорять, что въ первые года послѣ освобожденія крестьянъ волостной старшина расправлялся съ крестьянами собственоручно: „натреухаешь, натреухаешь, да ни что и возьметъ“. Но впослѣдствіи, когда крестьяне начали сознавать дарованныя имъ права, „съ руки раздѣлка“ прекратилась, остались только наказанія по приговорамъ волостного суда—розги и арестъ. Для наказанія розгами, какъ уже сказано было, обвиняемый вызывается въ волостное правленіе; два пучка розогъ заранѣе приготовлены и размочены въ водѣ правленскими сторожемъ. Осужденный подзывается къ столу, за которымъ сидятъ старшина съ значкомъ на груди и писарь съ книгой решений волостного суда. По приказанію старшины писарь читаетъ приговоръ суда, въ силу которого вызванный долженъ быть наказанъ. Затѣмъ правленскій сторожъ беретъ за рукавъ и ведетъ въ сѣни правленья, сзади идетъ старшина. Въ сѣняхъ уже ждутъ четыре мужика, два съ розгами въ рукахъ, „Снимай одежду, ложись“, командуетъ старшина. Немедленно стягивается съ себя осужденный шубу или кафтанъ, кладется среди сѣней, чтобы потомъ лечь на немъ головой, спускаетъ до колѣнь портки и ложится. „Малодушные недотроги“, какъ ихъ здѣсь зовутъ; еще во время приготовленія къ наказанію начинаютъ плакать и молить старшину о помилованіи, величая его по имени и отчеству, называя „кормильцемъ, батюшкой, краснымъ солнышкомъ“. „Ложись, ложись, я ничего не могу, я исполняю законъ“, отвѣчаетъ на мольбы старшина.

Два палача становятся по сторонамъ разложенной жертвы, въ воздухѣ раздается свистъ розгъ, и одновременно съ нимъ страшный крикъ наказуемаго. Онъ не вытерпѣлъ, вскочилъ. Старшина недоволенъ; двумъ другимъ мужикамъ онъ приказываетъ „повалить и подержать“. Тѣ силой валить на прежнее мѣсто, не обращая вниманія на дикие крики и мольбы наказуемаго, и одинъ садится ему на голову, захвативъ жертву руками подъ пазухи, а другой на ноги. Старшина ходить кругомъ и съ азартомъ кричитъ: „хорошенько, хорошенько его“. Наказаніе кончилось. Наказанный быстро вскакиваетъ словно пружины оттолкнули его отъ полу, онъ всхлипываетъ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ; его „бѣть какъ по пруту“, (прутъ та же розга) трясась надѣваетъ онъ портки и одежду и молча, держась руками за задъ, чтобы портки не коснулись изорваннаго тѣла, уходить изъ правленья. Но есть и такие стоики, которые молча ложатся подъ розги и, не проронивъ ни одного звука, выдерживаютъ наказаніе. Бывшій старшина Бѣляевъ, по его словамъ, въ рѣдкихъ случаяхъ наказывалъ опредѣленнымъ судомъ числомъ ударовъ. „Я дралъ гораздо больше, говорить онъ, заставлю самого виновника считать удары, зная по опыту, что никто подъ розгами считать не можетъ, ну и всыплю ему сколько хочу. Къ наказаніямъ розгами народъ относится неодинаково, что зависитъ отъ личныхъ качествъ и частной жизни подвергнутаго наказанію: если попалъ подъ наказаніе человѣкъ смирный, правильный и такой, что и „на дѣвокъ то изъ за косяка глядитъ“, про такого говорятъ, что „понопрасно изобидѣли парня“, и никто изъ сосѣдей не позовлить себѣ не только упрекнуть, но даже напомнить объ этомъ печальному эпизоду въ его жизни. Напротивъ, сорванца, „похабнаго парня“, непристойно ведущаго себя въ обычной жизни, драчuna на праздникахъ, не жалѣютъ, говорятъ: „давно бы его шалопутнаго такъ надо“. Такого при случаѣ укоряютъ: „стеганка—паренька, тепленька водица“, „рваная ж—па“, „писаная ж—па“. За однимъ крестьяниномъ

послѣднее выраженіе такъ и осталось, какъ прозвище, такъ его и зовутъ: „Ега—писаная ж—па“ (Ега—Егорь). (Новгородск. губ. Череповецк. у Власовъ).

Крестьяне никогда не предпочитают розги ни штрафу, ни аресту, хотя существует разсказъ о томъ, какъ одинъ изъ наказуемыхъ совершенно хладнокровно отнесся къ своей спинѣ, но разсказъ этотъ я скорѣе считаю за анекдотъ, чѣмъ за правду, такъ какъ слышалъ его въ разныхъ частяхъ уѣзда. Разсказъ этотъ слѣдующій: приговореннаго къ розгамъ растянули на полу и волостной сторожъ, онъ же и палачъ волостнаго правленія, нагнувшись къ наказуемому, тихо сказалъ: даешь на полбутилки—тихонъко буду сѣчь, на что наказуемый хладнокровно и громко отвѣтилъ, „дай ты мнѣ на полбутилки и пори хошь цѣлый день“. Отзывается о розгахъ народъ какъ о позорномъ, порочащемъ наказаніи: „скотину бить и то грѣшно, а бить да порочить человѣка—въ семеро. (Калужск. г. Козельск. у. Сурнаковъ).

Извѣстенъ мнѣ одинъ случай предпочтенія тѣлеснаго наказанія аресту. Опишу его. Въ 1897 году Черкасскимъ волостнымъ судомъ, черкасскій крестьянинъ былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію розгами, 10-ю ударами. Приговоръ этотъ онъ не обжаловалъ, почему по вступлению его въ законную силу, волостной старшина просилъ разрѣшенія мѣстнаго земскаго начальника къ привиденію его въ исполненіе. Земскій начальникъ, имѣя въ виду преклонный возрастъ обвиняемаго (около 50 лѣтъ), замѣнилъ назначенное наказаніе 10-ти дневнымъ арестомъ. Когда волостной старшина попросилъ обвиненнаго отбыть наказаніе, послѣдній сталъ просить его высѣчь, объясняя, что подъ арестомъ ему сидѣть некогда. Старшина сказалъ, что такъ распорядился земскій начальникъ. Крестьянинъ отправился къ послѣднему съ такою же просьбою. (Пензенск. г. Тихомировъ).

